Празднование
двухсотлетней
годовщины
рождения Ломоносова
1711 — 1911

М 85
39

№ 39

1711 1911

Празднованіе

двухсотлѣтней годовщины

РОЖДЕНІЯ

М. В. Ломоносова

Императорскимъ Московскимъ Университетомъ.

МОСКВА
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1912.

1711

1911

Празднованіе

двухсотлѣтней годовщины

РОЖДЕНІЯ

М. В. Ломоносова

Императорскимъ Московскимъ Университетомъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-17661
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

МОСКВА
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1912.

Печатается на основаніи постановленія Совѣта Императорскаго Московскаго Университета отъ 10 дек. 1911 года.

Ректоръ Университета **М. Любавскій.**

2007060453

Оглавленіе.

		стр.
	Предисловіе	I
1.	*Проф. Н. Боголюбовъ.* Рѣчь въ храмѣ И. М. У-а	1
2.	Вступительное слово Ректора У-а.....	4
3.	*Орд. проф. М. К. Любавскій.* XVIII вѣкъ и Ломоносовъ.....	8
4.	*Орд. проф. М. Н. Сперанскій.* Московскій Университетъ XVIII столѣтія и Ломоносовъ	24
5.	*Засл. орд. проф. И. А. Каблуковъ.* Ломоносовъ, какъ физико-химикъ.....	50
6.	*Засл. орд. проф. А. П. Павловъ.* Ломоносовъ, какъ геологъ.....	69
7.	*Засл. орд. проф. Д. Н. Анучинъ.* Географія XVIII вѣка и Ломоносовъ	95
8.	*Временный Предсѣдатель Общества Любителей Росс. Слов. П. Н. Сакулинъ.* Личность М. В. Ломоносова.....	124
9.	*Засл. проф. Р. Ѳ. Брандтъ.* Ломоносовъ, кахъ филологъ и поэтъ	155

26 мая 1910 года по предложенію Историко-филологическаго факультета постановленіемъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета образована была спеціальная Комиссія для организаціи чествованія Университетомъ памяти М. В. Ломоносова по случаю исполняющагося 8 ноября 1911 года двухсотлѣтія со дня его рожденія. Комиссія эта въ составѣ восьми членовъ Совѣта (по два отъ каждаго факультета) въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ выработала и представила на усмотрѣніе Совѣта предположенія касательно чествованія памяти М. В. Ломоносова въ слѣдующемъ видѣ:

1) Находя не желательнымъ совпаденіе въ днѣ университетскаго чествованія М. В. Ломоносова съ таковымъ же въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ (8 ноября 1911 г.), Комиссія признала наиболѣе цѣлесообразнымъ пріурочить торжественное чествованіе памяти М. В. Ломоносова ко дню ближайшей годовщины Университета, какъ учрежденія, по своей идеѣ и дѣятельности тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ личностью и дѣятельностью Ломоносова, т.-е. съ 12 января 1912 года.

2) Чествованіе это должно выразиться: а) въ устроеніи совмѣстнаго торжественнаго публичнаго засѣданія Совѣта Университета и состоящихъ при немъ четырехъ старѣйшихъ ученыхъ Обществъ: Импе-

раторскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Общества Любителей Россійской Словесности, Императорскаго Общества Испытателей Природы и Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Въ засѣданіи этомъ должны быть произнесены рѣчи, посвященныя научной и общественной дѣятельности Ломоносова и связанной съ нею исторіи Московскаго Университета въ XVIII столѣтіи. Предположены были къ произнесенію въ засѣданіи слѣдующія рѣчи: 1) М. К. Любавскаго—Ломоносовъ и XVIII вѣкъ, 2) М. Н. Сперанскаго—Ломоносовъ и Московскій Университетъ въ XVIII столѣтіи, 3) Р. Ѳ. Брандта—Языкъ и поэтическая дѣятельность Ломоносова, 4) И. А. Каблукова—Ломоносовъ, какъ физико-химикъ, 5) А. П. Павлова—Ломоносовъ, какъ геологъ, 6) Д. Н. Анучина—Географія XVIII вѣка и Ломоносовъ, 7) П. Н. Сакулина—Личность М. В. Ломоносова. б) Предположено въ память Ломоносова издать отъ Университета сборникъ, въ первую часть коего войти должны рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи 12 января, а во вторую—собраніе матеріаловъ, касающихся исторіи Московскаго Университета за XVIII столѣтіе. в) Предположено образовать въ одной изъ залъ университетской библіотеки отдѣльное собраніе, которое заключало бы въ себѣ все, касающееся исторіи Московскаго Университета.

Эти предположенія Комиссіи были одобрены Совѣтомъ Университета въ засѣданіи 10 декабря 1911 года.

Между тѣмъ Университетъ принялъ участіе въ чествованіи памяти М. В. Ломоносова и 8 ноября 1911

года: въ этотъ день въ университетской церкви была отслужена заупокойная литургія и панихида по Ломоносовѣ; передъ панихидой проф. Богословія Н. И. Боголюбскимъ сказано слово, посвященное памяти М. В., а послѣ нея отъ Университета возложенъ вмѣстѣ съ другими общественными и просвѣтительными учрежденіями г. Москвы вѣнокъ на памятникъ М. В. Ломоносова, находящійся передъ „новымъ“ зданіемъ Университета; занятія въ этотъ день въ У-ѣ были отмѣнены. Сверхъ того, въ этотъ же день черезъ депутацію отъ Университета принесено было въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ поздравленіе Академіи и переданъ ей отъ Университета соотвѣтствующій адресъ.

12 января 1912 г. въ актовомъ залѣ Университета въ 2 часа состоялось соединенное засѣданіе Совѣта Университета и ученыхъ Обществъ по утвержденной Совѣтомъ программѣ.

Въ настоящій, первый, выпускъ сборника вошли произнесенныя рѣчи, со включеніемъ сюда же и слова проф. Богословія 8 ноября 1911 года.

РѢЧЬ

въ храмѣ Императорскаго Московскаго Университета, въ день 200-лѣтняго юбилея памяти Михаила Васильевича Ломоносова (8 ноября 1911 года).

„Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ"... Дивенъ Богъ и въ великихъ, мудрыхъ мужахъ, носителяхъ творческой силы разума, свѣтилахъ науки, искусства, культуры! Самая способность человѣка мыслить, изслѣдовать, творить заложена въ насъ въ актѣ перваго творенія. Мудрость человѣческая, по существу своему, есть чудное отображеніе премудрости Бога—Творца.

„У Него мудрость и сила"... „Онъ даетъ мудрость мудрымъ". Явленіе въ человѣчествѣ необыкновенныхъ мудрецовъ—геніевъ, вождей, пророковъ—это, несомнѣнно, особенный и чрезвычайно рѣдкій даръ Провидѣнія. Считать его просто лишь продуктомъ естественныхъ, историческихъ факторовъ нѣтъ достаточныхъ основаній: столько же оно бываетъ неподготовлено, неожиданно, сколько и существенно важно для развитія народнаго сознанія и обще-человѣческаго прогресса. Природа, производя генія, очевидно, дѣлаетъ необъяснимый скачекъ въ эволюціи, творитъ своего рода чудо.

Божественная печать рельефно выражается въ человѣческихъ геніяхъ - самородкахъ, въ ихъ мысляхъ, рѣчахъ и подвигахъ: такъ все у нихъ необыкновенно среди окружающихъ ихъ жизнь условій; такъ высоко они стоятъ надъ своими современниками и такъ мало понимаются ими; такъ далеко впередъ провидятъ они, намѣчая новые пути для научныхъ изслѣдованій и освѣщая для потомковъ новые горизонты.

Силѣ и глубинѣ геніальнаго творчества приходится изумляться иногда чрезъ значительное разстояніе времени. Полнота и разнообразіе духовныхъ интересовъ; ясность и прозорливость ума; широта замысловъ и смѣлость въ выводахъ; наконецъ, неутомимость энергіи: все это положительно приводитъ въ недоумѣніе даже отдаленныхъ потомковъ и невольно вызываетъ чувство благоговѣнія къ Тому, Кто такъ щедро одарилъ человѣка, сотворивъ его „по Своему образу и подобію“.

Сегодня мы празднуемъ знаменательный день двухсотлѣтняго юбилея одного изъ немногихъ великихъ людей, какихъ мы знаемъ въ исторіи нашей родины. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ — нашъ великій самородокъ, исшедшій изъ самыхъ корней простого народа и своимъ геніемъ украсившій отечественную исторію,—наша слава, наша гордость, опора нашихъ лучшихъ надеждъ и ожиданій.

Московскій Университетъ глубоко чтитъ Ломоносова и какъ отца нашей русской науки, и какъ одного изъ ближайшихъ виновниковъ своего основанія. Россія вся знаетъ его, какъ великаго своего гражданина, отдавшаго весь свой геній и всѣ свои силы подвигамъ на ея преуспѣяніе и на пріобщеніе къ всемірной культурѣ, умершаго съ свѣтлыми мечтами о ея будущемъ духовномъ

ростѣ и величіи. И сама Церковь присоединяется къ общему торжеству своимъ молитвеннымъ воспоминаніемъ о приснопамятномъ юбилярѣ, какъ объ одномъ изъ славныхъ питомцевъ своей школы, двигателѣ духовнаго просвѣщенія и незабвенномъ пѣвцѣ величія Божія.

Да будетъ же благословенною память о немъ изъ рода въ родъ!

Профессоръ Богословія, Протоіерей *П. Гоголюбскій.*

———

Вступительное слово Ректора Университета.

Ваше преосвященство, милостивыя государыни и милостивые государи!

Почти сорокъ семь лѣтъ прошло съ того момента, какъ Императорскій Московскій Университетъ заодно съ Императорскою Академіею Наукъ и другими просвѣтительными учрежденіями Россіи чествовалъ память того, кто, по его собственному сознанію, „первый причину подалъ къ основанію помянутаго корпуса“ [1]) и тѣмъ содѣйствовалъ „къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества“ [2]). То была столѣтняя годовщина со дня смерти Михаила Васильевича Ломоносова. Много прекрасныхъ рѣчей было тогда произнесено о Ломоносовѣ, много обстоятельныхъ изслѣдованій о его жизни и дѣятельности выпущено было въ свѣтъ, опубликовано много матеріаловъ, относящихся къ этой жизни и дѣятельности. Геній и заслуги Ломоносова,

---

[1]) *Билярскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 197. Спб. 1865.

[2]) *Пекарскій*, Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, т. II, стр. 566.

названнаго Пушкинымъ „первымъ русскимъ университетомъ“, „Петра Великаго русской литературы“, по выраженію Бѣлинскаго, нашли себѣ всестороннее и, казалось бы, уже полное освѣщеніе и оцѣнку. Но вотъ наступило двухсотлѣтіе со дня рожденія Ломоносова, и русскій ученый міръ вмѣстѣ со всѣмъ образованнымъ обществомъ почувствовали снова настоятельную, сердечную потребность сосредоточить свое вниманіе на этомъ свѣтильникѣ научнаго свѣта, побыть въ сферѣ его лучей и согрѣться исходящимъ отъ него тепломъ.

Какая же сему причина? Конечно, не хронологическая только дата оживила наше чувство любви, воскресила нашъ интересъ къ великому русскому ученому, о которомъ такъ много уже было говорено и писано. Эта хронологическая дата явилась только внѣшнимъ поводомъ для обнаруженія того, что накоплялось за послѣднее пятидесятилѣтіе въ душѣ людей науки въ отношеніи къ нашему національному генію. За послѣднее пятидесятилѣтіе мы узнали не мало новыхъ подробностей изъ жизни и дѣятельности Михаила Васильевича Ломоносова, обстоятельнѣе, чѣмъ прежде, познакомились съ его научными разысканіями и построеніями. Съ другой стороны тѣ самыя науки, которыя разрабатывалъ нѣкогда Ломоносовъ, сдѣлали за это время колоссальные успѣхи, равняющіеся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ чуть ли не полному перевороту. Въ свѣтѣ этихъ новыхъ успѣховъ личность великаго Ломоносова не только не потускнѣла, но засіяла новымъ и еще болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ раньше. Оказалось, что нашъ Ломоносовъ превосходилъ силою своего проникновеннаго разумѣнія не только ученыхъ иностранцевъ, разрабатывавшихъ науку въ Петербургской Академіи, но и многихъ современныхъ ему

свѣтилъ Запада. Оказалось, что онъ предвосхитилъ многія положенія и выводы, которые составляютъ научное откровеніе нашего времени, его славу и гордость. Оказалось, что по своему общему научному міровоззрѣнію Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ стоялъ едва ли не ближе къ нашему, чѣмъ къ своему времени.

Такова, милостивые государи, та основная причина, которая создала новое Ломоносовское торжество, торжество неподдѣльное, не обусловленное никакими сторонними вліяніями и соображеніями. Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета, раздѣляя со всѣмъ русскимъ ученымъ міромъ и образованнымъ обществомъ чувства умиленія и преклоненія передъ національнымъ геніемъ, постановилъ устроить торжество его имени въ день рожденія Университета и тѣмъ подчеркнуть, что рожденіе Ломоносова было вмѣстѣ съ тѣмъ и рожденіемъ перваго русскаго Университета, русской самостоятельной науки.

Къ этому торжеству Совѣтъ постановилъ привлечь и старѣйшія ученыя общества, состоящія при Университетѣ и въ тѣсномъ общеніи съ нимъ работающія въ тѣхъ самыхъ отрасляхъ знанія, которыя обнималъ многосторонній геній Ломоносова.—Совѣтъ постановилъ настоящее торжественное засѣданіе сдѣлать публичнымъ и такимъ путемъ пріобщить къ чествованію и русское образованное общество, памятуя, что Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ не былъ сторонникомъ замкнутой науки, что результаты своихъ ученыхъ изысканій онъ излагалъ иногда и на публичныхъ лекціяхъ, при чемъ „сверхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей и самъ господинъ президентъ академіи съ нѣкоторыми придворными кава-

лерами и другими знатными персонами присутствовать“ [1]). Открывая теперь настоящее торжественное засѣданіе, приглашаю присутствующихъ прежде всего благоговѣйно почтить вставаніемъ память великаго дѣятеля русской мысли и русскаго слова — Михаила Васильевича Ломоносова.

---

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, книга V, стр. 559. Изд. Товарищества „Общественная польза“.

XVIII вѣкъ и Ломоносовъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Ломоносовъ *отъ природы* получилъ великіе дары духа, былъ „геніемъ Божіею милостію". Несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ „исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени до времени появляются въ человѣчествѣ" [1]). О духовной мощи Ломоносова мы услышимъ сегодня въ рѣчахъ, посвященныхъ его литературнымъ и научнымъ трудамъ. Я же остановлю Ваше вниманіе только на нѣкоторыхъ фактахъ его школьной выучки и научнаго образованія, которые оставляютъ въ этомъ смыслѣ совершенно опредѣленное впечатлѣніе.

19 лѣтъ отъ роду Холмогорскій рыбакъ засѣлъ за школьную науку въ Московской славяно-греко-латинской академіи. У себя на родинѣ онъ только выучился бѣгло и съ разумѣніемъ читать по церковнославянски и правильно, насколько умѣли тогдашніе земскіе и церковные дьячки, писать по русски [2]). По прошествіи перваго полугодія перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ второго въ третій. Черезъ годъ послѣ того онъ уже настолько сталъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что сталъ сочинять на немъ неболь-

---

[1]) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. IV, стр. 291.

[2]) См. *Б. Н. Меншуткинъ*, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, стр. 8. Спб. 1911 г.

ніе стихи. Слѣдовательно два неполныхъ года понадобилось Ломоносову для того, чтобы овладѣть школьною латынью—тогдашнимъ научнымъ языкомъ. На этомъ языкѣ въ 1734 году, слѣдовательно на четвертомъ году школьнаго ученія, Ломоносовъ написалъ уже учебникъ реторики „Artis Rhetoricae praecepta“, весьма близкій по содержанію къ его же „Краткому руководству къ краснорѣчію“, которое онъ издалъ въ 1748 году уже въ качествѣ академика [1]). Прекрасное знаніе латинскаго языка помимо общей даровитости Ломоносова несомнѣнно было причиною его командировки въ Петербургъ и далѣе за границу для продолженія научнаго образованія. Въ той же Заиконоспасской школѣ Ломоносовъ научился и греческому языку. Пытался онъ изучить также и математику съ физикою, для чего отправился даже въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію, но не получилъ тамъ надлежащаго ученія въ этихъ наукахъ „и больше упражнялся въ чтеніи древнихъ лѣтописцевъ и другихъ книгъ, писанныхъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ“. Ломоносовъ скоро постигъ всю премудрость духовной школы, такъ что уже на четвертомъ году своего обученія сталъ испытывать духовный голодъ. При этомъ надо замѣтить, что школьное ученіе Ломоносова протекало при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Славяно-греко-латинская академія не имѣла тогда ученическаго общежитія, и воспитанникамъ приходилось по большей части ютиться въ грязныхъ каморкахъ городской бѣдноты, зачастую даже среди подонковъ общества. Ломоносовъ впослѣдствіи, въ письмѣ къ Шувалову отъ

[1]) Пекарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ, т. II, стр. 286, 287.

10 мая 1753 года, самъ засвидѣтельствовалъ, какъ трудно было ему учиться въ духовной академіи. „Обучаясь въ спасскихъ школахъ,—писалъ онъ,—имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ науки пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти неопреодолимую силу имѣли“. Особенно тяжелы были матеріальныя лишенія, заставлявшія жить впроголодь. „Имѣя одинъ алтынъ жалованія,—пишетъ Ломоносовъ,—нельзя было имѣть на пропитаніе больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ“ [1]).

Такую же необыкновеную даровитость обнаружилъ Ломоносовъ и во время своего научнаго образованія за границею. Ломоносовъ прибылъ со своими товарищами въ Марбургъ 3 ноября 1736 года, не зная совершенно нѣмецкаго языка. Не прошло и года послѣ того, какъ ихъ ученый руководитель Христіанъ Вольфъ писалъ главному командиру Петербургской Академіи Наукъ барону Корфу: „Виноградовъ и Ломоносовъ начинаютъ уже говорить по-нѣмецки и довольно хорошо понимаютъ то, о чемъ говорится“ [2]).

Въ 1738 году Ломоносовъ уже свободно говорилъ и писалъ по-нѣмецки. Онъ сталъ представлять рапорты въ Академію Наукъ о своихъ занятіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ то же время онъ изучилъ и французскій языкъ. Въ 1738 году онъ успѣлъ уже въ немъ настолько, что могъ сочинить стихотворный переводъ оды Фенелона.

---

[1]) Матеріялы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 204. Спб. 1865.

[2]) Пекарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ, т. II, стр. 291.

Ломоносова отправили за границу для того, чтобы изучить химію и горное дѣло, а также естественную исторію, физику, геометрію и тригонометрію, механику, гидравлику и гидротехнику. Въ четыре года безпутной и разгульной жизни нѣмецкаго бурша Ломоносовъ пріобрѣлъ основательныя познанія по всѣмъ этимъ наукамъ. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ въ донесеніи Академіи Наукъ отъ 12 сент. 1740 г. нерасположенный къ Ломоносову Фрейбургскій профессоръ Генкель, у котораго онъ учился и недолго, и неохотно. „По моему мнѣнію,—писалъ Генкель,—г. Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически химію, преимущественно металлургическую, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшейдерское искусство, распознаваніе рудъ, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ по отзыву знатоковъ очень свѣдущъ“... [1]) Отзывъ Генкеля былъ несомнѣнно неполонъ: еще при отъѣздѣ Ломоносова изъ Марбурга профессоръ Дуйзингъ засвидѣтельствовалъ объ успѣхахъ Ломоносова въ математикѣ и физикѣ, и этотъ отзывъ оправдывается всею послѣдующею научною дѣятельностью Ломоносова.

Итакъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ несомнѣнно былъ талантомъ-самородкомъ. Этотъ талантъ-самородокъ вышелъ изъ среды крѣпкаго тѣломъ и духомъ крестьянства русскаго Сѣвера, на которомъ съ чувствомъ великаго удовлетворенія останавливается вниманіе историка. Это крестьянство было преимущественно промысловое, ходившее по морямъ, тундрамъ и лѣсамъ сѣвера за рыбою, звѣремъ и солью, энергичное и смѣтливое, свободное и свободолюбивое, богатѣвшее и обогащавшее каз-

[1]) Пекарскій, op. cit., стр. 306.

ну русскаго государя. Съ незапамятныхъ временъ это крестьянство пользовалось широкимъ самоуправленіемъ, было предоставлено самому себѣ подъ условіемъ исправнаго несенія государственныхъ повинностей. Крѣпостная неволя не коснулась этого края, не истощила ни физически, ни экономически, ни духовно здѣшняго мужика, не убила его умъ и волю, не порвала его прямой связи съ государствомъ и не заглушила въ немъ здороваго чувства государственности. Это мужичье царство изъ самого себя выдѣляло крупныхъ землевладѣльцевъ, богатыхъ торговцевъ и промышленниковъ, свою интеллигенцію въ лицѣ поповъ, дьячковъ земскихъ и церковныхъ и разныхъ другихъ грамотѣевъ. Но живя „о себѣ“, это крестьянство вмѣстѣ съ тѣмъ не стремилось къ обособленію отъ остальныхъ частей Руси, живо чувствовало и крѣпко поддерживало свою связь съ ними. Въ смутное время вмѣстѣ съ Поволжьемъ оно на своихъ плечахъ поддержало падавшій государственный порядокъ. Много жертвъ приносило оно для государства и въ теченіе XVII вѣка, платя въ казну свои стрѣлецкія деньги, многочисленныя пятыя, десятыя деньги съ животовъ и промысловъ, неся различныя казенныя службы въ вѣрныхъ головахъ и цѣловальникахъ. Поддерживало оно и Петра Великаго въ его стремленіяхъ къ развитію мореплаванія, торговли и промышленности, ставя ему матросовъ, строя суда, работая въ учреждаемыхъ имъ промышленныхъ предпріятіяхъ, и поддерживало не только по неволѣ, по обязанности, но подчасъ и съ замѣтнымъ сочувствіемъ.

Живое національное чувство совмѣщалось у этого крестьянства съ религіозностью не только внѣшнею, но и внутреннею. Духовная жизнь била нерѣдко ключемъ въ

этой трудовой массѣ, выражаясь въ горячихъ спорахъ о вѣрѣ, объ обрядахъ, о настоящей христіанской жизни. Правда, что эта жизнь духа проявлялась иногда въ уродливыхъ формахъ, но при всемъ томъ это была жизнь, а не апатія, или тупое равнодушіе. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ въ полной мѣрѣ былъ дѣтищемъ этой своеобразной общественной среды и получилъ отъ нея всѣ ея, какъ положительныя, такъ и отрицательныя свойства: трезвый практическій смыслъ, умственную даровитость, глубокую религіозность, здоровое и сильное чувство общественности и государственности, горячую любовь къ родинѣ наряду съ внѣшнею грубоватостью и наклонностью къ разнымъ излишествамъ.

Природные таланты Ломоносова нашли себѣ то, а не другое примѣненіе, благодаря особымъ условіямъ времени, въ какое пришлось жить и дѣйствовать Ломоносову. Родись Ломоносовъ не при Петрѣ Великомъ, а, напр., при его дѣдѣ или даже отцѣ, изъ него вышелъ бы, конечно, не геніальный русскій ученый, а въ лучшемъ случаѣ либо соборный протопопъ, либо земскій староста, въ худшемъ — какой-нибудь земскій площадной или церковный дьячекъ-грамотѣй, который сталъ бы писать не научные трактаты на латинскомъ языкѣ, а разныя купчія, дарственныя, рядныя и челобитныя, справедливыя и кляузныя. Въ этомъ смыслѣ справедливо, что Ломоносова создало время, когда онъ жилъ, что онъ былъ сыномъ своего вѣка.

Время это было продолженіемъ времени Петра Великаго. Самъ преобразователь Россіи уже смежилъ свои очи и спалъ непробуднымъ сномъ въ могилѣ,—но его дѣло, хотя и не такъ споро, продолжалось и послѣ его смерти. Мощный царь такъ сильно двинулъ Россію по новому

пути жизни, что это движеніе шло долгое время, такъ сказать, по инерціи, пока не было подхвачено новымъ царственнымъ натискомъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Петръ оставилъ послѣ себя не мало убѣжденныхъ сторонниковъ и сотрудниковъ своей реформы, всячески старавшихся продолжать его дѣло, кончать то, что онъ началъ.

Въ своемъ направленіи Петръ обработалъ достаточно и общественное мнѣніе, значительно измѣнилъ взгляды и вкусы общества, утвердилъ неопреодолимую тягу къ западу, къ усвоенію европейской культуры, европейскаго просвѣщенія. Онъ умеръ, окруженный ореоломъ величія, создавъ культъ своей личности, своего дѣла. Этотъ культъ не только сосредоточивался въ столицѣ и другихъ центрахъ, но разбросался по всей Россіи, которую самъ Петръ исколесилъ и изучилъ вдоль и поперекъ. Великаго царя видали и на сѣверѣ, и на югѣ, и на западѣ, и всюду онъ оставилъ по себѣ неизгладимое впечатлѣніе, и не однихъ только враговъ, но и горячихъ друзей и поклонниковъ. Посѣянныя имъ сѣмена знанія и просвѣщенія легли не только въ столицѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ и городишкахъ и даже селахъ и деревняхъ. Родина Ломоносова какъ разъ была мѣстомъ, гдѣ живо помнили и даже любили Петра, гдѣ сохранялись слѣды его дѣятельности и просвѣтительныхъ усилій. Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ могъ слышать о томъ, какъ 28 іюля 1693 года послѣ долгихъ ожиданій „объявился отъ Куростровa своими судами великій государь.... на семи стругахъ, а великаго государя стругъ впереди всѣхъ шолъ“, какъ затѣмъ государь встрѣченъ былъ въ Холмогорахъ и „шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми черезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ каретѣ“[1]);

[1]) Двинская лѣтопись, изд. А. Титовымъ, стр. 63—64. 1889.

какъ онъ былъ въ Вавчугѣ у тамошняго зажиточнаго крестьянина Баженина, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Куйскихъ рогахъ и т. д.

Фамилія Ломоносовыхъ принадлежала къ числу тѣхъ, которые тянулись къ свѣту, возженному Петромъ. Родственникъ Михаила Васильевича, Никита Ломоносовъ, грамотѣй, служившій въ Архангельской портовой таможнѣ, ѣздилъ въ „парадизъ“ преобразователя—Петербургъ, чтобы взглянуть собственными глазами на дѣла Петра и новые порядки [1]). Отецъ Михаила Васильевича—Василій Дорофеевъ „первый изъ жителей сего края состроилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ и ходилъ на немъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану... въ Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди, на рѣку Мезень и въ Пустозерскъ“ [2]).

И самъ Михаилъ Васильевичъ еще въ отчемъ дому несомнѣнно подпалъ подъ культурное воздѣйствіе, шедшее отъ того же Петра. Ему захотѣлось новой науки, не той, какую можно было найти у себя на родинѣ, послѣ того, какъ онъ ознакомился съ ариѳметикою Магницкаго, изданною по повелѣнію Петра въ 1703 году и оказавшеюся въ библіотекѣ сосѣда Ломоносова—крестьянина Дудина. Эта ариѳметика была своего рода физико-математическою энциклопедіею—содержала свѣдѣнія изъ геометріи, физики, астрономіи, таблицы склоненія магнитнаго и солнечнаго и другіе предметы. Эта книга

---

[1]) Ломоносовскій Сборникъ, изд. Академіею Наукъ, стр. 34. Спб. 1911 г.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

вмѣстѣ съ грамматикою Мелетія Смотрицкаго и распалила юнаго Ломоносова жаждою новой науки, за которою онъ и отправился въ Москву. Самъ Ломоносовъ призналь эти книги „вратами своей учености". Какъ уже теперь дознано, Ломоносовъ ушелъ учиться въ Москву не тайно, а съ вѣдома и даже благословенія родныхъ и близкихъ людей, — которые, очевидно, уже въ состояніи были понять и оцѣнить его стремленія...

И дальнѣйшая судьба Ломоносова опредѣлилась въ зависимости отъ просвѣтительной политики все того же Петра, продолжавшейся и послѣ его смерти. По мысли Петра была открыта въ 1725 году Императорская Академія Наукъ, въ которой должны были не только разрабатываться науки, но и обучаться русскіе молодые люди. Ломоносовъ, какъ извѣстно, попалъ въ наборъ, производившійся для академическаго университета въ 1735 году. — И съ того времени жизнь и дѣятельность его до самой смерти связалась неразрывно съ Академіею Наукъ. Академія послала его за границу для обученія химіи и металлургіи, идя въ данномъ случаѣ по пути, уже проторенному Петромъ, который обычно отправлялъ людей для выучки за границу, когда дома не находилось свѣдущихъ лицъ. Достойно отмѣтить, что Ломоносова отправили для полученія общаго физико-математическаго образованія къ тому же самому Христіану Вольфу, который былъ совѣтникомъ и агентомъ Петра при учрежденіи Академіи Наукъ. По справедливости, можно признать, что Петръ, лежа въ гробѣ, былъ какъ бы опекуномъ Ломоносова, который направлялъ его жизненную карьеру. И такъ какъ эта опека не только не была тягостною, но наоборотъ—шла навстрѣчу горячимъ желаніямъ и стремленіямъ самого Ломоносова, то послѣд-

ній и преисполнился самыми теплыми и благодарными чувствами къ Петру. Ломоносовъ, можно сказать, боготворилъ Петра, и сдѣлавшись академикомъ, неустанно восхвалялъ его какъ въ стихахъ, такъ и прозѣ. Чтобы онъ ни писалъ,—оду ли по случаю какого-нибудь придворнаго торжества, ученое ли разсужденіе, онъ всегда находилъ предлогъ и поводъ помянуть добрымъ словомъ и „отца отечества": если не было благовиднаго предлога, онъ изобрѣталъ его, обращался къ Петру вмѣсто Музы. Петру Великому онъ посвятилъ цѣлую поэму и особое похвальное слово, въ которомъ выставилъ всѣ его дѣла: науки, войско, флотъ, побѣды, усиленіе внутренней производительности и безопасности и устроеніе правосудія; преодолѣнныя имъ препятствія: внутреннюю измѣну и внѣшнихъ враговъ: обнаруженныя при этомъ добродѣтели: благочестіе, премудрость, мужество, великодушіе, правосудіе, милосердіе, неутомимость. По мнѣнію Ломоносова, исторія не знаетъ ему подобнаго. Для иллюстраціи отношенія Ломоносова къ Петру приведу здѣсь коротенькое стихотвореніе „Къ статуѣ Петра Великаго":

„Се образъ изва́янъ премудраго героя,
Что ради подда́нныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ,—
И словомъ се есть Петръ отечества отецъ;

Земное Божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пыласть,
Коль много есть ему обязанныхъ сердецъ“ [1]).

Такое сердце было именно у Ломоносова, который до конца дней своихъ не переставалъ преклоняться передъ своимъ земнымъ божествомъ. Образъ Петра былъ для Ломоносова всегда маякомъ, освѣщавшимъ ему жизненный путь, источникомъ, въ которомъ онъ почерпалъ нравственныя силы въ борьбѣ за дѣло науки и просвѣщенія.

Уже давно замѣчено было и отмѣчено сходство Ломоносова съ Петромъ Великимъ. Объясненіе этому сходству, помимо случайнаго сродства натуръ, надо искать главнымъ образомъ въ томъ, что Ломоносовъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ духовнымъ сыномъ Петра, возросшимъ въ культурной атмосферѣ, созданной великимъ преобразователемъ Россіи.

Герценъ писалъ когда-то, что Петръ сдѣлалъ вызовъ Россіи, и она дала ему Пушкина. Этотъ афоризмъ нуждается въ исправленіи въ томъ смыслѣ, что Россія отвѣтила Петру прежде всего Ломоносовымъ, а затѣмъ уже, и черезъ него, Пушкинымъ. —Духовный сынъ Петра сдѣлался самымъ ревностнымъ и страстнымъ его посмертнымъ сотрудникомъ, продолжателемъ его дѣла.

„За утвержденіе наукъ въ отечествѣ,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю“. Здѣсь сказался тотъ же, если хотите, просвѣтительный фанатизмъ, который былъ и у Петра, ополчившагося, какъ извѣстно, за утвержденіе наукъ въ Россіи противъ роднаго сына. Въ объясненіе

[1]) Сочиненія Ломоносова въ Смирдинскомъ изданіи, т. 1, стр. 231.

этому надо указать на общій взглядъ Ломоносова на науку. „Испытаніе натуры,—говорилъ онъ—трудно, однако пріятно, полезно, свято“. Эта вѣра въ святость знанія никогда не покидала Ломоносова: для него служеніе наукѣ—было „религіознымъ дѣланіемъ“, „богослуженіемъ“, „подвижничествомъ“... Ломоносовъ не боялся того, что отъ науки можетъ быть какая-либо поруха вѣрѣ. „Правда и вѣра,—писалъ онъ по поводу явленія Венеры на солнцѣ 26 мая 1761 года,—суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго родителя; никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду вскленетъ“. „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, что бы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, признать божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, — суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудитель математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтырю научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представля-

ютъ награжденіе правильнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры" [1]). Ломоносовъ не былъ одинокъ въ этихъ воззрѣніяхъ. Они были, можно сказать, общимъ достояніемъ сподвижниковъ Петра. Ихъ можно подмѣтить и у Ѳеофана Прокоповича, и у Кантемира, и у Татищева и т. д. Для нихъ былъ и одинъ общій источникъ — тогдашняя философія запада, съ произведеніями которой знакомились сотрудники Петра.

Съ такими воззрѣніями на науку Ломоносовъ ревностно, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, дѣлалъ дѣло своей жизни,—испытывалъ природу, изслѣдовалъ тайны бытія.—Посланный за границу для полученія технической выучки, Ломоносовъ вернулся оттуда самостоятельнымъ ученымъ, культивировавшимъ чистое знаніе. Этотъ крестьянскій сынъ понималъ науку, какъ истый аристократъ, для котораго она имѣетъ цѣну, независимо отъ прямой своей практической пользы или примѣненія. — Но это не значитъ, чтобы Ломоносовъ чуждался практическихъ результатовъ науки. Наоборотъ: всегда, когда было можно, онъ и словомъ и дѣломъ иллюстрировалъ житейскую пользу науки. Получивъ при своихъ химическихъ опытахъ цвѣтныя стекла, Ломоносовъ тотчасъ же пустилъ въ дѣло свое открытіе. Онъ завелъ особые рѣзцы для

---

[1]) Сочиненія Ломоносова въ Смирд. изданіи, II, стр. 257—274.

рѣзанія стеколъ и станки для ихъ шлифованія. Изъ цвѣтныхъ стеколъ онъ сталъ готовить посуду, стекляруcь, бисеръ и мозаичныя изображенія. Первымъ художественнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ былъ образъ Богоматери, который онъ поднесъ государынѣ. Этотъ образъ составленъ былъ изъ 4000 кусочковъ цвѣтныхъ стеколъ, для изобрѣтенія составовъ которыхъ Ломоносовымъ было сдѣлано 2184 опыта въ стеклянно-плавильныхъ печахъ. Онъ устроилъ даже цѣлую фабрику мозаичныхъ издѣлій, для которой выхлопоталъ у правительства денежныя средства и двѣ приписныхъ деревни съ 211 душами крестьянъ. Всѣ машины и станки для этой фабрики были изготовлены при Академіи Наукъ по собственноручнымъ рисункамъ Ломоносова. На этой фабрикѣ изготовлены были мозаичный портретъ Петра Великаго, поднесенный Ломоносовымъ Сенату, и огромная картина „Полтавской баталіи" (3 сажени въ ширину, $2^1/_2$ въ вышину). Московскій Университетъ, повидимому, также имѣетъ счастье хранить у себя одно изъ мозаичныхъ произведеній Ломоносова—образъ Господа Саваоѳа, висящій въ углу въ этой (актовой) залѣ.

Польза отечества — была второю идеею, которая связывалась у Ломоносова съ научными занятіями. Для Ломоносова такъ же, какъ и для Петра, наука, знаніе были орудіями, средствами государственнаго строительства. Съ какимъ бы ученымъ проектомъ онъ ни выступалъ, онъ всегда въ качествѣ лейтъ-мотива выдвигалъ пользу отечества. И на всѣ свои ученыя занятія смотрѣлъ не какъ на удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей и стремленій, а именно какъ на служеніе отечеству. Принимаясь за осуществленіе своихъ широкихъ начинаній, онъ обыкновенно мыслилъ такъ: „Ежели Богъ

велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ... Я самъ не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче сдѣлать". Лежа на смертномъ одрѣ, Ломоносовъ говорилъ: „жалѣю только, что покидаю несовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ" [1]).

Ломоносовъ не былъ ученымъ ремесленникомъ, онъ велъ свои ученыя занятія при высокомъ подъемѣ духа, при сильномъ напряженіи нравственнаго сознанія: онъ чувствовалъ всегда и сознавалъ, что занимаясь наукою онъ служилъ въ каждый данный моментъ Богу, отечеству. И этотъ высокій душевный подъемъ, кромѣ таланта, былъ несомнѣннымъ условіемъ его научныхъ успѣховъ.

Высокій душевный подъемъ былъ отличительною чертою и преобразователя Россіи, и всѣхъ его искреннихъ сподвижниковъ. Они также все, что дѣлали по части просвѣщенія или благоустройства, дѣлали для любезнаго отечества. Ломоносову этотъ душевный подъемъ сообщался, такъ сказать, по инерціи, по наслѣдству. Онъ несомнѣнно поддерживался тою борьбою, которую пришлось Ломоносову, какъ и Петру, вести съ косностью, съ тупымъ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ и безнравственностью окружающей среды. Но эта же борьба, зажигая сильный огонь въ духѣ Ломоносова, заставила его сгорѣть преждевременно, на 54-мъ году жизни. Особенно тяжела для него оказалась борьба съ коллегами по академіи, которыя въ дѣло науки и просвѣщенія вносили нерѣдко свои личные счеты и расчеты, мелкіе происки и интриги. „Не употребляйте Божьяго дѣла

[1]) *Пекарскій*, Исторія Академіи Наукъ, т. II, стр. 875, 876.

для своихъ пристрастій,—взывалъ онъ къ нимъ—„дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго". Какъ бы въ утѣшеніе самому себѣ Ломоносовъ говорилъ: „за то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великаго, чтобы научились Россіяне, чтобы показали свое достоинство... Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ".

Мы, какъ дѣти отечества, не можемъ, разумѣется, не пожалѣть, что смерть такъ рано унесла Ломоносова, не дала ему совершить многаго, что онъ задумалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣти отечества, мы не можемъ не испытать чувства гордости отъ того, что были у насъ люди, подобные Ломоносову, подобные его царственному кумиру—Петру.

Въ послѣднее время, милостивые государи, въ исторической литературѣ проявилась склонность умалять значеніе личности Петра Великаго и совершеннаго имъ дѣла. Но уже то обстоятельство, что передъ нимъ такъ благоговѣлъ и преклонялся, имъ такъ вдохновлялся геніальный ученый провидецъ—Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ служитъ для насъ показаніемъ тщеты подобныхъ усилій.

Величіе Петра и его дѣла подтвердилъ Ломоносовъ своимъ появленіемъ въ роли перваго русскаго ученаго, своею научною и литературною дѣятельностью и своими восторженными диѳирамбами въ честь отца отечества, великаго Петра. Величіе Петра и его дѣла подтвердилъ онъ и тѣмъ, что далъ первую причину къ основанію нашего корпуса—Императорскаго Московскаго Университета.

М. Любавскій.

Московскій Университетъ XVIII столѣтія и Ломоносовъ.

Внѣшняя исторія возникновенія Московскаго Университета извѣстна; напомню ее: 12 января 1755 года подписанъ Высочайшій приказъ объ его основаніи, а 26 апрѣля того же года торжественно, съ рѣчами на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ иллюминаціей открытъ былъ и самый Университетъ въ казенномъ домѣ у Воскресенскихъ воротъ [1]), въ домѣ бывшей аптеки, для чего за тысячу рублей, отпущенныхъ изъ Статсъ-Конторы, произведены были ремонтъ и передѣлки, и на мѣстѣ помѣщавшейся въ домѣ „австеріи" устроены были актовый залъ Университета и аудиторія. Въ Университетѣ учреждены были три факультета: юридическій, медицинскій и философскій (совмѣщавшій отдѣленія, словесное и физико-математическое); при Университетѣ, для подготовленія къ нему, учреждены были двѣ гимназіи: „благородная" (дворянская) и „разночинская"; черезъ годъ устроилась при немъ же Университетская казенная типографія, первая въ Москвѣ спеціально назначенная для печатанія граж-

[1]) На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь построенъ Историческій Музей Александра III.

данскихъ книгъ [1]). На все это (кромѣ типографіи) ассигновано было изъ казны 15000 рублей [2]).

Этимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, отмѣтившимъ собою одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ культурной исторіи Россіи, предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ, которыя и подготовили и сдѣлали необходимымъ открытіе перваго русскаго университета и именно въ Москвѣ. Не касаясь, какъ общеизвѣстныхъ, фактовъ раннихъ временъ, обращу вниманіе лишь на ближайшіе: они ясно покажутъ, что основатели Московскаго Университета совершенно отчетливо сознавали все значеніе и всю важность переживаемаго ими момента, живо чувствовали связь своихъ начинаній со всѣмъ ходомъ русскаго просвѣщенія, понимали эту связь, вполнѣ правильно оцѣнивая историческій смыслъ всего русскаго прошлаго: несмотря на стремленіе руководителей тогдашней общественной и государственной жизни, начиная со времени Петра I, создать искусственно новый центръ политической и государственной жизни въ молодомъ Петербургѣ, несмотря на явное стремленіе возможно скорѣе и рѣшительнѣе порвать связь новаго государства со старымъ, основатели Университета рѣшительно высказались за старую Москву, какъ за историческое средоточіе народной жизни, народнаго просвѣщенія: здѣсь и должекъ былъ быть, по мысли ихъ, первый русскій университетъ въ томъ смыслѣ, какъ они поняли его задачи въ связи съ потребностями всего русскаго народа.

---

[1]) Другая, гораздо болѣе старшая, была Синодальная, бывшій Государевъ печатный дворъ; но здѣсь печатались преимущественно книги церковныя, духовныя, при томъ преимущественно церковнымъ шрифтомъ.

[2]) Что при переводѣ на современную намъ валюту составитъ приблизительно 135 тысячъ. Ср. В. О. Ключевскій, Русскій рубль (М. 1884), стр. 72.

Существовавшій уже раньше при Академіи Наукъ университетъ съ гимназіей они, совершенно сознательно, въ расчетъ не приняли, какъ не соотвѣтствующій тѣмъ великимъ задачамъ, которыя долженъ былъ осуществлять Университетъ Московскій: Академическій Университетъ преслѣдовалъ, и по мысли основателя, болѣе узкую цѣль—готовить будущихъ ученыхъ изъ русскихъ, которые должны были работать въ академіи надъ водвореніемъ въ ней западной науки... и только [1]).

Этими основателями Московскаго Университета были *М. В. Ломоносовъ* и *И. И. Шуваловъ*. Къ сожалѣнію намъ во всѣхъ подробностяхъ не извѣстенъ точно тотъ обмѣнъ мнѣніями (частью, несомнѣнно, устный) между ними, который предшествовалъ подачѣ Шуваловымъ извѣстнаго мнѣнія въ Сенатъ о необходимости основанія университета въ Москвѣ. Но что этотъ обмѣнъ не только естественно долженъ былъ быть, но и былъ на самомъ дѣлѣ, видно изъ извѣстнаго письма Ломоносова къ Шувалову *до* подачи послѣднимъ своего заявленія въ Сенатъ [2]): Шуваловъ препроводилъ Ломоносову „*чертежъ* доношенія Правительствующему Сенату" (съ извѣщеніи объ этомъ и начинаетъ свое письмо Ломоносовъ); Ломо-

---

[1]) Ср. „Столѣтній юбилей И. М. У." (М. 1855), стр. 33 (адресъ Александровскаго Лицея). О томъ, какъ тамъ плохо шло дѣло, см. В. Мещуткина, М. В. Ломоносовъ (Спб. 1911), стр. 106—107; ср. В. С. Иконниковъ, Русскіе Университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія—Вѣсти. Европы, 1876 г., IX, 189. Академическій Университетъ въ 1766 г. уже прекратилъ свое существованіе. О немъ М. В. Ломоносовъ говорилъ: „здѣшній университетъ не токмо дѣйствія, но и имени не имѣетъ". Ср. М. И. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по литературѣ и просвѣщенію (Спб. 1889), I, 38.

[2]) Впервые оно издано въ брошюрѣ по случаю 75-лѣтія Моск. Унив.: „Рѣчи и стихи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи И. М. У. іюня 26 дня 1830 года, съ приложеніемъ краткой годовой исторіи онаго". (М. 1830. 4°), стр. 60—81.

посовъ сообщаетъ, что „къ великой своей радости онъ увѣрился, что объявленное ему *словесно* предпріятіе (т.-е. основаніе университета) подлинно въ дѣйство привести вознамѣрился (т.-е. Шуваловъ) къ приращенію наукъ, слѣдовательно, къ истинной пользѣ и славѣ отечества". Опираясь на это и на свои отношенія къ Шувалову, Ломоносовъ (въ письмѣ) желаетъ видѣть планъ будущаго университета, совѣтуетъ Шувалову не торопиться съ представленіемъ въ Сенатъ, а пока тутъ же предлагаетъ ему *свой* планъ университета, въ качествѣ человѣка, видавшаго чужеземные университеты и учившагося за границею, почему ему „ихъ учрежденія, узаконенія, обыкновенія и обряды ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются". Этотъ-то планъ, который и слѣдуетъ далѣе въ письмѣ Ломоносова, мы и находимъ буквально воспроизведеннымъ въ первоначальныхъ, изданныхъ уже правительствомъ, положеніяхъ объ университетѣ [1]). Согласно этому плану осуществилось и самое открытіе Университета. Все это наглядно показываетъ ту роль, какая принадлежитъ Ломоносову въ самой выработкѣ плана нарождающагося Университета: эта роль—первенствующая: идея основанія Университета, быть можетъ, не цѣликомъ принадлежитъ ему, но идея эта осуществляется цѣликомъ по его плану.

Это даетъ основаніе предполагать, что и отдѣльныя подробности осуществленія идеи восходятъ къ мыслямъ того же Ломоносова: и прежде всего, самая мотивировка основанія университета именно въ Москвѣ въ значитель-

[1]) См. Consilium de institnenda Mosquensi Universitate, § 6. —„Рѣчи и стихи" 1830 г., стр. 98 и сл. Сюда вошла даже поправка, сдѣланная рукой Шувалова, въ распредѣленіи каѳедръ въ письмѣ Ломоносова: профессоръ древностей и критики долженъ преподавать „и геральдику"—добавлено И. И. Шуваловымъ.

ной долѣ должна быть сочтена принадлежащей ему же. Эти мотивы были слѣдующіе: 1) большое по численности населеніе Москвы; 2) центральное положеніе ея въ Россіи; 3) сравнительная дешевизна жизни въ ней; 4) легкость для учащихся найти себѣ пріютъ у родителей и родныхъ; 5) великое въ Москвѣ число учителей-самоучекъ, русскихъ и иноземныхъ, только вредъ приносящихъ.

И дѣйствительно, въ этой мотивировкѣ нельзя не признать мыслей Ломоносова. Первый пунктъ въ запискѣ въ Сенатъ Шувалова (а затѣмъ и въ указѣ Императрицы Сенату) изложенъ такъ: „Великое число въ ней (т.-е. Москвѣ) живущихъ дворянъ и *разночинцевъ*". Доступность и для *разночинцевъ* высшаго образованія подкрѣпляется ссылкой на примѣръ европейскихъ университетовъ, „гдѣ *всякаго званія* люди *свободно* наукой пользуются" [1]). Кому же другому, какъ не Ломоносову, вышедшему не изъ привиллегированной дворянской среды и по опыту извѣдавшему, чего стóитъ наука для не-дворянина, было обратить вниманіе на этого разночинца, для котораго „генеральное ученіе" было рѣдкимъ исключеніемъ въ то время? Несомнѣнно, та же мысль о необходимости науки для всѣхъ безъ различія званія, примѣръ общедоступности для всѣхъ званій въ Европѣ этого „генеральнаго ученія" привели Ломоносова къ предположенію [2]), что при Университетѣ должна быть и „разночинская" гимназія, которая должна открыть доступъ къ высшему образованію и разночинцу и т. о.

---

[1]) „Рѣчи и стихи", стр. 83.

[2]) Ср. Исторія Акад. Наукъ, II, 575 (письмо Ломоносова), и В. С. Иконникова, ук. ст. (Вѣстн. Евр. 1876, IX, 200 и прим. 4).

уравнять его въ правахъ на науку съ остальными [1]). Университетъ же безъ гимназій представлялся Ломоносову, „какъ пашня безъ сѣмянъ", и этими „сѣменами", наравнѣ съ дворянами, должны были стать и разночинцы, т.-е. все русское общество, пользующееся въ той или иной мѣрѣ гражданскими правами.

Центральное положеніе Москвы, какъ историческаго и культурнаго средоточія Россіи впервые выяснено было тѣмъ же Ломоносовымъ. Вспомнимъ хотя бы его взглядъ на основы русскаго литературнаго языка: въ основѣ его, по мнѣнію Ломоносова, отнынѣ долженъ лежать говоръ московскій, не только, какъ понятный на всѣхъ концахъ Русскаго государства, не только, какъ срединный по своему географическому положенію, но центральный и въ силу историческаго значенія Москвы.

Наконецъ, кто лучше Ломоносова могъ знать, что такое доморощенный русскій учитель того времени, подготовлявшійся въ полудуховной московской школѣ отжившаго типа и шедшій въ учителя тогда, когда не удавалось устроиться иначе, лучше, напр., служителемъ олтаря, къ чему собственно и готовила его школа? Ломоносовъ самъ прошелъ эту школу, и только исключительная его даровитость и горячее стремленіе къ чистой наукѣ спасли его отъ подобной участи. Кто лучше Ломоносова могъ знать цѣну и учителю изъ иноземцевъ, который гордъ лишь своимъ не-русскимъ происхожденіемъ и потому считаетъ себя въ правѣ свысока смотрѣть на русскаго „варвара", котораго онъ явился якобы просвѣщать, а на дѣлѣ жить на счетъ этого варвара? Побыва-

---

[1]) Конечно, и для Ломоносова не могло быть рѣчи о доступности У-а для несвободнаго сословія. Это было немыслимо для человѣка XVIII в.

вшій за границей, европейски образованный русскій ученый зналъ конечно, цѣну этимъ „Вральманамъ“, такъ талантливо изображеннымъ не много времени спустя питомцемъ русскаго университета Д. И. Фонъ-Визинымъ. Не даромъ и Елизавета, повторяя слова предложенія Шувалова, видитъ въ числѣ ближайшихъ задачъ будущаго Университета и защиту русской учащейся молодежи отъ учителей, „которые лакеями, парикмахерами и другими ремеслами всю жизнь свою препровождали“ [1]). И дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ правъ, полученныхъ Московскимъ Университетомъ, одной изъ обязанностей его ученой коллегіи съ 1757 года стала забота о посильномъ освобожденіи русскаго общества отъ подобныхъ „учителей“: иноземецъ безъ экзамена и аттестата отъ Университета не имѣлъ права открыть ученія [2]).

Если сюда прибавить мысль, проходящую красной нитью въ запискѣ Шувалова и повторенную въ обоихъ указахъ объ учрежденіи Университета, что основаніе его есть осуществленіе предначертанія Петра Великаго [3]), заявившаго м. проч., что только просвѣщеніе можетъ дать благополучіе Россіи, то станетъ ясно, что и эта сторона дѣятельности Петра, выдвинутая основателями Университета, была, какъ нельзя болѣе, близка Ломоносову, этому ученому, горячему пѣвцу великаго Петра, великой Россіи „съ вознесенною главою“, чающей тѣхъ „благословенныхъ дней“ и той необходимой для наукъ „божественной тишины“, когда общечеловѣческое про-

---

[1]) „Рѣчи и стихи“ 1830 г. стр 91.

[2]) Ср. Моск. Вѣд. 1757 г. № 39.

[3]) Мысль о необходимости основанія университета въ Москвѣ (но также и въ Кіевѣ и Астрахани) подсказывалось въ свое время Петру и ученымъ Лейбницемъ. Ср. Possels, Peter der Grosse und Leibnitz, S. 218.

свѣщеніе проникнетъ въ нѣдра русскаго народа, когда „образованность и свободный опытъ уже прогонятъ глубокаго невѣдѣнія тьму“ [1]).

Такъ тѣсно со всѣмъ обликомъ перваго русскаго ученаго, русскаго патріота связана самая идея возникновенія перваго русскаго университета.

Но если Ломоносовъ „подалъ первую причину къ основанію Московскаго Университета [2]), то и на дѣлѣ онъ далъ Московскому Университету то, что могъ, для осуществленія его великой миссіи: онъ далъ ему то пониманіе этихъ задачъ и то направленіе въ ихъ выполненіи, какія составили съ тѣхъ поръ и составляютъ до сихъ поръ заслугу нашего Университета передъ Россіей. Съ перваго же дня своего существованія Университетъ сталъ жить тою традиціей, надъ созданіемъ которой всю свою жизнь трудился Ломоносовъ: Университетъ сталъ не только мѣстомъ науки, но науки, широко открывшей свои двери обществу: общественное, общенародное значеніе науки—это основаніе дѣятельности Ломоносова—нашло себѣ выраженіе и въ дѣятельности Университета съ первыхъ же шаговъ его жизни. Самый первоначальный планъ ученія въ Университетѣ, хотя и заимствованный съ Запада, указываетъ именно на эту сторону взглядовъ Ломоносова и дѣятельности Университета: на первомъ мѣстѣ въ этомъ планѣ стоятъ науки юридическія, назначеніе коихъ прививать и развивать прежде всего правовое самосознаніе въ обществѣ, учить „натуральнымъ и народнымъ правамъ“, „показывать въ политикѣ взаимныя поведенія ....какъ были въ предыдущіе

---

[1]) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова—4 апр. 1765 г. Моск. Университетомъ (М. 1865), стр. 84.

[2]) Ср. Сочиненія Н. С. Тихонравова (М. 1898), III, 1, стр. 10.

вѣки и какъ состоять въ нынѣшнее время" [1]). За ними на второмъ мѣстѣ поставленъ факультетъ философскій: здѣсь, кромѣ физики, всѣ науки посвящены исторіи съ философіей, какъ проводникамъ того же самосознанія и самопознанія, и литературѣ, общественное значеніе которой въ глазахъ Ломоносова въ объясненіи не нуждается: не даромъ литературная школа, созданная Ломоносовымъ, обосновала себѣ центръ не въ Петербургѣ, а въ той же Москвѣ и въ ея Университетѣ [2]). а Поповскому, ученику Ломоносова и первому профессору элоквенціи въ Москвѣ, Московскій Университетъ представляется уже литературнымъ центромъ: „*Московскій* здѣсь Парнассъ изобразилъ витію", подписалъ онъ подъ гравированнымъ въ 1757 году портретомъ своего учителя [3]).

Наконецъ, видимой связью между Ломоносовымъ и Московскимъ Университетомъ являются упомянутый Н. Поповскій и А. Барсовъ, оба ученики его, оба первые русскіе профессора Университета, и тотъ и другой типичные его воспитанники и наслѣдники его мыслей. *П. Поповскій*, сперва спеціалистъ по философіи, вскорѣ переходитъ на каѳедру словесности, въ своей общественной и научной дѣятельности оказывается преимущественно писателемъ литературнымъ: еще на школьной скамьѣ, учась у Ломоносова, онъ занимается уже поэзіей и краснорѣчіемъ, т. - е. работаетъ въ томъ новомъ литературномъ направленіи, основателемъ котораго былъ Ломоносовъ, переводитъ извѣстную, характерную для

---

[1]) „Рѣчи и стихи" 1820 г., стр. 81. Ср. В. С Иконниковъ, ук. ст. стр. 167.

[2]) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова (М. 1865), стр. 87.

[3]) Ср. слова самого Ломоносова о „новомъ Парнассѣ" московскомъ—цитата въ Сочин. И. С. Тихонравова, III, 1, стр. 10.

міросозерцанія и Ломоносова, поэму Попе „Опытъ о человѣкѣ“, пишетъ, подобно своему учителю, оду и похвальное слово на восшествіе на престолъ Елизаветы. Открывая въ Университетѣ лекціи по философіи, онъ впервые въ Россіи указываетъ на основную ея роль, какъ науки обобщающей, указываетъ на важное ея этико-общественное значеніе; и притомъ онъ вѣрный ученикъ Ломоносова: онъ горячій сторонникъ русской науки, требуя преподаванія всѣхъ наукъ, а въ томъ числѣ и философіи, на русскомъ языкѣ, что его иноземными коллегами по Университету считалось чуть не униженіемъ науки, особенно философіи: „Нѣтъ такой мысли, кою бы по россійски изъяснить было невозможно“, не разъ повторяетъ Поповскій въ своей вступительной лекціи. И дѣйствительно, въ своихъ переводахъ, рѣчахъ и одахъ онъ — замѣчательный для своего времени стилистъ ломоносовскаго пошиба. И для него, какъ и для Ломоносова, единеніе между поэзіей и наукой — задача литературной дѣятельности: это онъ, подражая Ломоносову, и старается осуществить въ своемъ стихотворномъ письмѣ Шувалову „О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юнотества“. Талантливый Поповскій не могъ, однако, долго быть насадителемъ ломоносовской традиціи въ Университетѣ: въ 1760 году онъ скончался.

За то другой ученикъ Ломоносова *А. Барсовъ*, преемникъ Поповскаго по каѳедрѣ поэзіи и краснорѣчія, цѣлыхъ 35 лѣтъ (1755—1791) водворяетъ энергично новую науку въ Университетѣ.

Воспитанникъ Славяногреколатинскихъ московскихъ школъ, какъ и Ломоносовъ, затѣмъ ученикъ по математикѣ Академіи, латинистъ и словесникъ школы Ломоносова, А. Барсовъ былъ первымъ, чья рѣчь раздалась

съ каѳедры Университета въ Москвѣ—26 апр. 1755 года. И здѣсь уже, ясно, его устами говорилъ тотъ же Ломоносовъ: тѣ же мысли о связи между наукой и религіей, объ общественномъ значеніи науки. Барсовъ первый же сдѣлалъ поэтическіе труды своего учителя предметомъ научнаго изложенія съ каѳедры: рядомъ съ толкованіемъ классиковъ онъ объясняетъ оды, похвальныя слова, героическую поэму Ломоносова. Подъ его же редакціей выходитъ первое изданіе собранія сочиненій Ломоносова (1758), предпринятое Московскимъ Университетомъ [1]). Въ печати Барсовъ энергично защищаетъ Ломоносова, какъ русскаго писателя и теоретика литературы, противъ невыгоднаго сравненія его съ иноземцами, сдѣланнаго анонимнымъ ихъ поклонникомъ. Является онъ и въ области разработки русскаго литературнаго языка его же прямымъ послѣдователемъ: хранящаяся не изданной въ библіотекѣ нашего Университета научная грамматика русскаго языка, сочиненная А. Барсовымъ, ясно подтверждаетъ эту связь между учителемъ и ученикомъ; въ то же время она говоритъ о недюжинномъ знаніи Барсовымъ родного языка, вполнѣ научномъ взглядѣ на свои задачи, много трезвости и смѣлости мыслей, до сихъ поръ еще не получившихъ своего осуществленія, напр., въ разработкѣ правописанія [2]).

Вотъ, такимъ образомъ, живые свидѣтели той глубокой связи, которая съ первыхъ же шаговъ установилась между духовнымъ отцомъ Университета и его дѣтищемъ. Связь эта чувствуется постоянно, если и не

---

[1]) См. Моск. Вѣд. 1758 г, № 82.

[2]) Здѣсь, напр., Барсовъ предупреждаетъ то, что высказывается въ наши дни: онъ упраздняетъ *и* (оставляя *і*), *ъ*, вводитъ апостровъ, какъ замѣну *ъ* передъ гласнымъ въ срединѣ слова. Подробнѣе см. Словарь профессоровъ Моск. ун-та, I, 58—59.

такъ наглядно, между ними въ задачахъ, просвѣтительной миссіи, идейномъ складѣ Московскаго Университета. Правда, разглядѣть эти отзвуки именно *ломоносовскихъ* идей теперь значительно труднѣе, чѣмъ это было для современниковъ: съ одной стороны, мысли Ломоносова (приходится, понятно, имѣть въ виду въ данномъ случаѣ мысли общаго характера — о наукѣ вообще, о роли ея для прогресса Россіи, о задачахъ русской науки, объ общественномъ значеніи литературы и т. д.), эти мысли, совпадая съ культурной идеей Запада, своимъ первоисточникомъ, становились черезъ самого же Ломоносова и скоро послѣ него, поддержанныя новыми волнами съ Запада, общимъ достояніемъ прогрессивной части русскаго общества; съ другой стороны, общія условія нашей культурной жизни во второй половинѣ XVIII столѣтія въ значительной степени подчиняли себѣ и затемняли мысль Ломоносова, стремясь давать просвѣщенію и его задачамъ то то, то иное направленіе, какъ это было, напр., въ вѣкъ Екатерины II съ русской школой и литературой.

При всемъ томъ тотъ импульсъ, который былъ данъ Университету Ломоносовымъ и Шуваловымъ, на пространствѣ всего перваго полустолѣтія Университета чувствуется, если не прямо, то косвенно.

Зародился Московскій Университетъ въ то время, когда еще можно было мечтать о свободѣ науки, какъ о чемъ-то дѣйствительно осуществимомъ: Ломоносовъ хлопоталъ о предоставленіи Московскому Университету „вольностей Лейденскаго и другихъ иностранныхъ университетовъ“ [1]). И дѣйствительно: относительная свобода

[1]) Ист. Акад. Наукъ, II, 566. Точнѣе, для университета требовалъ Ломоносовъ такихъ „свободъ“: 1) Университету имѣть власть произво-

преподаванія, самостоятельность во внутренней жизни Университета, признаніе его, какъ научнаго центра, учрежденіемъ важнымъ въ общественномъ и просвѣтительномъ дѣлѣ Россіи — характеризуютъ ранніе годы жизни Университета: это признаніе и сознаніе видимъ и у правительства и въ самой университетской корпораціи. Если пополненіе учеными силами совершается въ Университетѣ не путемъ выбора самой коллегіей новаго члена, а черезъ куратора, сносившагося съ иноземными университетами, то дальнѣйшее движеніе этого новаго члена — изъ преподавателей Университета или гимназіи въ профессора—зависитъ уже цѣликомъ отъ самой университетской коллегіи, производящей по рѣшенію общеуниверситетскаго Совѣта (конференціи) въ торжественномъ засѣданіи возведеніе, какъ въ ученую степень, такъ и въ званіе профессора: такъ промовированъ былъ магистръ Николай Поповскій 10 мая 1756 года въ профессора краснорѣчія [1]). Преподаваніе университетское подчинено не было иному контролю, кромѣ совѣтскаго: нѣсколько позднѣе предписано было, какъ общее правило, профессору въ преподаваніи держаться опредѣленнаго учебника, выбраннаго профессоромъ и одобреннаго

дить въ градусы (т.-е. ученыя степени), 2) снять полицейскія тягости, 3) увольнять на каникулярные дни, 4) студентовъ не водить въ полицію, а прямо въ Академію (т.-е. университетъ), 5) духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ". Послѣдняя привилегія указываетъ на жизненный вопросъ тогдашней литературы въ Россіи—на отношеніе науки къ религіи—одинъ изъ вопросовъ, сильно волновавшихъ и Ломоносова и его ученика Поповскаго (Ср. М. И. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, I, 39). Эти предначертанія свободъ были сдѣланы Ломоносовымъ для погибающаго неудачнаго Университета академическаго, но, какъ общія, примѣнены были Ломоносовымъ и къ учреждаемому Московскому, что подтверждаетъ и исторія этого послѣдняго.

[1]) Словарь профес. М. У., II, 311.

Совѣтомъ. Юридически Университетъ, самостоятельный во всѣхъ проявленіяхъ своей внутренней жизни, по отношенію къ сферамъ внѣуниверситетскимъ въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ былъ только прямо Сенату, въ который только и можно было обжаловать, какъ въ высшую правительственную инстанцію, то или другое казавшееся неправильнымъ дѣйствіе университетской коллегіи. Съ другой стороны Университетъ, въ лицѣ своей коллегіи, былъ облеченъ правительственной властью: на немъ лежало управленіе и фактическое руководство всѣмъ среднимъ и низшимъ образованіемъ въ его округѣ, тогда очень обширномъ: назначеніе, перемѣщеніе, смѣна учителей этихъ школъ, ихъ распорядокъ, контроль надъ ними были въ рукахъ Университета.

Если такое положеніе Университета объясняется, съ одной стороны, почти полнымъ отсутствіемъ такого учрежденія, которое именуется позднѣе департаментомъ народнаго просвѣщенія, еще позднѣе министерствомъ, объясняется оно—съ другой—и тѣмъ, что русская бюрократическая машина тогда еще не пошла своимъ полнымъ тяжелымъ ходомъ. Во всякомъ случаѣ положеніе, занятое новооснованнымъ на такихъ широкихъ основаніяхъ Университетомъ, заставляетъ смотрѣть на Университетъ какъ на такое учрежденіе, которому, какъ государственному, приписывалось въ сознаніи самого правительства не только важное значеніе, но оказывалось и полное довѣріе и вниманіе къ его нуждамъ: на него, вѣдь, правительство, по предположенію Шувалова, смотрѣло, какъ на разсадникъ просвѣщенія, долженствующій покрыть сѣтью школъ съ учителями, вышедшими изъ его аудиторій, всю Россію [1]), быть правящимъ и кон-

[1]) Ср. В. С. Иконниковъ, ук. ст. (В. Е. 1876, X), 496.

трольнымъ органомъ просвѣщенія, какъ казеннаго, такъ и частнаго [1]). Это широкое довѣріе къ Университету оправдывается въ значительной степени той смѣной общественныхъ и правительственныхъ теченій, которая совершилась ко времени его открытія во взглядахъ на просвѣщеніе сравнительно со временемъ Петра Великаго [2]): Ломоносовъ, этотъ энтузіастическій поклонникъ Петра, сыгралъ здѣсь видную роль: не измѣняя основному взгляду Петра на важное государственное значеніе просвѣщенія, онъ раздвинулъ его рамки отъ утилитарно-практическаго по преимуществу пониманія до идеи общечеловѣческой, общенаучной: наука, наука сама по себѣ, истинная наука, а не только постольку, поскольку она годна для утилитарныхъ цѣлей даннаго момента, нужна Россіи: только такая наука, притомъ наука русская выведетъ Россію на путь государственнаго благосостоянія. Такъ думалъ Ломоносовъ, а за нимъ и лучшіе люди 50-хъ годовъ XVIII столѣтія, сторонники и поклонники Петра: не даромъ учредительная грамота Московскаго Университета начинается именемъ Петра, напоминаніемъ его завѣтовъ и смотритъ на достиженіе всеобщности образованія, какъ для дворянъ, такъ и разночинцевъ, какъ на продолженіе „дѣлъ Петровыхъ“: эту роль долженъ взять на себя Московскій Университетъ, и чѣмъ скорѣе и шире будетъ онъ исполнять ее, тѣмъ лучше. Такъ смотрѣли на него и передовые люди, стоявшіе у кормила государственной власти.

Еще Ломоносовъ въ своемъ письмѣ объ основаніи Московскаго Университета совѣтуетъ Шувалову не ску-

---

[1]) Ср. Моск. Вѣд. 1757 г. № 20, 1761 г. № 8, 1769 г. № 72, 90, 1771 г. № 18 и др.

[2]) Ср. А. А. Кизеветтеръ, Историч. очерки (М. 1912), стр. 116.

питься, испрашивая средства на содержаніе Университета: онъ разсчитываетъ на быстрое его расширеніе и въ смыслѣ научныхъ плановъ и количества слушателей [1]). Шуваловъ проситъ у правительства 10 тысячъ ежегодно, а Сенатъ по указанію Императрицы предупредительно постановляетъ отпускать 15 тысячъ, „дабы оной университетъ пріумноженіемъ достойныхъ профессоровъ и учителей наиболѣе въ лучшее состояніе происходилъ“ [2]). Такой же смыслъ имѣетъ и учрежденіе при Университетѣ собственной типографіи, что̀ при отсутствіи тогда вольныхъ типографій было большимъ правомъ Университета, какъ просвѣтительнаго учрежденія. Такой же смыслъ имѣетъ и появленіе „Московскихъ Вѣдомостей“ —періодическаго органа Университета.

И общество русское съ такимъ же довѣріемъ и сознаніемъ стремится выразить свое отношеніе къ университету: уже въ 1757 году поступаетъ первое пожертвованіе „для успѣха наукъ“ въ университетъ и поступаетъ отъ русской женщины—Маріи Васильевны *Наумовой*, по поводу чего Университетъ заявляетъ: „Мы живемъ въ такія счастливыя времена, въ которыя не только мужской полъ, но и дамы крайнюю склонность показываютъ къ наукамъ“ [3]). За этимъ пожертвованіемъ—и не малымъ: въ 1000 рублей тогдашнихъ—идетъ непрерывный рядъ другихъ: и деньгами, и книгами, и коллекціями.

---

[1]) „Рѣчи и стихи“ 1830 г., стр. 80. Слова Ломоносова, объясняющія послѣдующее: „сдѣлавъ нынѣ скудной и узкой планъ по скудости ученыхъ (чтобы не пришлось), послѣ какъ разможатся, оный снова передѣлывать“. Связь мысли Ломоносова и распоряженія Сената ясная.

[2]) Тамъ же, стр. 84.

[3]) Моск. Вѣд. 1757 г. № 96 (2 дек.).

и землей, и даже строительными матеріалами для расширяющихся и новыхъ зданій Университета [1]).

Ясно, что и зачался Московскій Университетъ при счастливыхъ ауспиціяхъ, когда правительство и общество видимо дорастали до идеи университета, какъ культурной потребности жизни. И университетъ съ своей стороны стремится оправдать надежды общества: онъ не только быстро заполняетъ свои аудиторіи и общежитіе учащейся молодежью, не только расширяетъ (какъ это предвидѣлъ Ломоносовъ) интенсивно рамки преподаванія (о чемъ свидѣтельствуютъ наглядно издаваемыя имъ въ „Моск. Вѣд." ежегодно къ началу учебнаго сезона программы „публичнаго преподаванія"), но и прямо ставитъ своей задачей — идти навстрѣчу обществу въ его стремленіи къ образованію, знанію, спѣшитъ предупредить эти желанія, потребности въ отдѣльныхъ случаяхъ; особенность преподаванія тогдашняго Университета—его стремленіе къ широкой публичности: Университетъ устраиваетъ ежегодно по нѣсколько публичныхъ диспутовъ своихъ студентовъ, какъ бы давая этимъ обществу отчетъ въ томъ, что дѣлается въ его аудиторіяхъ, организируетъ рядъ публичныхъ лекцій по разнымъ наукамъ: по физикѣ (проф. Франкози, Роста), и гордится тѣмъ, что лекціи эти стали посѣщать и женщины [2]); по англійскому языку (Десницкій), находя, что въ знаніи этого важнаго для коммерціи языка ощущается недостатокъ у людей торговыхъ; по западно-европейской литературѣ съ практическими по ней занятіями [3]). На публичныхъ актахъ

---

[1]) Извѣщенія о нихъ вмѣстѣ съ объявленіемъ благодарности пестрятъ въ Моск. Вѣд. за XVIII вѣкъ. См., напр., 1770 г. № 41, 1774 г. № 32, 1779 г. № 94, 100, 1780 г. № 98, 1781 г. № 14 и т. д.

[2]) Моск. Вѣд. 1757 г. № 40: ср. 1772 г. № 59.

[3]) Моск. Вѣд. 1764 г. № 7.

университета (также по нѣскольку разъ въ годъ, преимущественно по такъ называемымъ табельнымъ, царскимъ днямъ: рожденіе, именины, восшествіе на престолъ государыни, наслѣдника) профессора настойчиво разъясняютъ или общее значеніе науки или отдѣльныхъ ея отраслей, касаются очередныхъ вопросовъ жизни [1]). Всякій новый профессоръ, впервые вступающій на каѳедру, будетъ ли то пріѣзжій иноземецъ, или свой преподаватель, становящійся профессоромъ, выступаетъ не только предъ слушателями-студентами, но и предъ публикой, которую о такомъ событіи приглашая оповѣщаютъ заранѣе въ газетѣ [2]). Эти примѣры оставляютъ внѣ сомнѣнія представленіе о своихъ задачахъ у членовъ университетской коллегіи: это—сознаніе своего долга у ученаго не только передъ учениками-студентами, но и передъ образованнымъ обществомъ своего времени: профессоръ XVIII в. какъ бы стремится буквально оправдать свой латинскій титулъ—professor publicus, — какъ онъ именуется въ латинскихъ оффиціальныхъ актахъ университета.

Еще шире развертывается значеніе молодого университета, какъ руководящаго центра научнаго знанія и литературы, если обратиться къ его издательской и

---

[1]) Напр., А. Барсовъ — о философіи, о цѣли знанія вообще (см. Моск. Вѣд. 1760 г. № 72), Шаденъ—о наукахъ вообще, Фроманъ—о пользѣ наукъ въ жизни человѣка (М. В. 1758 г. № 65; ср. 1769 г. № 35; 1759 г., № 72). Читаются спеціальныя рѣчи, напр., по гигіенѣ, при приближеніи чумы 1771 г., о химіи въ приложеніи къ медицинѣ, о воспитаніи и питаніи дѣтей въ раннемъ возрастѣ, какъ залогѣ размноженія человѣчества—тема современной и намъ общественной медицины и т. д.

[2]) Моск. Вѣд. 1758 г. № 65. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на иностранномъ языкѣ, тотчасъ же печатается при Вѣдомостяхъ и на русскомъ и по недорогой сравнительно цѣнѣ (10 — 15 коп.) поступаетъ въ продажу въ университетской лавкѣ (см. М. В. 1765 г. № 43, 67; 1769 г. № 20, 49; 1771 г. № 66; 1772 г., № 70 и т. д.).

вообще книжной дѣятельности: въ 1756 г. 25 апр. онъ выпускаетъ изъ своей типографіи подъ своей редакціей первый номеръ „Московскихъ Вѣдомостей"; это было крупнымъ и важнымъ шагомъ Университета въ смыслѣ удовлетворенія насущной потребности общества въ періодическомъ изданіи [1]). 3-го мая того же года университетъ сталъ крупнымъ издателемъ научныхъ, учебныхъ и литературныхъ книгъ, цѣлаго ряда повременныхъ изданій, крупной книжной торговой фирмой, имѣющей свой магазинъ, гдѣ продаются не только его изданія, но и всѣ выходящія на русскомъ языкѣ, а также изданія иноземныя [2]). Т. о. Университетъ съ первыхъ же поръ явился почти единственнымъ въ Москвѣ центромъ, снабжавшимъ общество и школу популярно-научной, литературной и учебной книгой [3]), былъ, несомнѣнно, живымъ отраженіемъ тѣхъ литературныхъ и иныхъ вкусовъ и теченій, которыя поднимались и отливали въ читающей массѣ: онъ ранѣе другихъ круговъ воспринималъ ихъ, поддерживалъ путемъ своей издательской и книжно-торговой дѣятельности. Слѣдя за этой стороной дѣятельности Университета, можно довольно отчетливо прослѣдить всѣ переливы этихъ вкусовъ. Ограничусь двумя-тремя

---

[1]) О большой популярности Моск. Вѣд. съ перваго же года ихъ существованія см. у С. П. Шевырева, Исторія М. У., стр. 92.

[2]) Перечень повременныхъ изданій съ характеристикой ихъ см. тамъ же у С. П. Шевырева, стр. 93. О размѣрахъ и характерѣ книжной торговли уп-та можно ясно судить по каталогамъ книжной лавки, печатавшимся почти черезъ номеръ въ Моск. Вѣд.; первые списки такихъ книгъ см., напр., въ М. В. 1756 г. № 3, 4, 7, 27, 36, 48, 61.

[3]) Позднѣе открылось въ Москвѣ отдѣленіе петербургской академической книжной лавки. Лавка при Синодальной типографіи имѣла спеціальный свой характеръ. Рядъ букинистовъ (у Спасскихъ воротъ, на Никольской) торговалъ старой книгой, почти не торговалъ книгой научной. Обо всемъ этомъ можно судить по каталогамъ этихъ торговцевъ, помѣщавшимся въ тѣхъ же Моск. Вѣдомостяхъ.

примѣрами. Въ эпоху увлеченія французской литературой, въ частности драмой всѣхъ видовъ, изъ университетской типографіи рѣкой льются переводныя комедіи, трагедіи, оперы; но, лишь французское вліяніе въ жизни ослабѣваетъ, вызывая пресыщеніе, отрицательное, чаще сатирическое къ себѣ отношеніе, мы тотчасъ это отмѣчаемъ въ издательской дѣятельности Университета: изъ его типографіи выходятъ все чаще и чаще переводы съ иныхъ языковъ (преимущественно, нѣмецкаго), и мы шагъ за шагомъ слѣдимъ за рожденіемъ новыхъ вкусовъ, подчасъ даже за возрастаніемъ популярности отдѣльнаго иноземнаго писателя [1]). Чуткій къ тому, что совершается въ обществѣ, Университетъ является чуткимъ барометромъ и въ этомъ отношеніи. Время увлеченія идеями мистическими и гуманными раньше, чѣмъ гдѣ либо, можетъ быть отмѣчено въ издательской дѣятельности Университета: взявши въ свои руки типографію Университета, основавши при ней „Дружеское Общество" и „Типографическую Компанію", Н. И. Новиковъ сразу мѣняетъ настроеніе московскаго книжнаго рынка: книги по этикѣ, книги общеобразовательныя, мистическія заполняютъ каталоги и объявленія университетской лавки и газеты, при чемъ и самый характеръ рекламы измѣняется: вмѣсто простого объявленія, что вышла де такая-то книга, видимъ подъ ея заглавіемъ обстоятельную, подчасъ довольно обширную статью, гдѣ объясняется, почему книга эта рекомендуется, въ чемъ ея цѣнность [2]).

Не чуждъ обществу остался Университетъ и въ области культивировки искусства: въ числѣ его заботъ

---

[1]) Напр., относительно Виланда см. Моск. Вѣд. 1783 г. № 8, 24, 1784 г., № 99 и т. д.

[2]) См., напр., М. В. 1784 г. № 16, 56 и др.

находимъ и содержаніе въ Москвѣ русскаго театра, труппа котораго, частью студенческая, находится въ завѣдываніи Университета, подъ руководствомъ отдѣльныхъ профессоровъ [1]): постановки пьесъ часто входятъ въ программу университетскихъ торжественныхъ актовъ [2]). Искусство, особенно древнее, составляетъ предметъ публичныхъ лекцій въ Университетѣ [3]).

Наконецъ, первое не правительственное, не казенное учено-литературное общество—„Вольное Россійское Собраніе"—возникаетъ изъ среды университетской коллегіи въ 1771 году [4]); цѣль Общества — изученіе Россіи въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ, а особенно „направленіе и совершеніе россійскаго языка". Такая цѣль и понятна: центръ ломоносовской науки, ломоносовской литературной школы, какимъ явился въ Москвѣ Университетъ, иначе и не могъ поступать. „Литературнымъ" же, такъ сказать, отдѣленіемъ Университета и „Вольнаго Собранія" явился и „Университетскій Благородный Пансіонъ", открытый въ 1778 году и значительно уже расширенный въ слѣдующемъ [5]): о значеніи его въ исторіи русской литературы, въ частности московской, говорить, разумѣется, излишне.

Этихъ примѣровъ дѣятельности новорожденнаго Университета достаточно, чтобы убѣдиться, насколько полно использовалъ онъ завѣты Ломоносова о наукѣ, литературѣ, служеніи Россіи, насколько онъ воспользовался

---

[1]) Напр., проф. Страхова; подробнѣе см. у С. П. Шевырева, Ист. Моск. Ун., стр. 207.

[2]) См. Моск. Вѣд. 1760 г. № 34.

[3]) Напр., проф. Рейхеля, см. тамъ же, 1770 г. № 34.

[4]) По иниціативѣ живущаго въ Москвѣ куратора Ун-та Мелиссино. Первое засѣданіе новаго общества было 2 августа этого года.

[5]) Ср. Моск. Вѣд. 1778 г. № 100 и 1779 г. № 99.

эпохой сравнительной свободы русской науки. Результаты этого сказались очень скоро: на первыхъ же порахъ Университетъ далъ Россіи ученыхъ—пять профессоровъ, своихъ воспитанниковъ, нѣсколько крупныхъ государственныхъ и общественныхъ работниковъ, рядъ административныхъ дѣятелей и длинный рядъ дѣятелей литературныхъ [1]): ихъ имена показываютъ, какъ быстро сталъ Университетъ вліятельной крупной силой и центромъ русской жизни.

Но, связанный такъ тѣсно съ интеллигентной частью Россіи, Университетъ, естественно, и далѣе долженъ былъ постоянно опредѣлять свое отношеніе къ возникающимъ внѣ его новымъ и мѣнявшимся старымъ теченіямъ въ обществѣ и правящихъ сферахъ, съ которыми онъ тѣмъ тѣснѣе оказывался связанъ, что въ XVIII в. еще не имѣлъ *своего* устава, который бы могъ дать бо́льшую устойчивость и твердость и его внутренней жизни. Скоро между этими сферами съ примыкающими къ нимъ кругами общества и Университетомъ на цѣлые почти четверть вѣка возникаетъ непониманіе другъ друга, нарушается солидарность. Благопріятныя обстоятельства, сопровождавшія первые годы существованія Университета, одинаковое у правительства и общества пониманіе и признаніе завѣтовъ Ломоносова, смѣняются инымъ отношеніемъ къ наукѣ, къ ея свободѣ въ правящихъ сферахъ: надвигаются реакціонный періодъ второй половины царствованія Екатерины II и Павловское время съ совершенно инымъ отношеніемъ къ наукѣ и ея задачамъ (о которомъ здѣсь говорить нѣтъ нужды), съ

---

[1]) Перечень ихъ см. у В. С. Иконникова, ук. статья (В. Е. 1876 г., X), стр. 496.

недовѣріемъ къ ней и къ ея носителю—Университету. Тотъ односторонне развившійся бюрократизмъ, который такъ ярко былъ очерченъ извѣстнымъ Авг. Шлецеромъ, какъ главная причина упадка Академіи Наукъ, паденія науки и тормазъ русскаго просвѣщенія [1]). этотъ самовластный бюрократизмъ не могъ не отразиться печально и на жизни Московскаго Университета, дѣятельность котораго, какъ свободнаго въ основѣ научнаго учрежденія, желали не согласовать съ государственными потребностями, а подчинить тѣмъ взглядамъ, которые считались тождественными съ этими потребностями, не будучи таковыми на дѣлѣ, иначе: желали сдѣлать и Университетъ, учрежденіе по своему смыслу прогрессивное, орудіемъ для реакціонныхъ цѣлей. Для Университета настали тяжелыя времена. Примѣромъ этого можетъ служить, съ одной стороны, насильственное прекращеніе дѣятельности Н. И. Новикова, бывшаго такимъ яркимъ выразителемъ гуманныхъ и широкопросвѣтительныхъ задачъ Университета, черезъ Типографическую Компанію выходившаго на путь широкой популяризаціи, общедоступности и моральнаго воздѣйствія науки и знанія въ обществѣ. Съ другой стороны, переживаемое Университетомъ тяжелое положеніе достаточно характеризуется извѣстнымъ печальнымъ „дѣломъ“ проф. Мельманна (1795), въ лицѣ котораго философія Канта была признана зловредной, не согласной съ религіей, а самъ профессоръ, послѣ доносовъ и допросовъ, „признанъ неспособнымъ къ своему званію и оказавшимся поврежденнымъ въ умѣ“ и высланъ на родину въ Пруссію. „Вольное Россійское Собраніе“, послѣ 14-лѣтняго успѣш-

---

[1]) См. М. И. Сухомлиновъ, Изслѣд. и статьи; I, 44 и сл.

наго существованія, успѣвшее издать рядъ своихъ трудовъ, прекращаетъ свое существованіе въ 1787 году [1]). Попытка его возродиться подъ инымъ именемъ—„Общества Любителей Учености“ (1789)—также успѣха не имѣла [2]). Передовымъ, прогрессивнымъ теченіямъ жизни, выразителемъ и проводникомъ которыхъ долженъ былъ быть и былъ Университетъ, налагалась такимъ образомъ препона боязливыми передъ наукой, но власть имѣющими [3]). Мысль Ломоносова о широтѣ, свободѣ, общедоступности и общей необходимости науки подвергалась опасности.

Но наука и ея носитель и хранитель Университетъ не сдались сразу подъ напоромъ тяжелаго времени. Засѣдавшая въ 1786—87 гг. Училищная Комиссія, въ составъ которой вошли и члены корпораціи Московскаго Университета, между прочимъ занята выработкой устава для Московскаго Университета, а также для другихъ, которые предполагалось открыть въ другихъ пунктахъ Россіи. Комиссія очень внимательно отнеслась къ дѣлу, собирая не только дома, но и за границей матеріалы для устава Университета [4]). Въ результатѣ своихъ разсужденій и разысканій Комиссія не могла отказаться отъ мысли, что свобода преподаванія есть живительное начало ученой дѣятельности Университета, что профессора „не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи пра-

---

[1]) С. П. Шевыревъ, Ист. Моск. Ун., стр. 241.

[2]) Ibid., стр. 253. Уже въ 20-хъ гг. о его дѣятельности знали такъ мало, что его смѣшивали съ Обществомъ Любителей Россійской Словесности (основаннымъ въ 1811 году), какъ находимъ въ одномъ путеводителѣ по Москвѣ этого времени.

[3]) Подробнѣе у В. С. Иконникова, ук. ст. (X, 1876 г., стр. 517 и сл.)

[4]) Подробнѣе о работахъ Комиссіи въ этомъ отношеніи см. у М. И. Сухомлинова, ук. соч., I, 54 и сл.

вилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо". Не могла Комиссія отказаться и отъ другой мысли Ломоносова— общедоступности Университета: онъ долженъ быть открытъ для всѣхъ любознательныхъ посѣтителей, для студентовъ и постороннихъ слушателей, безъ различія лѣтъ и сословія. Университетъ, въ глазахъ Комиссіи, являлся по прежнему не воспитательнымъ заведеніемъ, а ученой корпораціей для преподованія наукъ: отсюда для членовъ Комиссіи вытекала невозможность „введенія въ Университеты школьной строгости и неволи, которыя до добра не доведутъ" [1]), и т. д. Мысль о свободѣ и демократизаціи науки и университета — мысль Ломоносова—поддержала жизнь Московскаго Университета, несмотря на все усиливавшіяся стѣсненія, стремленіе сдѣлать ученую коллегію департаментомъ чиновниковъ-служителей въ области, ничего общаго съ наукой не имѣющей: Университетъ, хотя и не получилъ тогда устава, который гарантировалъ бы ему его „свободы", его нормальную жизнь, онъ все же дожилъ до „дней Александровыхъ счастливаго начала"—до устава 1804 года: Университетъ остался „высшимъ ученымъ сословіемъ, для преподаванія наукъ учрежденнымъ" (§ 1). Въ основѣ новаго устава блеститъ все таже мысль о свободѣ, широтѣ и общедоступности науки, мысль, которая, высказанная Петромъ Великимъ, впервые нашла себѣ истолкователя въ лицѣ Ломоносова и въ дѣятельности наслѣдника и продолжателя его мысли Московскаго Университета.

---

[1]) Со ссылкой на мнѣніе геттингенскаго профессора Брандеса. См. тамъ же, стр. 43.

Все, пережитое нашимъ Университетомъ за XVIII вѣкъ, убѣждаетъ насъ въ тѣсной духовной связи между Ломоносовымъ и первымъ русскимъ Университетомъ. Свѣточъ русской науки, зажженный въ 1755 году геніальнымъ Ломоносовымъ, не погасъ, несмотря ни на какія бури, проносившіяся надъ русской наукой и жизнью, и не погаснетъ онъ до тѣхъ поръ, пока мы будемъ не только вспоминать великаго создателя русской науки, но и помнить его завѣты и поучительную исторію Московскаго Университета —иначе—исторію нашего научнаго и народнаго самосознанія.

М. Сперанскій.

Ломоносовъ, какъ физико-химикъ.

Когда 11 апрѣля 1865 г. Совѣтъ Московскаго Университета въ своемъ торжественномъ собраніи вспоминалъ славныя заслуги М. В. Ломоносова, профессоръ Н. Е. Лясковскій, говорившій рѣчь „Ломоносовъ, какъ химикъ", указалъ, что онъ не можетъ дать полной оцѣнки дѣятельности М. В. Ломоносова, потому что „достаточная характеристика Ломоносова, какъ представителя у насъ, въ свое время, данной науки, основанная на выборкѣ изъ всѣхъ его литературныхъ произведеній, конечно, не только не могла бы помѣститься въ предѣлы нашихъ задушевныхъ и по необходимости отрывочныхъ воспоминаній, но и предполагаетъ обладаніе всѣми матеріалами, относящимися къ научной дѣятельности Ломоносова". „По нѣкоторымъ наукамъ — и къ числу ихъ безъ сомнѣнія принадлежитъ и химія — полныя свидѣтельства о трудахъ Ломоносова имѣются, вѣроятно, только въ одномъ учрежденіи — въ Академіи Наукъ, и оттуда Россія можетъ ожидать подробнаго отчета о научномъ поприщѣ, пройденномъ ея первымъ ученымъ". Полвѣка прошло, и эти ожиданія сбылись: въ настоящее время благодаря трудамъ проф. Б. Н. Меншуткина, имѣвшаго доступъ къ архивамъ Академіи

Наукъ, сдѣлались доступными всѣмъ интересующимся, какъ диссертаціи М. В. Ломоносова, касающіяся различныхъ химическихъ вопросовъ и писанныя имъ на латинскомъ языкѣ, такъ и программы его курсовъ математической и физической химіи, замѣтки объ опытахъ и т. п..

Кромѣ того на торжественномъ засѣданіи Академіи 8-го ноября 1911 г. въ рѣчахъ проф. Б. Н. Меншуткина („Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель“) и Академика П. И. Вальдена („Ломоносовъ, какъ химикъ“) были даны полныя характеристики его научной дѣятельности въ области химіи; поэтому я, на долю коего выпала высокая честь вспоминать о работахъ перваго русскаго профессора, въ стѣнахъ учрежденія, имъ созданнаго, нахожусь въ немаломъ смущеніи: что новаго могу я сказать? на какую сторону дѣятельности, доселѣ не указанную, могу обратить Ваше вниманіе? Да позволено, поэтому, мнѣ будетъ, не вдаваясь въ подробности, дать общую характеристику дѣятельности М. В. Ломоносова въ области химіи, какъ она рисуется на основаніи изученія вышеназванныхъ матеріаловъ [1]).

[1]) См. 1) М. В. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ. Къ исторіи химіи въ Россіи. Б. Н. Меншуткина. Журналъ Русскаго Физико-Химическаго Общества за 1904 г. и Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института за 1904.

2) Труды Ломоносова въ области естественно-историческихъ наукъ. Изд. Императорской Академіи Наукъ. 1911. (См. въ нихъ статьи Б. Н. Меншуткина и др.).

3) Ломоносовскій Сборникъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ (см. ст. П. И. Вальдена, Б. Н. Меншуткина, Б. В. Курилова).

4) Рѣчь академика П. И. Вальдена. Ломоносовъ, какъ химикъ.

5) Рѣчь проф. Б. Н. Меншуткина. Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель.

6) Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Жизнеописаніе. Составилъ Б. Н. Меншуткинъ. 1911 г.

7) Ломоносовскій Сборникъ. Матеріалы для исторіи развитія химіи въ Россіи. Изд. Химич. Отд. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. Москва. 1901.

М. В. Ломоносовъ былъ первымъ русскимъ профессоромъ химіи, и этотъ профессоръ, вышедшій изъ самой глубины русскаго народа, заключалъ въ себѣ типическія черты русскаго научнаго генія. Работая въ ту эпоху, когда на химію смотрѣли, какъ на искусство [1]), имѣющее прикладную цѣль, онъ сразу опредѣляетъ химію, какъ „науку, разсматривающую свойства и измѣненія тѣлъ", и указываетъ, что „химикъ-теоретикъ долженъ обладать философскимъ познаніемъ измѣненій, совершающихся въ составномъ тѣлѣ". Такой взглядъ на химію неминуемо приводитъ къ указанію тѣхъ путей, которые могутъ послужить для разработки вопросовъ, ею изучаемыхъ: не только словомъ, но и дѣломъ онъ является новаторомъ, указывая тѣсную связь между химіей, физикой и математикой. Первый его трудъ по химіи, при жизни не напечатанный и сохранившійся въ рукописи (относится къ 1741 г.), называется: Elementa Chymiae Mathematicae—Начала математической химіи, и здѣсь мы читаемъ: „истинный химикъ долженъ всегда быть философомъ". „занимающіеся одной практикой не истинные химики", и тѣ, которые занимаются теоретическими соображеніями, не могутъ считаться настоящими химиками. Далѣе,

---

[1]) Заимствуемъ у П. И. Вальдена (Ломоносовскій Сборникъ, стр. 137) опредѣленія, какія давались химіи въ эпоху, когда жилъ М. В. Ломоносовъ: по французскому изданію (1752) Boerhave: La Chymie est un Art, qui enseigne à faire certaines Opérations Physiques par le moïen des quelles les Corps.... sont changés par des instrumens propres... Et c'est avec raison qu'on donne le nom d'Art à la Chymie, puisqu'elle nous dirige dans la pratique les certaines Opérations dont on peut prévoir les suites. Англійскій химикъ Peter Shaw въ своихъ Chemical Lectures даетъ слѣдующее опредѣленіе: Philosophical Chemistry we define as a rational Art of dividing or resolving all the Bodies... А по Chr. Weigel'ю еще въ 1788 г. „die *Scheidekunst*, oder Chemie lehrt die Mischung der Körper aus einfacheren Stoffen, verschiedener Beschaffenheit, kennen, die Körper in solche zerlegen und aus denselben wieder zusammensetzen".

такъ какъ всѣ измѣненія тѣлъ происходятъ при помощи движенія, то „кто хочетъ глубже проникнуть въ изслѣдованіе химическихъ истинъ, тотъ долженъ необходимо изучать механику .....и математику“ [1]).

---

[1]) Этотъ взглядъ мы находимъ далѣе развитымъ въ „Словѣ о пользѣ химіи“, читанномъ сентября 6 дня 1751 г., изъ коего приведемъ слѣдующую выдержку.

„Равнымъ образомъ прекрасныя Натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница, и въ самые внутренніе чертоги входъ имѣющая Химія: и когда она раздѣленныя и разсѣянныя частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ, и показываетъ разныя въ нихъ фигуры; выспрашивать у осторожной и догадливой Геометріи, когда твердыя тѣла на жидкія, жидкія на твердыя перемѣняетъ, и разныхъ родовъ матерій раздѣляетъ и соединяетъ; совѣтовать съ точною и замысловатою Механикою: и когда чрезъ слитіе жидкихъ матерій разные цвѣта производитъ; выводить чрезъ проницательную Оптику. Такимъ образомъ, когда Химія пребогатыя госпожи своея потаенныя сокровища разбираетъ, любопытный и неусыпный Натуры рачитель оныя черезъ Геометрію вымѣривать, черезъ Механику развѣшивать и черезъ Оптику высматривать станетъ, то весьма вѣрсятно, что онъ желаемыхъ тайностей достигнетъ. Здѣсь, уповаю, еще вопросить желаете: чего ради по сіе время изслѣдователи естественныхъ вещей въ семъ дѣлѣ столько не успѣли? На сіе отвѣствую, что къ сему требуется весьма искусной Химикъ и глубокой Математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, который только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку; но который собственнымъ искусствомъ въ ней прилежно упражнялся: и не такой, напротивъ того, которой хотя великое множество опытовъ дѣлалъ; однако больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощрясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія, и ради того послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случившіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ тайнъ. Не такой требуется Математикъ, который только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ; но который въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ Математической строгости, въ Натурѣ сокровенную правду точнымъ и неопровержимымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Безполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверстію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, Математика очами физическими по справедливости назваться можетъ. Но какъ обѣ въ изслѣдованіи внутреннихъ свойствъ тѣлесныхъ одна отъ другой необходимо помощи требуютъ; такъ напротивъ того умы человѣческіе нерѣдко на разные пути отвлекаютъ. Химикъ, видя при всякомъ опытѣ разныя и часто нечаянныя явленія и произведенія, и приманиваясь тѣмъ къ снисканію скорой пользы, Математику какъ бы

Далѣе, въ „Словѣ о пользѣ химіи“ указывается, что не практическая польза, не личныя выгоды должны побуждать настоящаго химика. Химикъ долженъ быть идеалистомъ, а задача химіи, какъ и всякой науки, „истолкованіе естественныхъ тайнъ“. Для достиженія этой цѣли химику нужна математика: „химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться можетъ“. Здѣсь мы видимъ, что М. В. Ломоносовъ является прообразомъ тѣхъ будущихъ представителей естествознанія, которые заставили уважать русское имя на Западѣ: и у нихъ мы встрѣчаемъ широту взгляда не только на цѣли науки, но и на методы, съ помощью коихъ она должна разработываться, и полетъ творческой мысли, поднимающей ихъ духъ въ область широкихъ вопросовъ.

Въ своемъ взглядѣ на необходимость знанія математики для изученія химіи М. В. Ломоносовъ опередилъ химиковъ того времени почти на цѣлое столѣтіе, и исторія химіи XIX столѣтія показываетъ, какое громадное вліяніе на развитіе химіи оказало широкое при-

---

только въ нѣкоторыхъ тщетныхъ размышленіяхъ и точкахъ и линѣяхъ упражняющемуся смѣется. Математикъ напротивъ того увѣренъ о своихъ положеніяхъ ясными доказательствамъ, и черезъ неоспоримыя и безперерывныя слѣдствія выводя неизвѣстныя количествъ свойства, Химика какъ бы одною только практикою отягощеннаго и между многими безпорядочными опытами заблуждающаго презираетъ; и пріобвыкнувъ къ чистой бумагѣ и къ свѣтлымъ геометрическимъ инструментамъ, Химическимъ дымомъ и пепломъ гнушается. И для того по сіе время сіи двѣ общею пользою такъ соединенныя сестры толь разномысленныхъ сыновъ по большей части раждали. Сіе есть причиною, что совершенное ученіе Химіи съ глубокимъ познаніемъ Математики еще соединено не бывало. И хотя въ нынѣшнемъ вѣку нѣкоторые въ обоихъ наукахъ изрядные успѣхи показали, однако сіе предпріятіе выше силъ своихъ почитаютъ: и для того не хотятъ въ испытаніи помянутыхъ частицъ съ твердымъ намѣреніемъ и постояннымъ раченіемъ потрудиться; а особливо когда примѣтили, что нѣкоторые съ немалою тратою труда своего и времени, пустыми замыслами и въ одной головѣ родившимися привидѣніями Натуральную науку больше помрачили, нежели свѣту ей придали“.

мѣненіе математики при изученіи химическихъ процессовъ. Извѣстный ученый В. Оствальдъ въ 1896 г. настойчиво указываетъ, что всякій молодой химикъ, если только онъ хочетъ достичь хотя сколько нибудь высокой цѣли, долженъ непремѣнно заниматься математикой.

Вы слышали здѣсь, какое мѣсто занимаетъ М. В. Ломоносовъ въ исторіи русской литературы, но нельзя не указать на то, что своимъ переводомъ „Экспериментальной физики“ Христіана Вольфа (1746 г.) [1]) онъ положилъ начало созданію русскаго научнаго языка. Въ концѣ предисловія, которымъ снабдилъ М. В. Ломоносовъ эту книгу, онъ говоритъ: „сверхъ сего принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперьва покажутся нѣсколько странны, однако, надѣюсь, что они со временемъ черезъ употребленіе знакомѣе будутъ“. Послѣднее вполнѣ оправдалось: очень многія слова нашего научнаго языка, съ которыми мы теперь вполнѣ свыклись, какъ, напр., барометръ,

---

[1]) „Вольфіанская экспериментальная физика переведена замѣчательно понятно“, говоритъ Б. Н. Меншуткинъ, „сразу видно, что переводилъ человѣкъ, отлично знакомый съ предметомъ. Интересно предисловіе Ломоносова къ этому переводу. Указавъ, что философія Аристотеля нынѣ опровергается, что противъ нея выступилъ Картезій и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящшему наукъ приращенію, онъ говоритъ: „словомъ въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки Физика нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бываютъ изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ. Для того начинающимъ учиться физикѣ напередъ предлагаются нынѣ обыкновенно нужнѣйшіе физическіе опыты, купно съ разсужденіями, которыя изъ оныхъ непосредственно и почти очевидно слѣдуютъ. Сіи опыты писаны отъ разныхъ авторовъ на разныхъ языкахъ“...

термометръ, атмосфера и т. д., были именно Ломоносовымъ введены въ научный оборотъ (Б. Н. Меншуткинъ).

Въ 1744 г. М. В. Ломоносовъ представилъ въ Академію диссертацію, озаглавленную Meditationes de caloris et frigoris causa (Размышленія о причинѣ теплоты и холода), въ которой излагаетъ механическую теорію теплоты, съ такою проникновенностью въ внутреннее строеніе тѣлъ, что нѣкоторыя мѣста этой диссертаціи могутъ и въ настоящее время быть перенесены безъ всякаго измѣненія въ трактаты по физикѣ. Напр., въ § 34 этой диссертаціи читаемъ: „Изъ всего этого мы заключаемъ, что нечего приписывать теплоту тѣлъ сгущенію какой-то тонкой, для сего спеціально предназначенной матеріи, но что тепло состоитъ во внутреннемъ вращательномъ движеніи связанной матеріи теплаго тѣла, и не только говоримъ, что тончайшая матерія эфира, которою заполнено все пространство, свободное отъ чувственныхъ тѣлъ, воспріимчиво къ тому же движенію и теплу, но и утверждаемъ, что она, принявъ тепловое движеніе отъ солнца, сообщаетъ его нашей землѣ и другимъ міровымъ тѣламъ и дѣлаетъ ихъ теплыми, и что эфиръ—та среда, черезъ которую тѣла, удаленныя другъ отъ друга, сообщаютъ взаимно теплоту безъ посредства чего либо чувственнаго".

При чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ этого труда можетъ показаться, что они написаны не въ 1744—1747 г., а во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія послѣ установленія перваго закона термодинамики: до того идеи М. В. Ломоносова опередили тогдашнее состояніе науки, а его умственный взоръ глубоко проникъ въ тайны внутренняго строенія тѣлъ. Для примѣра достаточно указать, что онъ даетъ вполнѣ точное и ясное предста-

вленіе объ абсолютномъ нулѣ температуры, хотя это понятіе было введено въ науку только въ девятнадцатомъ столѣтіи [1]).

Механическая теорія теплоты, какъ ее развивалъ М. В. Ломоносовъ, замѣчательна тѣмъ, что совершенно не принимаетъ существованія такихъ метафизическихъ жидкостей, какъ матерія огня, свѣта, теплородъ, которыхъ такъ много было въ наукѣ того времени, и которые исчезли не ранѣе второй половины XIX-го вѣка.

Понятно, что подобнаго рода новаторскія идеи, не укладывающіяся въ рамки научныхъ представленій того времени, не могли не встрѣтить протеста со стороны академиковъ, и въ протоколахъ засѣданій Академіи 21 и 25 января 1745 г., въ коихъ была доложена эта диссертація Ломоносова, мы читаемъ: „Нужно хвалить трудолюбіе и охоту г-на адъюнкта, занявшагося теоріей тепла и холода; но имъ кажется, что онъ слишкомъ рано принялся за дѣло.... во-первыхъ, потому, что доказательства, которыми онъ пытался утвердить, отчасти опровергнуть разныя внутреннія движенія въ тѣлахъ, никоимъ образомъ не достаточны, что самъ г-нъ адъюнктъ признаетъ, когда ему будетъ угодно свои доказательства

---

[1]) Въ § 26 Размышленій о причинѣ теплоты и холода читаемъ: „мы не можемъ придать никакой скорости движенія столь большей величины, чтобы нельзя было мысленно представить еще болѣе значительной. Это же можно по справедливости отнести и къ тепловому движенію, и потому высшая послѣдняя возможная степень теплоты не есть мысленное движеніе. Съ другой стороны движеніе можетъ настолько уменьшиться, что, наконецъ, тѣло придетъ въ покой и не можетъ претерпѣть какое либо дальнѣйшее уменьшеніе движенія. Итакъ, высшая и послѣдняя степень холода состоитъ въ абсолютномъ прекращеніи вращательнаго движенія и по необходимости можетъ существовать.

§ 27. Хотя высшая степень холода возможна, однако, имѣются данныя, доказывающія, что ея не можетъ существовать на этомъ земномъ шарѣ. Дѣйствительно, все, что намъ кажется холоднымъ, только менѣе тепло, чѣмъ наши органы чувствъ...“

частнымъ образомъ вывести и передать въ формѣ силлогизма. Г-на адъюнкта также предупредили не поносить въ своей работѣ Бойля, столь извѣстнаго своими трудами: нужно изъять изъ его рукописи, по крайней мѣрѣ, тѣ мѣста, гдѣ онъ какъ бы бредитъ... Г-нъ адъюнктъ отрицалъ, что бы онъ сдѣлалъ обдуманно"... Академики вступились за авторитетъ Р. Бойля, полагавшаго, что „при сожиганіи, части огня или пламени могутъ дѣлаться устойчивыми и вѣсомыми". М. В. Ломоносовъ же, ранѣе опытовъ Лавуазье, вполнѣ правильно указалъ, что увеличеніе вѣса тѣлъ при обжиганіи происходитъ отъ того, „что въ сожженныхъ тѣлахъ находятся вѣсомыя части или пламени, сожигавшаго тѣла, или воздуха, текущаго во время сожженія надъ прокаливаемымъ тѣломъ" [1]).

[1]) § 31 Размышленій о причинѣ теплоты и холода: „....Если не ошибаюсь, знаменитѣйшій Р. Бойль первый на опытѣ показалъ увеличеніе вѣса при сожиганіи и объяснилъ, что части огня и пламени могутъ дѣлаться устойчивыми и вѣсомыми. Если бы это можно было представить себѣ для какого-то элементарнаго огня, то мнѣніе, которое надо опровергнуть, имѣло бы надежный оплотъ. Многіе, однако, даже почти всѣ его опыты, сдѣланные надъ увеличеніемъ вѣса при помощи огня, показываютъ, что въ сожженныхъ тѣлахъ находятся вѣсомыя части или пламени, сожигавшаго тѣла, или воздуха, текущаго во время сожженія надъ прокаливаемымъ тѣломъ. Такъ, если пластинки металла сожигаются въ пламени сѣры, то онѣ увеличиваются въ объемѣ и вѣсѣ, но причина увеличенія не что иное, какъ кислота сѣры, которую по освобожденіи отъ флогистона можно собрать и заключить подъ колоколъ воздушнаго насоса, она проникаетъ въ поры мѣди и серебра и соединившись съ ними, увеличиваетъ вѣсъ ихъ. Точно также при сжиганіи свинца въ сурикъ мастера нарочно направляютъ въ расплавленный металлъ темное, обильное сажей пламя, одно только окрашивающее окалину краснымъ цвѣтомъ и увеличивающее ея вѣсъ вмѣстѣ съ выгодою мастеровъ. Остальные опыты хваленаго автора, въ приложеніи къ его сочиненію, повидимому важнѣе, но не свободны отъ всякаго подозрѣнія, такъ какъ нерѣдко дѣлались въ отсутствіи его и поручались какому-то лаборанту. Но допустимъ, что кромѣ частей зажженнаго тѣла или частичекъ, летающихъ въ воздухѣ постоянно текущемъ надъ прокаливаемымъ тѣломъ, къ металламъ при продолжающемся накаливаніи присоединяется какая-то другая матерія, увеличивающая вѣсъ окалинъ. Матерія эта конечно не та, которая считается свойствен-

Впослѣдствіи въ 1756 г. онъ въ построенной имъ химической лабораторіи повторяетъ „опыты въ запаянныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Бойля мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ".

Такимъ образомъ М. В. Ломоносовъ сдѣлалъ опыты, подобные тѣмъ, на основаніи коихъ Лавуазье далъ ученому міру теорію горѣнія тѣлъ и дыханія животныхъ и реформировалъ химію. „Въ 1756 г. онъ", говоритъ академикъ П. И. Вальденъ, „держитъ въ рукахъ очевидное доказательство закона неразрушимости матеріи (или постоянства вѣса), вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательство неправильности ученія о флогистонѣ". Но опыты остаются не опубликованными, не продолжаются, и забываются...

На невольный вопросъ, что же помѣшало М. В. Ломоносову идти дальше въ этомъ направленіи, и, быть можетъ, предупредить Лавуазье, мы можемъ найти отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ въ томъ же 1756 г. въ рѣчи о происхожденіи свѣта: „Къ ясному всего истолкованію необходимо нужно предложить всю мою систему физической химіи, которую совершить и сообщить ученому свѣту препятствуетъ мнѣ любовь къ россійскому слову, къ прославленію россійскихъ героевъ

ной огню, такъ какъ окалины, удаленныя отъ огня, даже на величайшемъ морозѣ, сохранятъ излишекъ вѣса и не показываютъ избытка теплоты. Я не вижу, почему въ окалинахъ огненная матерія поступала бы несообразно со своей природой. Затѣмъ окалины, при возстановленіи въ металлическій видъ, снова теряютъ избытокъ вѣса. Но какъ возстановленіе, такъ и обжиганіе происходятъ при одинаковомъ огнѣ, первое даже при большомъ, и нельзя объяснить, почему огонь то входитъ, то выходитъ изъ тѣлъ".

и къ достовѣрному изысканію дѣяній нашего отечества". Такъ же точно передъ тѣмъ, въ письмѣ къ Эйлеру, извиняясь, что давно не писалъ къ нему, говорилъ: „Я принужденъ играть здѣсь роль не только поэта, оратора, химика и физика, но теперь почти совершенно превращаюсь въ историка". И затѣмъ онъ исчисляетъ начатыя имъ физическія изслѣдованія, отъ которыхъ русскія древности его отвлекаютъ [1]).

Ломоносовъ ясно сознавалъ законъ вѣчности матеріи и сперва въ письмѣ къ Эйлеру (1748 г.), а затѣмъ въ Словѣ о жидкости и твердости тѣлъ въ 1760 г. высказываетъ „свой всеобщій законъ природы" сохраненія вещества и количества движенія въ слѣдующихъ словахъ: „Всѣ измѣненія, случающіяся въ природѣ, такъ происходятъ, что если къ одному тѣлу что нибудь прибавится, то столько же отнимется отъ другаго. Такъ, когда къ какому нибудь тѣлу прибавляется сколько нибудь вещества, то точно столько же убавляется у другаго.... сей всеобщій естественный законъ простирается и въ самыя правила движенія: ибо тѣло, движущее своею силою другое, столько же оное у себя теряетъ, сколько сообщаетъ другому, которое отъ него движеніе получа-

[1]) Ученымъ занятіямъ Ломоносова нанесенъ былъ еще большій ударъ, когда въ началѣ 1757 г. гр. Разумовскій, уѣзжая въ Малороссію, назначилъ его, вмѣстѣ съ Таубертомъ, членомъ канцеляріи въ помощь къ одряхлѣвшему Шумахеру, а черезъ годъ поручилъ ему надзоръ за всею ученою и учебною частью въ академіи—за профессорскимъ собраніемъ, за географическимъ департаментомъ, также за университетомъ и гимназіей. По всѣмъ ввѣреннымъ ему отдѣламъ Ломоносовъ принялся дѣйствовать со свойственною ему энергіей, но особенныя заботы посвятилъ онъ университету и гимназіи, которыя находились въ жалкомъ положеніи; Ломоносовъ немедленно началъ преобразованіе. Всѣ эти заботы должны были отвлечь М. В. Ломоносова отъ занятій химіей, и мы видимъ, что съ 1757 г. онъ покидаетъ химическую лабораторію и вмѣстѣ съ тѣмъ *научную химію*. И въ началѣ 1758 г. онъ прямо говоритъ, „что на будущее время онъ не можетъ посвящать трудовъ своихъ химіи".

сть". И здѣсь мы видимъ, что взгляды М. В. Ломоносова находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствующими въ то время взглядами химиковъ, основанными на теоріи флогистона. „Хотя Ломоносовъ, говоритъ П. И. Вальденъ, не былъ противникомъ флогистона (флогистонъ, принципъ горючаго, сѣрная летучая матерія, имъ примѣняется, начиная съ 1745 по 1763 г.—Металлургія, II приб. § 160), но онъ словомъ и дѣломъ противникъ *всего флогистическаго періода* (т.-е. направленія и способовъ изслѣдованія этого періода)". И намъ думается, что правъ біографъ М. В. Ломоносова, проф. Б. Н. Меншуткинъ, указывающій, что въ тѣхъ случаяхъ, „когда это было возможно, онъ обходился безъ флогистона: онъ объяснялъ превращеніе неблагородныхъ металловъ при обжиганіи въ окалины соединеніемъ ихъ съ воздухомъ и доказалъ это своими опытами въ запаянныхъ сосудахъ; наоборотъ, онъ пользовался теоріей флогистона, когда этого требовали его собственные интересы (т.-е. 1) при составленіи диссертаціи для полученія званія профессора, подъ заглавіемъ „о свѣтлости металловъ", 2) въ сочиненіи „о происхожденіи селитры", представленномъ для полученія преміи за разработку названной темы Берлинской Академіей Наукъ) или интересы его слушателей". (т.-е. для того, чтобы имъ были доступны новыя мысли, необходимо было предлагать ихъ при помощи общераспространенной и знакомой теоріи флогистона) [1]).

---

[1]) Добавимъ, что Ломоносовъ не опубликовалъ подробно своихъ взглядовъ на явленія обжиганія металловъ, вѣроятно по причинѣ, высказанной въ нѣсколько разъ уже упомянутомъ письмѣ къ Л. Эйлеру: „хотя все это... могъ бы опубликовать, однако боюсь: можетъ показаться, что даю ученому міру незрѣлый плодъ скороспѣлаго ума, если выскажу мно-

Не останавливаясь на томъ [1]), что М. В. Ломоносовымъ была построена первая химическая лабораторія, въ которой онъ началъ производить свои опыты, укажемъ на тотъ курсъ лекцій по химіи, который читался имъ съ конца 1751 по май 1753 г.. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что является первымъ вообще курсомъ физической химіи, и нельзя не пожалѣть, что онъ не былъ изданъ самимъ Ломоносовымъ, а пролежалъ въ архивѣ Академіи Наукъ болѣе 150 лѣтъ, и только въ 20-мъ столѣтіи, въ 1904 г., благодаря трудамъ проф. Б. Н. Меншуткина, появился въ свѣтъ. Подобные курсы физической химіи начали читаться только въ послѣдней четверти XIX-го столѣтія: и здѣсь мы видимъ, что М. В. Ломоносовъ опередилъ своихъ современниковъ болѣе чѣмъ на столѣтіе.

Самое опредѣленіе физической химіи, данное Ломоносовымъ, таково, что оно безъ измѣненія можетъ быть

гіе новые взгляды, по большей части противоположные принятымъ великими мужами“ (Б. Н. Меншуткинъ, Ломоносовъ и флогистонъ. Ломоносовскій сборникъ, 162).

[1]) Вступивъ въ должность адъюнкта, Ломоносовъ почти тотчасъ же (1742 г.) обратился съ предложеніемъ устроить химическую лабораторію, которой до того времени еще не было при Академіи Наукъ. Но это первое предложеніе не обратило на себя никакого вниманія, и только въ концѣ 1747 г., наконецъ, было отведено мѣсто для химической лабораторіи, а лѣтомъ 1748 г. было приступлено къ постройкѣ самаго зданія, которое воздвигалось на деньги, отпущенныя изъ Императорскаго кабинета. Работы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Ломоносова и шли довольно успѣшно. Къ октябрю зданіе было уже почти готово, и Ломоносовъ заготовлялъ всѣ необходимыя для этого учрежденія вещи и матеріалы. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1749 г. Ломоносовъ доносилъ Академической канцеляріи, что лабораторія „уже по большей части имѣетъ къ химическимъ трудамъ надлежащія потребности и въ будущемъ мартѣ мѣсяцѣ, какъ скоро великіе морозы пройдутъ, должна будетъ вступить въ непрерывное продолженіе химическихъ опытовъ“. Свое донесеніе Ломоносовъ заканчивалъ просьбой о назначеніи лаборанта. Это требованіе нашего ученаго было удовлетворено, и 1 мая въ эту должность вступилъ нѣкій Іоганъ Менеке, котораго Ломоносовъ самъ отъэкзаменовалъ по химіи и нашелъ его познанія достаточными для лаборанта.

повторено и въ настоящее время: „физическая химія— наука, объясняющая на основаніи положенія и опытовъ физическихъ причину того, что происходитъ черезъ химическія операціи въ сложныхъ тѣлахъ. Она можетъ быть названа химической философіей, но въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ та мистическая философія, гдѣ не только не даютъ объясненій, но даже самыя операціи производятъ тайнымъ образомъ".

Академикъ П. П. Вальденъ указываетъ, что Ломоносовъ, въ вопросѣ о физико-химіи, является первообразомъ. „Онъ первый выдвигаетъ идею о математической и физической химіи, какъ самостоятельной наукѣ, онъ первый составляетъ систематическій курсъ этой науки, опредѣляя ея цѣль и содержаніе, онъ первый читаетъ публично экспериментальныя лекціи по этому предмету, и онъ первый предпринимаетъ удивительно систематизированное опытное изученіе фундаментальныхъ вопросовъ физико-химіи".

Отличительной особенностью работъ Ломоносова является то, что въ тотъ періодъ, когда большинство химиковъ удовлетворялось только качественнымъ изслѣдованіемъ, онъ предполагаетъ „испытать все, что только можно измѣрить, взвѣшивать и опредѣлять вычисленіемъ", и производитъ многочисленные опыты, гдѣ мѣра, вѣсъ и пропорціи показаны.

„Если мы сравнимъ гигантскую программу физико-химическихъ опытовъ Ломоносова съ современнымъ состояніемъ физической химіи, напр., по классическимъ учебникамъ W. Ostwald'a, то насъ прямо поразитъ общность научнаго матеріала *задуманной* Ломоносовымъ и *созданной* въ продолженіе 150 лѣтъ физической химіи" (П. И. Вальденъ).

Многое было имъ сдѣлано изъ задуманной имъ программы; но не долго работалъ Ломоносовъ въ своей лабораторіи, всего 6 лѣтъ: отъ 1751 до 1756. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо „если судить по скромнымъ отрывкамъ, перешедшимъ къ намъ, то измѣренія Ломоносова не уступаютъ по точности измѣреніямъ наилучшихъ экспериментаторовъ того періода" (И. И. Вальденъ). Нужно при этомъ не забывать, что могучій умъ Ломоносова только въ минуты отдыха отъ занятій русской литературой, составленія одъ и т. п. дѣлъ, могъ отдаваться изслѣдованіямъ по химіи и физикѣ, какъ это видно изъ его письма къ И. И. Шувалову [1]).

Время, отмѣренное мнѣ, не позволяетъ коснуться другихъ работъ, но и сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы показать, что М. В. Ломоносовъ являлся геніемъ, далеко опередившимъ своихъ современниковъ, а потому и не могъ найти у нихъ надлежащую оцѣнку. Для того, чтобы оцѣнивать труды ученаго, нужно ихъ понимать, и при жизни Ломоносова творенія его понималъ и высоко цѣнилъ великій математикъ Эйлеръ, какъ видно изъ слѣдующаго его отзыва о диссертаціяхъ М. В. Ломоносова, отправленныхъ къ нему Шумахеромъ: „Всѣ записки его по части физики и химіи не только хороши,

[1]) „Что же до другихъ моихъ упражненій въ физикѣ и химіи касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ни возможности", писалъ онъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову. „Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія, для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, отъ чего я давно уже отказался.... и такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько времени, чтобы ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ и все къ сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могутъ едва ли меньше первой".

но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія физическихъ и химическихъ явленій, и желательно было бы, чтобъ всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ".

Въ другой разъ, въ 1748 году, Эйлеръ пишетъ новому президенту Академіи, графу Разумовскому: „позвольте мнѣ приложить на ваше имя отвѣтъ г. Ломоносову по одному весьма трудному предмету физики: я никого не знаю, кто бы въ состояніи былъ такъ хорошо разъяснить столь запутанный вопросъ, какъ этотъ даровитый человѣкъ, который своими познаніями приноситъ столько же чести Академіи, сколько и всей націи". Подобныхъ мнѣній Эйлера можно бы представить множество. Но онъ цѣнилъ не одни ученые труды Ломоносова. Получивъ акты торжественнаго собранія Академіи, на которомъ между прочимъ прочитано было похвальное слово императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Эйлеръ такъ выражался въ письмѣ къ Шумахеру: „я былъ въ восхищеніи, узнавъ, какъ блистательно было послѣднее публичное собраніе Академіи: прочитанныя тутъ рѣчи заслужатъ одобреніе всѣхъ ученыхъ; особливо же панегирикъ г. Ломоносова кажется мнѣ мастерскимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ". „Но намъ понадобилось бы слишкомъ много времени", говоритъ акад. Гротъ, „чтобы сообщить хотя въ извлеченіи всѣ любопытныя сужденія, высказанныя Эйлеромъ о Ломоносовѣ, и вообще прослѣдить ихъ

взаимныя отношенія. Нѣсколько сохранившихся писемъ Ломоносова къ Эйлеру (на латинскомъ языкѣ) служатъ свидѣтельствомъ тѣхъ чувствъ довѣрія и признательности, съ какими русскій ученый обращался къ славному германцу, удовлетворяя сердечной потребности давать ему по временамъ отчетъ въ своихъ предпріятіяхъ и успѣхахъ".

Большая часть современниковъ, если и почитала М. В. Ломоносова, то какъ славнаго поэта и составителя одъ, произведенія же его по естествознанію не могли быть оцѣнены по достоинству, ибо къ Ломоносову вполнѣ примѣнимы слова Мишеле, сказанныя послѣднимъ про Вико: „Его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ, потому что они относились къ нашему вѣку".

Слава Ломоносова, какъ одного изъ творцовъ нашего литературнаго языка сохранилась и впослѣдствіи и только постепенно въ немъ начали признавать естествоиспытателя, и значеніе его естественно-историческихъ заслугъ все болѣе и болѣе выяснялось, по мѣрѣ того какъ росъ прогрессъ знаній въ Россіи, и русскіе ученые стали занимать все болѣе и болѣе почетныя мѣста среди всемірно-извѣстныхъ дѣятелей науки. Съ тѣхъ поръ какъ почти полвѣка тому назадъ Московскій Университетъ въ собраніи, подобномъ сегодняшнему, чтилъ память Ломоносова, естествознаніе въ Россіи сдѣлало крупные успѣхи, и особенно въ области науки, первымъ русскимъ профессоромъ коей былъ М. В. Ломоносовъ: имена А. М. Бутлерова, Д. И. Менделѣева, Н. А. Меншуткина, В. В. Марковникова, Н. Н. Бекетова, В. Ѳ. Лугинина и мн. др. занимаютъ почетныя мѣста въ исторіи Европейской науки; число русскихъ лабораторій, изъ которыхъ ежемѣсячно выходитъ много изслѣдованій, сильно возросло, и русскіе химики не могли не вспомнить и не отпраздно-

вать полуторасотлѣтній юбилей постройки первой русской химической лабораторіи, созданной М. В. Ломоносовымъ. Въ январѣ 1900 г. по иниціативѣ покойнаго профессора Московскаго Университета В. В. Марковникова, Общество Любителей Естествознанія и его Химическое Отдѣленіе въ 3-хъ своихъ засѣданіяхъ вспоминало не только заслуги М. В. Ломоносова, но и знакомилось съ тѣмъ, какъ развивалось дѣло, начало коему было положено Ломоносовымъ, т.-е. съ исторіей развитія преподаванія и изученія химіи въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1904 г. появился трудъ В. Н. Меншуткина—„Ломоносовъ, какъ физико-химикъ", благодаря коему мы въ настоящее время ознакомились съ тѣмъ, что таилось въ архивахъ Академіи. При чтеніи этихъ твореній М. В. Ломоносова испытываешь радостное и вмѣстѣ горькое чувство: радостное—ибо видишь, что не бездарна природа Россіи, производящая такихъ титановъ знанія, горькое—потому, что открытія, сдѣланныя Ломоносовымъ лежали какъ бы подъ спудомъ, и мало повліяли на дальнѣйшее развитіе науки: подобно тому, какъ въ нѣдрахъ русской земли скрываются несмѣтныя богатства, которыми, къ сожалѣнію, мы не всегда умѣемъ пользоваться, такъ и въ научныхъ твореніяхъ М. В. Ломоносова таились богатыя сокровищницы знанія, о которыхъ ученый міръ узналъ послѣ того, какъ прошло болѣе столѣтія, какъ они появились, и узнавъ, пришелъ въ изумленіе: неужели такой научный геній могъ родиться въ Россіи, на самой зарѣ ея пріобщенія къ Европейской культурѣ?

Но двухсотлѣтіе, протекшее со дня рожденія Ломоносова показало, что онъ является прообразомъ будущихъ славныхъ ученыхъ въ Россіи, и въ XIX столѣтіи

разнеслась слава далеко за предѣлы его родины о другомъ русскомъ химикѣ—уроженцѣ далекой Сибири Д. И. Менделѣевѣ, который во многомъ напоминаетъ М. В. Ломоносова: такая же мощная фигура, вырубленная какъ бы топоромъ, но не отдѣланная рѣзцомъ художника, такой же могучій умъ, широкій полетъ научныхъ замысловъ и проникновеній, наконецъ такая же сильная любовь къ родинѣ и страстное стремленіе къ распространенію знанія въ своемъ отечествѣ...

Знаменательно, можно сказать, всенародное чествованіе двухсотлѣтія дня рожденія М. В. Ломоносова, ибо благодаря ему мы увидали, на какую высоту можетъ подняться русскій геній, и мы можемъ спокойно глядѣть въ будущее, такъ какъ увѣрены, что среди русскаго народа таятся молодыя силы, которыя раченіемъ своимъ докажутъ, что и въ будущемъ можетъ Ломоносовыхъ и Менделѣевыхъ „Россійская земля рождать".

Иванъ Каблуковъ.

Ломоносовъ, какъ геологъ.

Чтобы оцѣнить значеніе Ломоносова, какъ геолога, необходимо бросить взглядъ на современную геологію и на состояніе геологической мысли въ эпоху непосредственно предшествовавшую Ломоносову.

Теперь на землю смотрятъ, какъ на очень плотное и очень горячее внутри тѣло, охлаждающееся и переживающее иныя болѣе сложныя внутреннія измѣненія и сокращающееся въ объемѣ. Его поверхностныя холодныя и несокращающіяся массы — такъ называемая, земная кора—состоятъ главнымъ образомъ изъ слоевъ которые отлагались на днѣ морей, непрестанно мѣнявшихъ свои очертанія, по мѣрѣ того какъ внутреняя масса сокращалась, а поверхностныя массы, приспособляясь къ этому сокращенію, измѣняли свое относительное расположеніе. Менѣе значительное участіе въ построеніи земной коры принимаютъ поднявшіяся изъ земныхъ глубинъ въ расплавленномъ и раскаленномъ видѣ каменныя массы, изливавшіяся на поверхность или вторгавшіяся въ толщу земной коры. Это эруптивныя породы — состоящія изъ кремнекислыхъ и глиноземистыхъ соединеній желѣза, магнія, кальція, натрія и калія. Нигдѣ не обнаружена первоначальная кора охлажденія планеты. Самые древніе участки ея поверхности, выступающіе изъ подъ осадочныхъ породъ, состоятъ изъ измѣненныхъ температурой и да-

вленіемъ слоевъ. — ставшихъ гнейсами и кристаллическими сланцами сильно смятыхъ и часто прорѣзанныхъ жилами и большими неправильными массами эруптивныхъ породъ. Это уцѣлѣвшіе фундаменты древнѣйшихъ горныхъ системъ земли, образовавшихся въ изначальную, или архейскую, эру ея исторіи. Они прежде имѣли большіе размѣры, но нѣкоторыя ихъ части раскалывались, опускались подъ уровень морей и, вѣроятно, снизу переплавлялись внутреннимъ жаромъ земли. Теперь уцѣлѣвшія ихъ части являются самыми устойчивыми областями земли. Ихъ называютъ древними континентальными массивами, щитами, древними землями (Скандинаво-финляндскій массивъ, Канадскій щитъ, древняя земля Ангары.

По мѣрѣ охлажденія и сжатія земли, эти древніе континентальные массивы должны были умѣщаться на меньшей поверхности и приближаться одинъ къ другому, а расположенныя между ними полосы болѣе новыхъ осадочныхъ породъ сжимались при этомъ съ боковъ и собирались въ складки, а также разламывались и смѣщались по расколамъ. Эти смятые и сдвинутые слои и образовали горныя цѣпи и горныя системы. И теперь еще расколы и смѣщенія слоевъ земли обнаруживаются то тамъ, то здѣсь, преимущественно въ горныхъ мѣстностяхъ, и являются главной причиной землетрясеній. Трещины и расколы земной коры съ теченіемъ времени выполняются минералами и рудами и превращаются въ минеральныя и рудныя жилы. Въ этомъ процессѣ участвуютъ частію подземныя воды, или вѣрнѣе минеральные растворы, проникающіе въ эти трещины изъ сосѣднихъ горныхъ породъ или поднимающіяся изъ земныхъ глубинъ, частію—пары металловъ и металлическихъ соединеній, выдѣляемые горячими каменными массами земныхъ глубинъ.

Нынѣшніе континенты состоятъ частію изъ уцѣлѣвшихъ древнихъ континентальныхъ массивовъ, мѣстами прикрытыхъ болѣе новыми осадками, еще сохранившими свое горизонтальное положеніе, частію изъ собранныхъ въ складки слоевъ, образующихъ горныя цѣпи; эти складчатыя горныя цѣпи располагаются между континентальными массивами и иногда внезапно обрываются, какъ бы обрѣзываются морскимъ берегомъ. Изъ числа горныхъ цѣпей однѣ, возникшія сравнительно недавно, сохранили свой альпійскій характеръ, другія болѣе древнія уже разрушены, иногда сглажены и сохранились лишь въ видѣ обрывковъ и фундаментовъ.

Напр., въ Европѣ мы видимъ большой Скандинавофинляндскій массивъ на сѣверѣ, частію покрытый осадочными напластованіями Русской равнины, и нѣсколько небольшихъ древнихъ массивовъ въ южной половинѣ, а между ними и вокругъ нихъ обрывки древнихъ хребтовъ; почти всѣ они составляютъ продолженіе азіатскихъ хребтовъ и получили названіе „Алтаиды“. Время ихъ образованія относится къ концу древней геологической эры [1]).

Въ промежуткахъ между Алтаидами расположилась сравнительно молодая могучая Алпійская система (Балканы, Карпаты, Альпы, Апеннины), возникшая въ новую геологическую эру.

Древніе Алтаиды Европы обрѣзываются на западѣ берегомъ Атлантическаго океана, но по другую его сто-

---

[1]) Къ Алтаидамъ относятся горы и руины горъ Средней и Западной Европы: Донецкій кряжъ, Судеты, Рудныя горы, Гарцъ, Рейнскія шиферныя горы, Арморикскія горы съ ихъ продолженіемъ въ Юго-западную Англію и южную Ирландію, Испанская Мезета. Горы Шотландіи и Скандинавіи и принадлежатъ къ другой болѣе древней системѣ.

рону вновь поднимаются надъ его водами, чтобы войти въ составъ континента Сѣв. Америки, гдѣ они обрамляютъ съ востока и юга Канадскій древній массивъ или щитъ, къ западному краю котораго примыкаютъ другія системы горъ.... Эти послѣднія продолжаются и въ Южную Америку гдѣ примыкаютъ съ запада и частію съ сѣвера къ Бразильскому древнему массиву и образуютъ съ нимъ южно-американскій континентъ.

Не будемъ останавливаться на томъ очень сложномъ сооруженіи, какое представляетъ Азіатскій континентъ съ его большимъ Ангарскимъ континентальнымъ массивомъ на сѣверѣ и группой малыхъ массивовъ на югѣ, съ его могучими системами хребтовъ и гирляндами обрамляющихъ его острововъ. Упомянемъ, только мимоходомъ, объ аналогичномъ съ Азіей сооруженіи погруженномъ въ воды Великаго океана, сооруженіи, хребты котораго лишь вершинами выдаются изъ океана, образуя ряды и группы острововъ. Это Океаниды, расположившіеся вокругъ Австралійской земли, какъ азіатскіе хребты вокругъ древней земли Ангары.

Въ настоящее время вполнѣ выяснено, что современная географія и архитектура земли представляетъ результатъ длиннаго и сложнаго ряда послѣдовательныхъ измѣненій или эволюціи. Судя по медленному почти неуловимому для человѣка темпу нынѣ совершающихся геологическихъ измѣненій, можно заключить, что развитіе нынѣшняго лика земли должно было потребовать времени необъятной продолжительности. Органическій міръ земли былъ свидѣтелемъ грандіознѣйшихъ измѣненій ея поверхности и, параллельно съ этими измѣненіями, самъ медленно измѣнялся, оставляя въ пластахъ разной древности сохранившіеся до нашихъ дней ске-

леты. твердые покровы тѣла. отпечатки. слѣды. по которымъ палеонтологъ возсоздаетъ прежніе міры живыхъ существъ. бывшихъ на землѣ предшественниками нынѣшнихъ формъ жизни.

Необходимость допустить для существованія земли. какъ обитаемой планеты. время огромной продолжительности давно сдѣлалось столь же неизбѣжной, какъ и необходимость признать. что земля вращается и движется вокругъ солнца. Недавняя попытка знаменитаго лорда Кельвина ограничить это время нѣсколькими десятками милліоновъ лѣтъ потерпѣла нынѣ полную неудачу, и извѣстнѣйшіе физики и геофизики откровенно признали эту неудачу.

Таково, Мм. Гг., современное состояніе геологической науки. насколько оно можетъ быть охарактеризовано въ столь немногихъ словахъ.

Прежде чѣмъ говорить о Ломоносовѣ какъ о геологѣ и оцѣнивать значеніе его воззрѣній на землю и ея исторію. намъ нужно еще припомнить каково было состояніе знаній въ этой области до Ломоносова и въ его время.

На границахъ Средневѣковья и Новаго времени происходитъ перемѣна въ пріемахъ и способахъ трактованія научныхъ вопросовъ и особенно вопросовъ о прошлыхъ судьбахъ земли и міра. До этого времени къ философамъ древности и преимущественно къ Аристотелю обращались. какъ къ высшему авторитету въ вопросахъ этого рода. Съ эпохи Возрожденія. съ окончательнымъ утвержденіемъ господства христіанства во всей Европѣ. выдвигается другой высшій авторитетъ въ этихъ вопросахъ—это библейское повѣствованіе о возникновеніи и послѣдующей исторіи нашего міра.

Высказывать какія-либо научныя заключенія, не совпадающія съ этимъ высшимъ авторитетомъ, считалось предосудительнымъ, такъ же какъ и сомнѣваться въ томъ, что земля возникла всего около 6000 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ пережила только одну катастрофу—всемірное наводненіе.

Въ тѣ времена люди, считавшіе себя призванными охранять чистоту вѣры, еще не понимали, насколько страдаютъ и интересы религіи, и интересы науки отъ постояннаго смѣшенія задачъ науки съ ученіями религіи.

Эти неблагопріятныя для развитія науки о землѣ условія господствовали впродолженіе 16, 17, и 18 вѣковъ и наложили свою печать на научную литературу того времени, въ которой страннымъ образомъ научные выводы сплетаются съ пересказами и дополненіями различныхъ мѣстъ библейскаго повѣствованія. Лишь немногіе авторы, жившіе въ эту эпоху, рѣшаются вести борьбу съ господствующими мнѣніями и излагаютъ то, что они видѣли и изучали, и тѣ выводы, которые неизбѣжно вытекаютъ изъ этихъ наблюденій. Они мало-помалу подготовляютъ почву для дальнѣйшаго болѣе нормальнаго развитія науки.

Краткая характиристика нѣсколькихъ важнѣйшихъ сочиненій доломоносовскаго и ломоносовскаго времени и дастъ намъ понятіе о состояніи въ тѣ времена геологической мысли.

Геологіи, какъ особой самостоятельной науки, еще не существуетъ.

На зарѣ новаго историческаго времени выдѣляются два великія въ исторіи научной мысли имени: замѣчательный изслѣдователь природы Леонардо да-Винчи

и Коперникъ, ставящій не землю, а солнце въ центрѣ нашего міра.

Отъ нихъ берутъ свое начало два направленія геологической мысли, которыя можно назвать геологическимъ и астрогеологическимъ или космогоническимъ.

Леонардо да-Винчи изучаетъ слои земли и погребенныя въ нихъ морскія раковины и дѣлаетъ строго научный выводъ о непостоянствѣ границъ земли и моря, о медленныхъ измѣненіяхъ земного лика и о невозможности объяснить наблюдаемые факты какъ нибудь иначе, напр., кратковременнымъ катастрофическимъ наводненіемъ, какъ это пытались дѣлать его современники.

Въ 17 вѣкѣ пріемникомъ Леонардо по закладкѣ основаній будущаго зданія науки былъ Стенонъ (1631—1686).

Подтвердивъ и пополнивъ выводы Леонардо объ ископаемыхъ раковинахъ, онъ идетъ далѣе и доказываетъ, что слои Тосканы и вообще сѣверной Италіи отложились на днѣ моря горизонтально. Выступающіе изъ подъ нихъ въ наклонномъ положеніи слои Апеннинъ отложились раньше нихъ и тоже были горизонтальны, а потомъ приподнялись дѣйствіемъ подземныхъ паровъ и огня или наклонились вслѣдствіе проваловъ. Въ этихъ слояхъ тоже есть остатки организмовъ. Кромѣ этихъ слоевъ, есть другіе еще болѣе древніе, не заключающіе остатковъ жизни и отложившіеся до появленія жизни на землѣ. Отъ осадочныхъ напластованій Стенонъ ясно отличилъ вулканическія каменныя породы. И здѣсь, какъ у Леонардо, — точныя наблюденія и строгіе изъ нихъ выводы—признаки, опредѣляющіе научный характеръ работы.

Представители другого астро-геологическаго направленія научной мысли разработывали вопросы, соприкасающіеся и съ областью астрономіи и съ областью геологіи—вопросы объ образованіи земли, какъ планеты, и о формированіи основныхъ особенностей ея поверхности. Наиболѣе замѣчательными представителями этого направленія были Декартъ въ 1-й половинѣ XVII вѣка и Лейбницъ во 2-й. По ученію Декарта земля и планеты возникли въ замкнутыхъ круговыхъ вихряхъ вокругъ центральныхъ скопленій свѣтящейся матеріи, и земля была прежде раскаленнымъ свѣтящимся солнцемъ, впослѣдствіи охладившимся съ поверхности и покрывшимся твердой корой, подъ которой оказалось не только ея раскаленное ядро, но также слои воздуха и воды. Иногда кора ломалась и погружалась въ нижележащій слой воды, который такимъ образомъ появился на поверхности и образовалъ океаны, а выдающіеся наружу обломки коры образовали горы.

Послѣ такого представленія о раннихъ фазахъ и нынѣшнемъ состояніи земли странно звучитъ то, что Декартъ пишетъ о вулканахъ. Оказывается, что внутренній жаръ земли не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія. Декартъ какъ бы забываетъ о немъ и объясняетъ происхожденіе вулкановъ горѣніемъ въ подземныхъ полостяхъ сѣры, битумовъ, масла, сгустившагося изъ какихъ-то веществъ. Давленіемъ этихъ горящихъ веществъ на стѣнки подземныхъ полостей объясняются и землетрясенія.

Лейбницъ нѣсколько измѣнилъ представленія Декарта о происхожденіи океана: по его ученію, океанъ возникъ послѣ образованія и охлажденія земной коры, отъ сгущенія окружавшихъ землю паровъ, и покрылъ

всю землю. Вслѣдствіе разломовъ и провалovъ земной коры въ подземныя полости, въ нихъ устремлялись и воды, уровень ихъ понизился, а уцѣлѣвшіе участки земли образовали горы. Изъ водъ, взмученныхъ этими переворотами, отложились осадочныя напластованія, отличныя отъ остывшихъ изъ расплавленнаго вещества земли. Раковины, находимыя въ пластахъ образующихъ горы, указываютъ на прежнее пребываніе тамъ моря.

Эти космогоніи, хотя и возникли на основѣ коперниковой строго научно обоснованной системы, но, по характеру работы создавшей ихъ мысли, онѣ примыкаютъ къ твореніямъ философовъ древности. И въ 17 вѣкѣ, какъ и во времена греческихъ философовъ, точныя знанія о землѣ были скудны и обрывочны, но была потребность придать имъ бо́льшую полноту, стройность и цѣлостность. Путь кропотливаго собиранія фактовъ длиненъ и дастъ результаты лишь въ будущемъ, остается другой путь—творчества внѣ научнаго, созданія гипотезъ, очень слабо обоснованныхъ, но помогающихъ создать цѣльную и съ виду достаточно стройную систему.

Не этотъ путь привелъ къ созданію научной геологіи, а тотъ, который намѣтилъ въ XVI вѣкѣ знаменитый современникъ Коперника Леонардо да-Винчи.

Дальнѣйшіе шаги въ направленіи геологическомъ, намѣченномъ Леонардо и дальше разработанномъ Стеномъ, были сдѣланы въ самомъ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Два англійскіе натуралиста конца 17 вѣка, Р. Гукъ и Рэй, вѣроятно подъ вліяніемъ сильнаго землетрясенія 1646 г., сопровожавшагося значительными измѣненіями западнаго побережья Южной Америки, почти одновременно развивали ученіе о томъ, что давно извѣстный

фактъ нахожденія раковинъ на горахъ и вдали отъ моря, а также и вообще современныя формы земной поверхности представляютъ результатъ землетрясеній, сопровождавшихся поднятіями и опусканіями частей земной поверхности, превращавшими равнины въ горы, моря въ континенты и обратно. Въ отличіе отъ Леонардо и Стенона, эти ученые не смогли освободиться отъ продолжавшаго еще и тогда господствовать ученія о недавнемъ происхожденіи земли и о пережитой ею великой катастрофѣ (потопѣ), къ которой они стараются пріурочить и тѣ катастрофическія землетрясенія, которымъ земля обязана современными формами своей поверхности.

Кромѣ землетрясеній Рэй удѣляетъ большое вниманіе разрушающей работѣ текучихъ водъ и морского прибоя и думаетъ, что эта работа направлена на постепенное разрушеніе суши, которое совершится прежде, чѣмъ существующій на землѣ порядокъ будетъ уничтоженъ огнемъ.

Такой же въ общемъ характеръ имѣло и болѣе позднее сочиненіе итальянца Л. Мóро, уже современника Ломоносова—О морскихъ тѣлахъ, находимыхъ въ горахъ. Онъ тоже считаетъ континенты за поднявшіяся надъ водою части прежняго морского дна и въ подтвержденіе этого ученія приводитъ новый фактъ, обратившій въ то время на себя вниманіе—появленіе со дна моря новаго острова въ Эгейскомъ морѣ около о-ва Санторина. Мóро ссылается также на расколы и смѣщенія слоевъ, подмѣченные какъ имъ, такъ и другими наблюдателями въ горныхъ мѣстностяхъ. Онъ тоже считаетъ необходимымъ примирить свое ученіе съ библейскимъ повѣствованіемъ и разсказываетъ, что въ третій день творенія поверхность земли, до тѣхъ поръ ровная и правильная и всюду по-

крытая прѣсной водой, была взломана вулканическими взрывами и надъ водой поднялись горы.

Такова въ общихъ штрихахъ картина состоянія геологическихъ знаній и настроенія научной мысли во времена Ломоносова въ западной Европѣ.

Ломоносовъ прошелъ хорошую научную школу въ Германіи подъ руководствомъ знаменитаго философа, физика и математика Вольфа. Однако, по отношенію къ геологіи, онъ едва ли могъ почерпнуть многое въ германской наукѣ того времени, если не считать практическихъ свѣдѣній по рудному дѣлу, не относящихся собственно къ геологіи. Повидимому главное, что онъ извлекъ изъ своей заграничной поѣздки по отношенію къ геологіи, это—знакомство съ нѣкоторыми учеными трактатами объ измѣненіяхъ земли и возможность многое видѣть и въ рудникахъ, и во время своихъ странствованій. На его геологическихъ трудахъ сказалось кромѣ того и вліяніе знакомой ему съ дѣтства природы русскаго сѣвера. Его вдумчивый и дисциплинированный научными занятіями умъ переработалъ всѣ эти впечатлѣнія въ довольно стройное ученіе объ измѣненіяхъ земного лика, ученіе, съ основами котораго мы знакомимся по двумъ его сочиненіямъ, спеціально посвященнымъ вопросамъ геологіи. Первое изъ этихъ сочиненій—„Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли" (1757 г.)—по основной своей идеи ближе всего примыкаетъ къ сочиненію Гука о землетрясеніяхъ. Въ немъ Ломоносовъ описываетъ разныя формы проявленія землетрясеній и доказываетъ, что расколы и смѣщенія частей земной коры, сопровождаемые землетрясеніями и вулканическими изверженіями, ведутъ къ измѣненію рельефа земли и къ образованію щелей, въ которыя проникаютъ

минеральные растворы, отлагающіе тамъ минералы и руды. Причиною, вызывающею расколы и перемѣщенія, является подземный жаръ, происходящій отъ возгоранія разныхъ горючихъ веществъ растительнаго происхожденія, а также и главнымъ образомъ сѣры, которая нагрѣвается и загорается вслѣдствіе внутренняго движенія частицъ, вызываемаго давленіемъ вышележащихъ веществъ.

Приведемъ изъ этого сочиненія нѣсколько строкъ, гдѣ Ломоносовъ говоритъ объ образованіи минераловъ и рудъ въ жилахъ. „Между тѣмъ дождевая вода сквозь внутренности горы процѣживается, и распущенные въ ней минералы несетъ съ собою, и въ оныя разсѣлины выжиманіемъ или капаньемъ вступаетъ: каменную матерію въ нихъ оставляетъ такимъ количествомъ, что въ нѣсколько времени наполняетъ всѣ оныя полости" (стр. 24)... „Кристаллическія фигуры, въ которыхъ видѣ находятся руды и чистые иногда металлы, подобное имѣютъ происхожденіе, какъ разные роды солей. Во первыхъ растворившись въ водѣ, въ скважины горъ стекаютъ, въ коихъ весьма долговременнымъ иссушеніемъ влажности садятся" (стр. 29). Этотъ, указанный Ломоносовымъ въ 1757 г., процессъ выполненія рудныхъ жилъ минеральными веществами, приносимыми подземной водой изъ сосѣднихъ горныхъ породъ, обратилъ на себя вниманіе геологовъ лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Слѣдующія строки того же сочиненія показываютъ, что Ломоносовъ зналъ и другой процессъ образованія рудныхъ минераловъ—пневматолитическій: „По общему рудокоповъ согласію извѣстно, что въ рудникахъ нѣкоторые пары, сѣрнымъ и арсеникальнымъ духомъ противные, ходятъ и растущую на стѣнахъ каменную матерію, что изъ горы

выжимается съ водою и твердѣетъ, напаяютъ такъ, что она получивъ металлическую свѣтлость, руды имя получаетъ....“ (стр. 26 и 27).

Несравненно богаче содержаніемъ другое сочиненіе Ломоносова „О слояхъ земныхъ“ (второе прибавленіе къ металлургіи 1763 г.). Оно содержитъ въ себѣ много новыхъ для того времени идей и наблюденій и мало похоже на твореніе его современниковъ, хотя многое, въ немъ высказанное, обращало на себя вниманіе и болѣе раннихъ изслѣдователей, начиная съ Леонардо да-Винчи.

Ломоносовъ начинаетъ съ очерка рельефа земли, при чемъ континенты, или части свѣта, онъ называетъ самыми большими горами, какъ бы разсматривая землю безъ ея водной оболочки. Далѣе Ломоносовъ говоритъ о матеріальныхъ качествахъ верхняго слоя земли, или земной наружности. Эта часть сочиненія относится главнымъ образомъ къ области почвовѣдѣнія. Въ сущности здѣсь дается схема почвеннаго покрова земли и разъясняется генезисъ самаго верхняго почвеннаго типа перегнойныхъ почвъ, въ томъ числѣ и чернозема. Интересно отмѣтить мимоходомъ, что, касаясь вопроса о происхожденіи перегноя, Ломоносовъ предвосхищаетъ открытіе Сенебье, доказавшаго въ 1783 г., что растеніе питается одною изъ составныхъ частей воздуха.

Покончивъ съ земною наружностью, Ломоносовъ переходитъ къ описанію разнообразныхъ глубже лежащихъ породъ земной коры, останавливаясь и на ихъ генезисѣ. Говоря о происхожденіи естественныхъ обнаженій земныхъ пластовъ, Ломоносовъ различаетъ два рода причинъ или дѣятелей, участвовавшихъ въ ихъ образованіи—внѣшніе и внутренніе. Дѣйствіе внѣшнихъ

причинъ: вѣтра, дождя, рѣкъ, морскихъ волнъ, льдовъ, наводненій иллюстрируется примѣрами. Особенно интересно замѣчаніе о наводненіяхъ и потопахъ: „Потопленія бываютъ двоякія; одне отъ избытку воздушной воды, то есть отъ сильныхъ и чрезвычайныхъ дождей и крутаго разтаянія снѣгу; другія отъ морей и озеръ, преступающихъ береговъ своихъ предѣлы. Дѣйствіе сихъ почти всегда соединено съ нечуствительнымъ долговременнымъ земной поверхности пониженіемъ и повышеніемъ". Очевидно, Ломоносовъ уже представлялъ себѣ трансгрессіи моря и допускалъ, что онѣ могутъ зависѣть отъ медленныхъ движеній земной коры — объясненіе, получившее право гражданства въ наукѣ тоже не ранѣе первой половины XIX вѣка.

Сравнивая работу внѣшнихъ и внутреннихъ агентовъ, созидавшихъ и измѣнявшихъ лицо земли, Ломоносовъ приписываетъ несравненно бо́льшее значеніе внутреннему жару земли. „Все, что стремленіе вѣтровъ, пролитіе дождей, быстрина и надменіе рѣкъ, біеніе волнъ морскихъ и приливовъ, наводненія и потопы, льды и морозы къ обнаруженію земныхъ внутренностей ни производятъ, хотя собою велико; однако противъ землетрясенія [1]) весьма мало. И ежели главное состояніе земной поверхности и слоевъ разсудить, то всѣ происходящія отъ помянутыхъ натуральныхъ силъ великія въ глазахъ нашихъ перемѣны едва вниманія достойны. Чѣмъ—спрашиваетъ онъ — возвышены великіе хребты Кавказскіе, Таврійскіе, Кордилерскіе, Пиринейскіе, и другіе, и самыя главныя горы, т.-е. части свѣта? Конечно не вѣт-

[1]) § 89 ясно показываетъ, что Ломоносовъ, какъ и другіе его современники, подъ словомъ землетрясенія разумѣли то, что въ современной наукѣ обозначается словомъ дислокація.

рами, ни дождями, кои еще съ нихъ землю смываютъ: конечно не рѣками, кои изъ нихъ же притекаютъ: конечно не приливами и не потопами, кои до нихъ не досягаютъ"... „Чѣмъ вырыты ужасной и недосягаемой глубины пучины морскія? Конечно не дождями и не бурями, кои въ глубину мало весьма дѣйствуютъ: конечно не вливающихся рѣкъ быстриною, коя исчезаетъ при самыхъ устьяхъ. Есть въ сердцѣ земномъ иное неизмѣримое могущество, которое по временамъ заставливаетъ себя чувствовать на поверхности, и коего слѣды повсюду явствуютъ, гдѣ дно морское на горахъ, на днѣ морскомъ горы видимъ".

Замѣчательно, что въ этомъ 2-мъ сочиненіи Ломоносовъ, хотя и упоминаетъ о сѣрѣ, какъ объ источникѣ жара въ глубинахъ земли, но уже не выдвигаетъ на первый планъ старое ученіе, объяснявшее вулканическія явленія подземнымъ горѣніемъ сѣры, битумовъ и т. п. веществъ. Повидимому, теперь въ его представленіи область этого горѣнія сливается съ областью вѣкового глубиннаго жара земли, и тѣмъ сглаживается та странная рѣзкая дисгармонія понятій, какая повторяется въ длинномъ рядѣ ученыхъ трактатовъ, начиная отъ Декартова— земля это солнце, покрывшееся сверху корой охлажденія, но сохранившее внутри свой первобытный жаръ, и тутъ же для объясненія энергіи вулканическихъ изверженій и землетрясеній призываются на помощь загорающаяся сѣра, каменный уголь и другія, образовавшіяся изъ растеній, вещества (Декартъ, Лейбницъ, Бюффонъ).

Ломоносовъ пытался опредѣлить и глубину, на которой находится подземный жаръ, исходя изъ распространенія и характера землетрясеній, продолжительности вулканическихъ изверженій и обширности поднявшихся

континентальныхъ массъ, напр. Азіи. Глубина оказалась не менѣе, а пожалуй и значительно болѣе 30 верстъ.

Коснувшись вопроса о томъ, произошли ли неровности земли отъ поднятія, образовавшаго континенты, или отъ опусканія, образовавшаго впадины морей, Ломоносовъ высказывается за первое, т. к. при образованіи морей опусканіемъ, моря на землѣ были бы окружены сушей, подобно тому, какъ блѣдныя мѣста или пятна на лунѣ окружены свѣтлыми землями, хотя на землѣ не мало есть великихъ водъ, происшедшихъ отъ впадинъ. каковы повидимому Каспійское и Аральское моря, также обширныя озера.

Интересно знать, относитъ ли Ломоносовъ описанныя имъ измѣненія земли къ какимъ-то отдаленнымъ катастрофическимъ временамъ, когда созидались основныя черты земнаго лика, съ тѣхъ поръ, какъ думали въ тѣ времена, неизмѣнно сохраняющіяся, или онъ смотритъ на эти явленія иначе. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ § 119-мъ: „Такія перемѣны произошли на свѣтѣ не за одинъ разъ, но случались въ разныя времена несчетнымъ множествомъ кратъ, и нынѣ происходятъ, и едва ли когда перестанутъ“.

Мы коснулись лишь немногихъ основныхъ положеній, развиваемыхъ Ломоносовымъ. Мы не упомянули напр. объ очень содержательномъ § 117, дающемъ въ нѣсколькихъ строчкахъ картину строенія и образованія горныхъ цѣпей, мало разнящуюся отъ представленій. утвердившихся въ наукѣ лишь съ половины XIX вѣка.

Мы опустили крайне интересныя разсужденія Ломоносова объ ископаемыхъ остаткахъ органической жизни. насмѣшки надъ тѣми, кто еще считаетъ эти остатки игрою природы или слѣдами потопа, и многое другое.

Въ цѣломъ это второе геологическое сочиненіе Ломоносова представляетъ собою опредѣленное самостоятельно продуманное ученіе о силахъ, участвовавшихъ и участвующихъ въ формированіи земного лика. По развиваемымъ въ немъ идеямъ оно съ одной стороны примыкаетъ къ сочиненію Гука о землетрясеніяхъ, относящемуся къ концу XVII вѣка, съ другой стороны оно стоитъ впереди современныхъ ему и даже болѣе позднихъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ ученыхъ трактатовъ. Посмотримъ теперь, съ кѣмъ же изъ современниковъ или болѣе позднихъ авторовъ можно сопоставить Ломоносова.

Два наиболѣе славныхъ имени выдѣляются среди геологовъ XVIII вѣка: французскій натуралистъ Бюффонъ и нѣмецкій геогностъ Вернеръ. Бюффонъ былъ современникомъ Ломоносова, Вернеръ началъ свою дѣятельность уже послѣ его смерти.

Бюффонъ въ 1749 г. напечаталъ свою теорію земли, которая, благодаря живости изложенія, изяществу стиля и смѣлости мысли скоро пріобрѣла широкую извѣстность въ ученомъ и образованномъ мірѣ того времени.

По этой теоріи планеты (и земля) составляли прежде части солнечной массы, отъ которой были оторваны ударомъ кометы, при чемъ получили импульсъ вращенія около оси и обращенія въ одной и той же плоскости. Онѣ поэтому сходны по составу съ солнцемъ, но отличаются отъ него температурой. Первоначально и эти массы планетъ имѣли высокую температуру и свѣтились собственнымъ свѣтомъ, но потомъ охладились съ поверхности, тогда какъ солнце до сихъ поръ находится въ раскаленномъ состояніи. Бюффонъ, какъ и Лейбницъ, говоритъ о первичномъ огненномъ ядрѣ земли и о всемірномъ океанѣ, покрывавшемъ и высочайшія горы.

Этотъ океанъ и оставилъ раковины, находимыя вдали отъ моря. Морскія теченія были тогда чрезвычайно сильны, они вырыли глубокія подводныя долины, отрывая матеріалъ отъ однихъ мѣстъ, чтобы отложить его въ другихъ. Такимъ способомъ и образовались горизонтальные осадочные слои, такъ и оставшіеся горизонтальными. Потомъ уровень водъ понизился вслѣдствіе проникновенія части ихъ въ подземныя полости, и обнажилить материки. Могучая работа материковыхъ текучихъ водъ, перенося матеріалъ съ высокихъ мѣстъ на низкія, совсѣмъ разрушитъ нынѣшніе материки, вмѣсто которыхъ обнаружатся новые.

Подземному жару не приписывается никакой важной роли въ формированіи земной поверхности. Вулканы, по мнѣнію Бюффона, происходятъ отъ горѣнія сѣрнаго колчедана и угля. Первые вулканы не могли возникнуть раньше, чѣмъ запасъ густой растительности былъ погребенъ въ землѣ, что бы снабдить ее топливомъ.

Это ученіе, при всей талантливости его автора, далеко нельзя признать за резюме того, что было завоевано наукой того времени. Въ отношеніи фактической обоснованности оно уступаетъ даже трактату Стенона, написанному почти за сто лѣтъ раньше. Это дальнѣйшее звено того ряда построеній философскаго характера, который былъ начатъ Декартомъ и продолженъ Лейбницемъ.

Самымъ знаменитымъ геогностомъ послѣдней четверти XVIII вѣка былъ фрейбергскій профессоръ Вернеръ, глава школы нептунистовъ. Онъ тоже совершенно игнорировалъ внутреннюю энергію земли, вулканы считалъ за совершенно новое и случайное въ ея жизни явленіе, связанное съ подземными пожарами угля, а относительно происхожденія каменныхъ породъ земной

коры излагалъ совершенно не соотвѣтствующее научнымъ даннымъ того времени ученіе объ отложеніи всѣхъ ихъ изъ водъ всемірнаго океана. Рудныя жилы, по его ученію, отложились изъ тѣхъ же водъ океана, проникавшихъ въ трещины на его днѣ.

При всемъ уваженіи къ заслугамъ Вернера въ области минералогіи и къ его громкой славѣ, какъ популяризатора науки, приходится замѣтить, что его ученіе носитъ ясные слѣды вліянія Бюффона, и что геологическая литература, къ тому времени уже сильно обогатившаяся, осталась ему неизвѣстной.

Ломоносова по его геологическимъ воззрѣніямъ приходится поставить и выше Бюффона и выше Вернера. Его ученіе ближе всего можно сопоставить съ теоріей земли Геттона, появившейся въ самомъ концѣ XVIII вѣка и получившей извѣстность послѣ новаго изложенія ея Плэйферомъ только въ началѣ XIX вѣка. Геттонъ считается главою школы вулканистовъ и творцомъ современной научной геологіи. Излагать его воззрѣній я не буду. Повторяю, они близки къ Ломоносовскимъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе развиты и обоснованы. Упомяну только, что одною изъ самыхъ важныхъ его заслугъ считается опредѣленно и рѣшительно высказанный имъ выводъ о необъятной продолжительности геологическаго времени, выводъ, который не былъ измышленіемъ или догадкой, а былъ основанъ на многолѣтнихъ точныхъ изслѣдованіяхъ и подкрѣпленъ множествомъ точно изученныхъ фактовъ. Я беру вещи, какими ихъ теперь вижу, писалъ Геттонъ, и по нимъ заключаю о томъ, что должно было происходить раньше.

Замѣчательно, что въ Англіи, нынѣ признающей Геттона основателемъ современной научной геологіи,

это ученіе въ тѣ времена не имѣло большого успѣха, несмотря на то, что у Геттона было много преданныхъ и талантливыхъ друзей и послѣдователей, развивавшихъ его воззрѣнія и искавшихъ новые факты для ихъ подтвержденія. Еще почва не была достаточно подготовлена. Представленіе о кратковременномъ возникновеніи и предстоящемъ разрушеніи міра все еще признавалось не подлежащимъ критикѣ откровеніемъ, а ученіе о медленной эволюціи міра объявлялось заслуживающимъ осужденія. Ожидая полемическихъ нападокъ на свое ученіе и желая избѣжать безплодныхъ споровъ, Геттонъ заявилъ, что разсужденія и споры о началѣ земли лежатъ внѣ области геологіи и что въ матеріалахъ, которые изучаетъ геологъ, онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ начала и никакихъ указаній на конецъ. Цѣль была достигнута, но и области науки о землѣ были положены предѣлы и задачи ея были ограничены.

Мы видимъ, что въ Западной Европѣ тѣ условія, которыя наложили опредѣленную печать на ученые геологическіе труды XVI, XVII и XVIII вѣковъ, еще не утратили своего вліянія и въ самые первые годы XIX вѣка. Во времена Ломоносова эти условія сказывались въ еще болѣе рѣзкой формѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы. Съ ними пришлось считаться и Бюффону въ Парижѣ. Вскорѣ послѣ напечатанія своей теоріи земли въ 1751 г. Бюффонъ получилъ письмо отъ парижскаго теологическаго факультета, увѣдомляющее, что 14 мѣстъ его работы достойны порицанія и противорѣчатъ церковной вѣрѣ. Факультетъ приглашалъ Бюффона дать объясненіе или, вѣрнѣе, отречься отъ этихъ гетеродоксальныхъ мнѣній. Онъ согласился, и его декларація, была одобрена общимъ собраніемъ факультета,

который предложилъ ему напечатать ее въ его ближайшемъ печатномъ трудѣ. Она начинается такъ: „заявляю, что я не имѣлъ никакого намѣренія противорѣчить тексту Писанія; что я очень твердо вѣрю всему, что тамъ говорится о твореніи, какъ относительно порядка времени, такъ относительно событій, и что я отказываюсь отъ всего того, что въ моей книгѣ касается образованія земли и вообще всего, что могло бы противорѣчить разсказу Моисея, т. к. я высказалъ свою гипотезу объ образованіи планетъ только какъ чисто философское предположеніе". Эта декларація была напечатана въ 5-мъ томѣ Бюффоновой естественной исторіи въ Парижѣ въ 1769 г., т.-е. во времена Вольтера и Дидро и на 6 лѣтъ позже появленія въ Россіи 2-го геологическаго сочиненія Ломоносова.

Теперь мы вернемся еще на короткое время къ этому сочиненію и посмотримъ, не сказались ли какъ нибудь и на немъ эти общія условія тогдашняго времени. Многія мѣста этого сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ, что и Ломоносову приходилось считаться съ этими условіями; приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя, имѣющія отношеніе къ исторіи геологіи.

Въ концѣ предпослѣдней главы Ломоносовъ долго останавливается на вопросѣ о продолжительности времени, какая была нужна для осуществленія разныхъ описанныхъ раньше измѣненій земли. Въ 164 и 165 §§ онъ между прочимъ пишетъ: „и натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію". „Кажется, кому противна долгота времени и множество вѣковъ требуемыхъ на обращеніе дѣлъ и произведеніе вещей

въ натурѣ больше, нежели какъ принятое у насъ церковное изчисленіе, тотъ возми въ разсужденіе, 1) что оно не догматъ вѣры, ниже узаконеніе утвержденное соборами, но только есть старой способъ для сравненія временъ древнихъ съ позднѣйшими, и для показанія по порядку дѣяній разныхъ государей, разныхъ приключеній и протчаго". Пропускаемъ еще рядъ аргументовъ въ томъ же родѣ и читаемъ далѣе: „Пусть другой разбираетъ всѣ лѣтописи церковныя и свѣтскія, христіанскія и языческія, употребляетъ высокую Математику въ помощь; пусть опредѣляетъ годъ, день и его самыя мелкія части для мгновенія перваго творенія; пусть располагаетъ по небу стояніе и взаимное положеніе солнца, луны и планетъ, коль далече другъ отъ друга стояли, когда въ первые возсіяли; надъ Европою или надъ Америкою было первое великихъ свѣтилъ соединеніе? Я все ему уступаю и ни въ чемъ не спорю. Но взаимно прошу и себѣ позволенія поискать того же въ своемъ лѣтописцѣ. Однако признаюсь, что никакого не нахожу приступа, ни какого признаку къ подобнымъ точностямъ. То лишь могу сказать, что по оному всѣхъ старшему лѣтописцу древность свѣта больше выходитъ, нежели по онымъ труднымъ выкладкамъ". Мы видимъ, что вопросъ о продолжительности геологическаго времени былъ близокъ Ломоносову не менѣе, чѣмъ Геттону. Прочтемъ еще нѣсколько выдержекъ.

§ 116. „Нѣтъ сомнѣнія, что науки наукамъ много весьма взаимно способствуютъ, какъ физика химіи, физикѣ математика, правоучительная наука и исторія стихотворству; однако же не каждая каждой. Что помогутъ хорошія рифмы въ доказательствѣ Пиѳагоровой теоремы?".... „Такимъ же образомъ Уложеніе и Кормчая книга

ничего не служатъ учащемуся Астрономіи, равно какъ одно другому не препятствуетъ.

Посмѣянія достойны таковые люди, кои сего требуютъ, подобно какъ нѣкоторые католицкіе философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божія и самыя страшныя таинства христіанскія.

Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и притомъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они были противны закону. Коимъ самимъ мнимымъ защищеніемъ дѣйствительно его поносятъ, представляя оной непріятелемъ натурѣ, не меньше отъ Бога произшедшей, и называя все то соблазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ вѣдай, что онъ ссорщикъ, что старается произвести вражду между Божіею дщерію натурою, и между невѣстою Христовою церковью. Сверхъ того препятствуетъ изысканіямъ, полезнымъ человѣческому обществу, кои, кромѣ благоговѣнія происходящаго къ Творцу отъ размышленія о твари, подаютъ намъ способы къ умноженію временнаго блаженства, и сильныя споможенія Государямъ къ приращенію благосостоянія народовъ, свыше имъ порученныхъ".

Это лишь немногія изъ тѣхъ мѣстъ сочиненія, гдѣ Ломоносовъ отстаиваетъ права науки и значеніе ея для блага народовъ. Какую же еще сторону генія Ломоносова характеризуютъ эти мѣста? Передъ нами явленіе для того времени знаменательное: начинающій сознавать свои силы разумъ стремится освободиться отъ путъ, связывающихъ первые шаги его развитія. Онъ еще не свободенъ, онъ еще не догадывается о всей той присущей ему мощи, которая создастъ науку XIX-го и XX-го сто-

лѣтія, онъ еще связанъ наслѣдіемъ буквально понимаемыхъ догмъ и еще отводитъ имъ мѣсто въ своемъ научномъ міросозерцаніи; но онъ уже чувствуетъ, мало того, онъ твердо убѣжденъ, что, помимо области вѣры, существуетъ другая область, другая сила человѣческаго духа— область науки, что объ эти области должны быть разграничены въ интересахъ достоинства каждой изъ нихъ и благотворнаго ихъ воздѣйствія на человѣка и его жизнь.

Какая разница между робкимъ отреченіемъ знаменитаго Бюффона отъ своихъ научныхъ убѣжденій, между стараніями Геттона избѣжать всякихъ столкновеній и споровъ указаніемъ, что вопросы о началѣ или о концѣ земли лежатъ внѣ области его науки, и гордымъ заявленіемъ русскаго ученаго, смѣло отмежевавшаго для научной работы своего ума самою натурою опредѣленную ему область и не положившаго ей никакихъ предѣловъ, никакихъ границъ!

И это было у насъ въ Россіи и задолго до наступленія того перелома научной мысли, того рубежа, который отдѣлитъ XVIII вѣкъ—вѣкъ философіи—отъ XIX вѣка—вѣка естествознанія.

Вотъ это значеніе Ломоносова въ исторіи научной мысли вообще и конечно въ исторіи геологіи едва ли оцѣнено въ достаточной степени его біографами.

Говоря объ этой части сочиненія Ломоносова „О слояхъ земныхъ“, умѣстно остановить вниманіе еще на одной его заслугѣ передъ наукой и родиной. Мы уже видѣли, что Ломоносовъ предугадывалъ многое еще скрытое отъ его современниковъ. Послѣднія приведенныя здѣсь строки его сочиненія показываютъ, что онъ предугадалъ и то, что и теперь не вошло еще въ общее

сознаніе. Онъ предугадалъ будущую роль естественныхъ наукъ въ жизни государствъ и народовъ....

Постоянно пользуясь дарами естествознанія, далеко не всѣ даже хорошо образованные люди нашего времени достаточно ясно сознаютъ, что за послѣднія $^3/_4$ вѣка ничто, рѣшительно ничто не оказало и не продолжаетъ оказывать столь могучаго, столь всепроникающаго вліянія на всю человѣческую культуру, какъ успѣхи естественныхъ наукъ. Ихъ вліяніе все въ бо́льшей и въ бо́льшей степени чувствуется во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества, они кореннымъ образомъ измѣняютъ и философскія воззрѣнія, и условія личной и общественной жизни, и хозяйственную политику и военное дѣло; они опредѣляютъ могущество и паденіе государствъ.

Изъ глубины середины XVIII вѣка убѣжденно звучитъ намъ патріотическій завѣтъ Ломоносова: Берегите науку, берегите естествознаніе, въ немъ залогъ силы и благоденствія народовъ, оно облегчаетъ Государямъ ихъ тяжелую миссію вести народы путями мирнаго труда къ довольству, богатству и славѣ.

Нѣтъ лучшаго средства почтить память этого великаго сына Россійской земли, какъ всегда помнить этотъ его завѣтъ и особенно въ дни испытаній.

А. П. Павловъ.

Географія XVIII-го вѣка и Ломоносовъ.

М. В. Ломоносовъ былъ замѣчательно широкимъ энциклопедистомъ. Состоя официально профессоромъ химіи и физики при Императорской Академіи Наукъ, онъ работалъ и въ другихъ областяхъ теоретическаго и прикладнаго естествознанія, писалъ по минералогіи, металлургіи, геологіи, географіи, наутикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ занимался россійской исторіей и грамматикой, составлялъ правила риторики и стихотворства, писалъ оды, поэмы, трагедіи, говорилъ похвальныя слова, завѣдывалъ мозаичной фабрикой, даже вынужденъ былъ сочинять проекты иллюминацій и придумывать новости для фейерверковъ. Но въ ряду всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятій было у Ломоносова излюбленное, наиболѣе ему близкое и дорогое: оно заключалось въ „испытаніи натуры", этомъ, по его выраженію, „пріятномъ, полезномъ, святомъ дѣлѣ". „Испытаніе натуры" сводилось у Ломоносова къ изслѣдованію неорганической природы, ея силъ и формъ, и къ изученію общаго нашего отечества, земли, къ занятіямъ физикой, химіей, геогнозіей, географіей. О трудахъ и заслугахъ Ломоносова, какъ физика, химика, геолога, говорилось и писалось довольно много, значительно менѣе обращали на себя вниманіе его труды

по географіи, которые остались и менѣе оцѣненными, хотя они заслуживаютъ такого же признанія, такъ же были близки Ломоносову, настолько же занимали его широкообъемлющій и глубокій умъ, и, во многихъ отношеніяхъ, по высказаннымъ въ нихъ идеямъ и примѣненнымъ пріемамъ, стояли настолько же впереди ихъ вѣка.

Прежде всего замѣтимъ, что многіе труды Ломоносова въ области физики относились собственно къ геофизикѣ или физической географіи; таковы его изслѣдованія по метеорологіи, атмосферному электричеству, земному магнетизму, его разсужденія о полярныхъ сіяніяхъ, приливахъ и отливахъ, землетрясеніяхъ и т. д.. Въ послѣдніе же восемь лѣтъ его жизни географія составляла одинъ изъ главныхъ предметовъ его думъ и заботъ. Къ этому времени относятся: 1) его статья— О слояхъ земли (II Приложеніе къ „Основаніямъ металлургіи", 1763 г.), первая глава которой—„О земной поверхности"—чисто географическаго содержанія и представляетъ оригинальную попытку дать очеркъ лика земли; 2) „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ восточную Индію" (1762), замѣчательный трудъ по собраннымъ въ немъ наблюденіямъ относительно Ледовитаго моря и по развитому въ немъ проекту русской полярной экспедиціи, которая и была осуществлена по идеѣ Ломоносова, и 3) дѣятельность Ломоносова по Географическому Департаменту Академіи Наукъ (съ 1757-го года) и участіе его въ составленіи атласа Россійской Имперіи. Всего этого, вмѣстѣ взятаго, вполнѣ достаточно для того, чтобы Ломоносовъ занялъ видное мѣсто какъ въ исторіи географіи вообще, такъ, и особенно, въ лѣтописяхъ русскаго землевѣдѣнія.

Но заслуги Ломоносова въ этой области выдѣляются еще болѣе, если сопоставить тогдашнее положеніе географическихъ знаній въ западной Европѣ. Это была эпоха, когда ни физической географіи, ни геологіи, можно сказать, еще не существовало, когда метеорологія только что начиналась, когда были сдѣланы первые шаги на пути изслѣдованія земного магнетизма и электричества. когда еще не приступали къ ознакомленію съ высокими горами и снѣговыми ихъ вершинами, а равно и къ изученію морскихъ глубинъ и даже вообще морей, когда многія громадныя области земной поверхности—Австралія, большая часть Африки, значительная часть Азіи. вся Сѣверная Америка за 40° с. ш., почти всѣ полярныя страны—были совершенно неизвѣстны. Хотя принципы составленія картъ стали тогда уже общимъ достояніемъ географовъ, однако точныхъ картографическихъ данныхъ имѣлось еще очень мало, картографія переживала свои юные годы, и только Франція могла похвалиться въ то время болѣе точными картографическими работами. Если мы теперь, принявъ во вниманіе тогдашнее состояніе географическихъ знаній, обратимся къ трудамъ Ломоносова. то насъ не можетъ не поразить широта его взглядовъ. остроуміе многихъ его идей, смѣлость его плановъ. организаторскія его способности. Въ своихъ взглядахъ на состояніе внутренняго ядра земли, на вулканическія явленія, въ разсужденіяхъ о землетрясеніяхъ и т. д. онъ, несомнѣнно, предварилъ свой вѣкъ, и тоже можетъ быть сказано относительно его заключеній о неустойчивомъ равновѣсіи слоевъ атмосферы, о вертикальныхъ токахъ восходящаго и нисходящаго воздуха, его мыслей о самопишущихъ метеорологическихъ приборахъ (онъ самъ изобрѣлъ самоотмѣчающій анемометръ) и попы-

токъ опредѣлить температуру верхнихъ слоевъ воздуха. По отношенію къ атмосферному электричеству Ломоносовъ пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ ранѣе и независимо отъ Франклина; онъ различалъ три вида электрическаго свѣта (молнія, огни св. Эльма, полярныя сіянія), приписывалъ происхожденіе атмосфернаго электричества тренію, допускалъ возможность электрическихъ явленій въ кометныхъ хвостахъ, опредѣлялъ высоту полярныхъ сіяній, и, хотя его объясненіе этого явленія не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, тѣмъ не менѣе собранныя имъ данныя (между прочимъ—изображенія различныхъ формъ сѣвернаго сіянія) представляли, по тому времени, несомнѣнный интересъ. Не менѣе любопытно и важно сдѣланное имъ первымъ открытіе атмосферы у планеты Венеры, а затѣмъ также примѣченныя имъ аналогіи въ распредѣленіи на землѣ суши, морей и ихъ береговъ, его разсужденія о происхожденіи горъ (поднятіемъ земныхъ пластовъ), о пониженіи снѣговой линіи отъ экватора къ полюсамъ, о смѣнѣ климатовъ въ исторіи земли и т. д..

Весьма замѣчательно во многихъ отношеніяхъ и сочиненіе, поданное Ломоносовымъ въ 1762 году Наслѣднику Цесаревичу, генералъ-адмиралу Павлу Петровичу— о возможности прохода Сибирскимъ океаномъ на востокъ въ Тихій океанъ. Мысль о „сѣверномъ ходу" занимала Ломоносова давно, она проглядываетъ уже въ его одѣ на восшествіе на престолъ Елизаветы (1752 г.): объ этомъ „ходѣ" онъ писалъ, по его собственнымъ словамъ, еще въ 1755 г. Въ окончательномъ видѣ она вылилась въ названномъ сочиненіи, въ посвященіи котораго Ломоносовъ говоритъ, что „Сѣверный океанъ есть пространное поле, гдѣ.... усугубиться можетъ россійская слава, соединенная

съ безпримѣрною пользою, черезъ изобрѣтеніе восточно-сибирскаго мореплаванія въ Индію и Америку". Въ первой главѣ этого обстоятельнаго сочиненія приводится обзоръ всѣхъ сдѣланныхъ до того, главнымъ образомъ англичанами, экспедицій для открытія сѣверо-западнаго прохода вдоль сѣверныхъ береговъ Америки,—экспедицій, связанныхъ съ именами Фробишера, Дэвиса, Гудсона (Хёдсона), Баффина и другихъ,—и доказывается, что собранныя означенными экспедиціями наблюденія свидѣтельствуютъ, что этотъ сѣверо-западный проходъ, „хотя и есть, да тѣсенъ, труденъ, безполезенъ и весьма опасенъ",—выводъ, какъ извѣстно, вполнѣ подтвердившійся впослѣдствіи [1]). Во второй главѣ говорится „о поискахъ морского проходу... въ сѣверо-восточной сторонѣ Сибирскимъ океаномъ"; здѣсь описываются голландскія экспедиціи XVI вѣка, затѣмъ путешествія русскихъ людей—Дежнева, Лаптева, Челюскина въ XVII — XVIII в.в., экспедиція Беринга, и выводится слѣдствіе, что проходъ Сибирскимъ океаномъ возможенъ, что Америка должна находиться недалеко отъ Чукотскаго мыса и къ востоку отъ Камчатки (въ то время сѣверо-западные берега Сѣв. Америки были еще совершенно неизвѣстны), и что во всѣхъ этихъ мѣстахъ есть „жители". Третья глава трактуетъ „о возможности мореплаванія Сибирскимъ океаномъ", доказываемой „натуральными обстоятельствами". Здѣсь Ломоносовъ приводитъ данныя, что въ области Ледовитаго моря не бываетъ такихъ стужъ, какъ южнѣе, въ Сибири, на сушѣ, а потому далѣе къ сѣверу

[1]) Единственно, кому удалось пройти сѣверо-западнымъ проходомъ, былъ — въ новѣйшее время — Р. Амундсенъ. На небольшомъ моторномъ суднѣ „Gjöa" онъ пробрался въ 1903 — 1906 гг. по узкимъ проливамъ между островами въ Тихій океанъ, при чемъ два раза ему пришлось зимовать въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ.

„открытому морю быть должно, не токмо лѣтомъ, но иногда и зимою“, — мнѣніе, которое высказывалось нѣкоторыми географами еще во второй половинѣ XIX столѣтія. Послѣ стужи самое важное препятствіе въ полярной области составляетъ ледъ, поэтому Ломоносовъ останавливается на происхожденіи этого льда и доказываетъ, что онъ бываетъ троякаго вида: 1) мелкое сало, образующееся въ самомъ морѣ, особенно въ болѣе мелкихъ и прѣсныхъ его частяхъ, и неопасное для кораблей: 2) плавающія ледяныя горы (падуны), съ суши происходящія (т. е. съ ледниковъ, о которыхъ Ломоносовъ, впрочемъ, не упоминаетъ, и о которыхъ тогда почти что ничего не было извѣстно); эти плавающія ледяныя горы — правильно замѣчаетъ Ломоносовъ — надо различать отъ тѣхъ, „кои состоятъ изъ взломанныхъ стамухъ взаимнымъ сраженіемъ“ и 3) прѣсноводный рѣчной ледъ, выносимый въ море весною и лѣтомъ сибирскими рѣками, и которому Ломоносовъ приписывалъ образованіе стамухъ или ледяныхъ полей. Изъ этихъ видовъ льда, поверхностный—замѣчаетъ Ломоносовъ—подвигается вѣтромъ, а ледяныя горы, глубоко сидящія въ водѣ (на 35—50 саж.), движутся морскими теченіями. Такъ какъ Ломоносову уже было извѣстно, что въ Атлантическомъ океанѣ существуетъ экваторіальное теченіе, съ востока на западъ, то онъ предположилъ, что подобное же теченіе должно быть и въ Ледовитомъ океанѣ, что, какъ извѣстно, и было впослѣдствіи доказано, уже въ наши времена, экспедиціей Нансена. Далѣе, путемъ аналогій, Ломоносовъ доказываетъ, что хотя сѣверный берегъ Америки и неизвѣстенъ (въ тѣ времена о немъ ничего еще не знали), однако надо полагать, что онъ имѣетъ очертанія, аналогичныя сибирскому (такъ что, слѣдовательно, фигура

Ледовитаго океана приближается къ овальной), но что онъ долженъ быть болѣе крутъ и приглубъ, слѣдовательно „менѣе изливаетъ прѣсной воды“ и „производитъ болѣе падуну“, нежели пологій сибирскій берегъ. Это предположеніе Ломоносова подтвердилось впослѣдствіи; американскіе берега Ледовитаго океана дѣйствительно болѣе приглубы, и съ ихъ ледниковъ и происходятъ пловучія ледяныя горы, сносимыя теченіями вдоль Гренландіи и Лабрадора, къ югу, въ Атлантическій океанъ.

Ломоносовъ сдѣлалъ даже попытку вычислить, какую часть поверхности Ледовитаго океана должны занимать льды, и пришелъ къ заключенію, что „чистаго моря противъ льдовъ“ должно быть „около десяти разъ больше“. Хотя предпосылки Ломоносова были невѣрны (онъ. страннымъ образомъ, не допускалъ, повидимому, возможности образованія сплошного морского льда въ самомъ морѣ), и хотя его вычисленіе свободнаго отъ льдовъ пространства въ Ледовитомъ океанѣ значительно уклонялось отъ истины (теперь думаютъ, что даже лѣтомъ: самое большее, только треть Ледовитаго океана свободна ото льда), тѣмъ не менѣе, его попытка очень любопытна и никѣмъ ранѣе его сдѣлана не была. Вообще же его разсужденія объ условіяхъ плаванія въ Ледовитомъ морѣ заключаютъ въ себѣ многія дѣльныя замѣчанія, основанныя отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ въ тѣ юные годы, когда онъ ходилъ съ отцомъ на морской промыселъ. Конечный выводъ Ломоносова былъ тотъ. что въ лѣтніе мѣсяцы Сибирскій океанъ, на 500—700 верстахъ отъ берега, долженъ быть свободенъ отъ такихъ льдовъ, которые бы „препятствовали корабельному ходу“. и что самый лучшій проходъ „упователенъ мимо восточно-сѣвернаго конца Новой Земли къ Чукотскому

носу", по дугѣ большого земного круга, но возможенъ проходъ и между Гренландіей и Шпицбергеномъ, гдѣ должно быть менѣе льдовъ, чѣмъ близъ сибирскаго берега.

Четвертая глава имѣетъ заголовокъ: „О пріуготовленіи къ мореплаванію Сибирскимъ океаномъ", и представляетъ обстоятельную инструкцію, касающуюся снаряженія судна (Ломоносовъ совѣтовалъ отправить три судна, одно побольше, другія два поменьше, съ экипажемъ всего до ста человѣкъ), подбора людей, запасовъ и инструментовъ. Пятая глава, наконецъ, посвящена „самому предпріятію сѣвернаго мореплаванія" и заключаетъ въ себѣ „способы, къ открытію пути полезные", какія слѣдуетъ принимать при плаваніи предосторожности, какія дѣлать наблюденія, что желательно для ободренія и поощренія участниковъ экспедиціи и т. п.. Здѣсь встрѣчается много указаній вполнѣ вѣрныхъ, какъ замѣчаетъ Ю. М. Шокальскій, напр., относительно смѣны приливовъ, хода волнъ, степени солености воды въ зависимости отъ близости береговъ и льдовъ и т. д. [1]). Далѣе Ломоносовъ доказываетъ, что примѣры прежнихъ „неудачныхъ предпріятій" не должны свидѣтельствовать противъ, ибо такія неудачи происходили „отъ неяснаго понятія предпріемлемаго дѣла", отъ „безпорядочныхъ при-

[1]) См. „Труды Ломоносова въ области естественно-историческихъ наукъ", изд. И. Акад. Наукъ. Спб. 1911, статью Ю. М. Шокальскаго о разбираемомъ сочиненіи Ломоносова. Увеличеніе солености морской воды показываетъ, по Ломоносову, удаленіе отъ береговъ и льдовъ, уменьшеніе ея—обратное. „Откуда валы (волны) идутъ велики и пологи, такъ великое и глубокое и ото льдовъ чистое море;... когда жъ съ которой стороны сильный вѣтеръ сутки тянетъ, а не подыметъ большаго валу, въ той должно быть близкому берегу, или льду стоячему". Рѣзко замѣтная смѣна приливного теченія на противоположное подтверждаетъ близость берега, и чѣмъ это совершается неправильнѣе, чѣмъ менѣе согласовано съ фазами луны, тѣмъ и берега ближе. Чѣмъ глубже — тѣмъ далѣе отъ берега. Все это замѣчанія вѣрныя и основанныя, очевидно, на практическомъ знакомствѣ съ моремъ.

уготовленій", отъ плохого снаряженія: что убытки не должны быть значительными (Ломоносовъ полагалъ, что для снаряженія первой экспедиціи будетъ достаточно двадцати тысячъ рублей), и что, если даже цѣль экспедиціи не будетъ достигнута, „однако, несомнѣнно, найдутся чрезъ то мѣста къ разнымъ рыбнымъ и звѣринымъ промысламъ удобныя, каковы найдены западными мореплавателями въ Гудсоновомъ и Дависовомъ заливѣ", которые не ближе отъ Лондона, „какъ Чукотской носъ отъ Архангельска", что нечего опасаться и траты людямъ, ибо, если „для пріобрѣтенія малаго лоскута земли, или для одного только честолюбія посылаютъ на смерть многія тысячи народа, цѣлыя арміи, то здѣсь ли должно жалѣть около ста человѣкъ, гдѣ пріобрѣсти можно цѣлы земли, въ другихъ частяхъ свѣта, для расширенія мореплаванія купечества, могущества, для Государственной и Государской пользы, для показанія морскихъ россійскихъ героевъ всему свѣту и для большаго просвѣщенія всего человѣческаго роду". „Если же, заключаетъ Ломоносовъ, толикая слава сердецъ нашихъ не движетъ, то подвинуть должно парѣканіе отъ всей Европы, что имѣя Сибирскаго океана оба концы и цѣлой берегъ въ своей власти, не боясь никакого препятствія въ поискахъ отъ непріятеля, и положивъ на то уже знатныя иждивенія съ добрыми успѣхами, оставляемъ все втуне: не пользуемся Божескимъ благословеніемъ, которое лежитъ въ глазахъ и рукахъ нашихъ тщетно, и содержа флоты на великомъ иждивеніи, всему Государству чувствительномъ, не употребляемъ на пользу; ниже во время мира оставляемъ корабли и снаряды въ жертву тлѣнію, и людей къ трудамъ опредѣленныхъ предаемъ упынію, ослабленію и забвенію ихъ искусства и должности".

Рукописное сочиненіе Ломоносова было подано въ „морскую россійскихъ флотовъ коммисію", которая представила его, прежде всего, на заключеніе бывшаго сибирскаго губернатора Соймонова. Послѣдній высказался рѣшительно противъ Ломоносовскаго проекта, утверждая, что море у полюса должно быть сплошь покрыто твердымъ льдомъ, судя по тому, что промышленники наши, плавая по Ледовитому морю, всюду встрѣчали льды, мѣстами до 40 и болѣе саженъ высотою. Тѣмъ не менѣе, научный авторитетъ Ломоносова внушалъ такое довѣріе, что адмиралтейская коллегія приняла его проектъ къ обсужденію: были выписаны изъ Архангельска промышленники, посѣщавшіе Грумантъ (Шпицбергенъ) и Новую Землю, и отобраны у нихъ нужныя показанія въ присутствіи Ломоносова. На основаніи этихъ показаній Ломоносовъ, въ мартѣ 1764 г. подалъ „прибавленіе" къ своей запискѣ, а въ апрѣлѣ того же года второе прибавленіе, вызванное „извѣстіями промышленниковъ изъ острововъ Американскихъ" (т.-е. Алеутскихъ). Въ первомъ прибавленіи была сдѣлана существенная поправка къ проекту въ томъ смыслѣ, что „поискъ морскаго пути по сѣверу на востокъ", судя по извѣстіямъ отъ русскихъ промышленниковъ, удобнѣе начать можно отъ западнаго Грумантскаго берегу (т.-е. отъ западнаго берега Шпицбергена), нежели съ Новой земли, для того, что гавани тамъ освобождаются отъ льдовъ много ранѣе, уже въ первыхъ числахъ мая, и море много свободнѣе отъ льдовъ. Лучшей гаванью въ то время на западномъ берегу Груманта считалась Клюмбай, а потому Ломоносовъ и совѣтывалъ построить тамъ зимовье и магазинъ, или, что еще лучше, купить готовый домъ въ Колѣ, разобрать его, сложить въ судно и перевезти на Грумантъ.

и тамъ построить на приличномъ мѣстѣ, а затѣмъ въ то же лѣто перевезти туда же изъ Архангельска снасти, инструменты и провіантъ на три года, на 60 или 100 человѣкъ. — Показанія алеутскихъ промышленниковъ утвердили Ломоносова въ убѣжденіи, что морскимъ сибирскимъ путемъ можно дойти до береговъ Америки.

Большую поддержку предпріятію Ломоносова оказалъ графъ П. Чернышевъ, мнѣніе котораго, повидимому, и оказалось наиболѣе вліятельнымъ. 14 мая 1764 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи на трехъ судахъ, подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Василія Чичагова. На экспедицію, согласно плану Ломоносова, было отпущено 20,000 рублей; всѣ офицеры, назначенные въ экспедицію, были повышены чинами, всѣмъ служащимъ назначено двойное жалованье; обѣщаны были еще чины по достиженіи цѣли экспедиціи, а въ случаѣ смерти участниковъ были опредѣлены пенсіи вдовамъ и дѣтямъ. Въ концѣ повелѣнія было сказано: „По сему дѣлу повелѣваемъ присутствовать статскому совѣтнику и профессору Михайлѣ Ломоносову. Все сіе предпріятіе содержать тайно и пока сего нашего указу до времени не объявлять и нашему сенату". Официально цѣлью экспедиціи было постановлено „возобновленіе китовыхъ и другихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ". Ломоносовъ принялъ дѣятельное участіе въ снаряженіи экспедиціи. По его указаніямъ заготовлялись подзорныя трубки, морскіе барометры, термометры, компасы, часы, карты, таблицы для вычисленія долготъ и т. д.. Въ Академію Наукъ посылались штурмана и штурманскіе ученики „для обученія въ астрономіи обсерваціи... подъ смотрѣніемъ г. Ломоносова". Лѣтомъ 1764 г., по совѣту Ломоносова, были отправлены съ промышленниками на Шпицбергенъ избы, баня, амбаръ, шубы для

экспедиціи. Но Ломоносову не суждено было дождаться осуществленія его проекта. Онъ умеръ 4 апрѣля 1765-го года, а экспедиція вышла въ море изъ Архангельска 9-го мая того же года, на трехъ судахъ, построенныхъ спеціально для этой цѣли.

Слѣдуя указанію Ломоносова, флотилія направилась къ западному берегу Шпицбергена и 23-го іюня достигла 80° 26′ сѣв. шир.: ей однако все время приходилось бороться со льдами и наконецъ сплошной ледъ совершенно преградилъ ей путь. 20-го августа она уже вернулась въ Архангельскъ къ большому огорченію графа Чернышева. Рѣшено было повторить попытку слѣдующимъ лѣтомъ. 19 мая 1766 г. Чичаговъ вторично вышелъ въ море, но ему снова препятствовали льды: 18-го іюля онъ достигъ къ западу отъ Шпицбергена 80° 30′ с. ш., но далѣе идти было невозможно изъ-за сплошного льда и 10-го сентября онъ возвратился въ Архангельскъ. Такимъ образомъ, Чичаговъ не воспользовался доставленными на Шпицбергенъ постройками и не рѣшился зимовать тамъ. Могъ ли онъ достигнуть большаго успѣха, судить, конечно, трудно, но болѣе вѣроятно, что указаннымъ путемъ ему бы пройти не удалось, такъ какъ ему пришлось бы пробиваться на встрѣчу льдамъ, слѣдующимъ по теченію на западъ, а это едва ли могло быть успѣшнымъ.

Спустя десять лѣтъ послѣ того Екатерина II повелѣла Академіи описать эту экспедицію, и такое описаніе, на основаніи бумагъ, полученныхъ отъ графа Чернышева, было составлено академикомъ Мюллеромъ, въ 1777 году, на нѣмецкомъ языкѣ [1]). Любопытно, что въ этомъ опи-

[1]) Подъ заглавіемъ: Geschichte der Schiffahrten nach Norden, aus authentischen Nachrichten des Admiralitäts-Collegium in einem Auszuge mit vielen eingestreuten Anmerkungen etc.

саніи совершенно не говорится о Ломоносовѣ и его проектѣ, потому ли, что Мюллеръ, какъ извѣстно, всегда враждовавшій съ Ломоносовымъ, не хотѣлъ упоминать и его имени, или, наоборотъ, не желалъ говорить объ оказавшейся ошибочности предположеній Ломоносова въ виду неудачи снаряженной по его иниціативѣ экспедиціи. Сочиненіе Мюллера было напечатано только въ 1793 г. подъ заглавіемъ — „Herrn von Tschitschagow Reise nach dem Eismeer"; въ Россіи оно осталось почти совершенно неизвѣстнымъ. Только въ 1828 г. Бергъ напечаталъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой экспедиціи, но также безъ упоминанія о сочиненіи Ломоносова, при чемъ имъ былъ приведенъ даже, очевидно по слухамъ, иной и совершенно невѣроятный поводъ къ ея отправленію. Впервые проектъ Ломоносова сталъ извѣстенъ только въ 1847 году, когда онъ былъ изданъ Географическимъ Департаментомъ Морского Министерства, благодаря стараніямъ Ал. Соколова, который заинтересовался рукописью и напечаталъ нѣсколько статей, посвященныхъ идеѣ Ломоносова и экспедиціи Чичагова [1]). Такимъ образомъ, русское общество только чрезъ 82 года послѣ смерти Ломоносова могло ознакомиться съ его сочиненіемъ о Ледовитомъ океанѣ и узнать настоящую причину отправленія первой русской полярной экспедиціи.

[1]) „Сочиненіе Ломоносова". Издано Гидрогр. Департ. Мор. Министерства. Спб. 1847. Въ предисловіи г. Соколовъ поясняетъ, что онъ пользовался двумя списками, оба писарской руки, „но безъ орѳографіи" и съ пропусками, при чемъ пропуски и ошибки одного списка были дополняемы и исправляемы по другому. Подлинной рукописи Ломоносова, повидимому, не сохранилось. При спискѣ ея, хранящемся нынѣ въ Имп. Публичной библіотекѣ, приложена карта Полярнаго океана, по представленіямъ того времени, воспроизведенная недавно при статьѣ г. Шокальскаго. Мы воспроизвели ее (только безъ красокъ) въ „Землевѣдѣніи" 1912 г. кн. I—II.

Неудача экспедиціи Чичагова надолго отвадила русскихъ людей отъ проникновенія въ Ледовитый океанъ, какъ по направленію къ полюсу, такъ и въ обходъ сѣверныхъ береговъ Сибири. Послѣдующія плаванія въ первой половинѣ XIX вѣка Литке и свѣдѣнія, собранныя на Колымскомъ побережьи лейтенантомъ Врангелемъ и на Новой землѣ академикомъ Бэромъ, только подтвердили мнѣніе о непроходимости Ледовитаго океана и Карскаго моря и о невозможности морского пути въ Сибирь и къ Тихому океану. Но не такъ думали на западѣ, гдѣ, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, началась усиленная агитація, особенно со стороны извѣстнаго нѣмецкаго географа Петерманна, въ пользу изслѣдованія сѣверной полярной области. Въ 1870-хъ годахъ состоялся рядъ полярныхъ экспедицій, въ томъ числѣ и по путямъ, намѣченнымъ Ломоносовымъ. Въ 1873 г. австрійцы Пайеръ и Вайпрехтъ на суднѣ „Tetethof" прошли за Новую Землю къ сѣверу и открыли тамъ группу большихъ острововъ, простирающуюся за 82-ую параллель, и получившую названіе „Земли Франца Іосифа". Въ 1875—76 гг. Норденшёльдъ ходилъ два раза въ Карское море и убѣдился въ возможности доступа поздимъ льдомъ къ устью Енисея. Въ 1878 г., при матеріальномъ содѣйствіи Диксона и Сибирякова, Норденшёльдъ организовалъ болѣе далекую экспедицію на суднѣ „Вега" и отправился вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири на востокъ; ему удалось пройти благополучно до Колючинской бухты Чукотскаго полуострова, гдѣ онъ зазимовалъ, и откуда только лѣтомъ слѣдующаго 1879 года могъ уйти черезъ Беринговъ проливъ въ Японію. Послѣ этого англичанинъ Виггинсъ и другіе совершили рядъ рейсовъ съ товарами къ устью Енисея

(этимъ путемъ была доставлена потомъ и часть рельсовъ для строившейся сибирской жел. дороги), а въ 1893 году отправился на „Фрамѣ“ Нансенъ въ свое знаменитое путешествіе, доказавшее предположеніе (его и Ломоносова) о движеніи полярнаго льда съ востока на западъ и обогатившее науку цѣнными наблюденіями надъ особенностями Ледовитаго океана. За послѣднія десятилѣтія и въ Россіи сталъ пробуждаться интересъ къ полярной области. Стали изучаться Мурманское море, Новая Земля, полуостровъ Ямалъ, Новосибирскіе острова, бассейнъ рѣки Хатанги, совершена была (совмѣстно съ Швеціей) градусная экспедиція на Шпицбергенъ, стали производиться съемки береговъ Карскаго моря, начались изслѣдованія Чукотскаго полуострова, лѣтомъ 1911 г. были начаты удачные рейсы изъ Владивостока въ устье р. Колымы, и имѣется въ виду (что начато было уже покойнымъ адм. Макаровымъ) примѣнить ледоколы къ плаванію Ледовитымъ океаномъ.

Въ будущемъ, несомнѣнно, на этомъ пути будутъ достигнуты еще большіе успѣхи, но въ исторіи русскихъ трудовъ по изслѣдованію Сѣвернаго полярнаго океана никогда не забудется имя Ломоносова, перваго, кто поставилъ научно вопросъ о необходимости снаряженія русской полярной экспедиціи для открытія сѣверо-восточнаго прохода, и кто обладалъ достаточно высокимъ авторитетомъ, чтобы подвинуть русское правительство на попытку практическаго осуществленія намѣченной задачи. Если Ломоносовъ ошибался въ нѣкоторыхъ своихъ предположеніяхъ, то это объясняется состояніемъ науки въ его время и недостаточностью имѣвшихся тогда свѣдѣній о полярной области. Мы знаемъ, что свѣдѣнія эти оставались недостаточными въ теченіе бо-

лѣе столѣтія послѣ смерти Ломоносова, что не останавливало однако предпріимчивыхъ людей, особенно на американской сторонѣ, стремиться настойчиво въ предѣлы полярной области, несмотря на многія неудачи и потери, которыми сопровождались эти смѣлыя попытки [1]).

Труды Ломоносова по картографіи Россіи, по собиранію матеріаловъ для атласа Россійской Имперіи, носятъ на себѣ также печать его таланта, дѣловитости и энергіи, хотя малое число лѣтъ, которое суждено было ему посвятить этому дѣлу, другія его многочисленныя занятія и, въ особенности, разныя препятствія, съ которыми ему приходилось встрѣчаться и бороться, не дали ему возможности осуществить его начинанія. Для того, чтобы правильно оцѣнить дѣятельность Ломоносова въ этомъ направленіи, слѣдуетъ принять во вниманіе положеніе картографіи въ его время въ Западной Европѣ. Выше было сказано, что къ тому времени, къ половинѣ XVIII вѣка, географами были уже вполнѣ усвоены принципы правильной картографіи, однако за недостаткомъ людей и средствъ они примѣнялись слабо, и только во Франціи геодезія стояла на бо́льшей высотѣ и вызвала появленіе сравнительно болѣе точныхъ картъ этой

---

[1]) Главной ошибкой Ломоносова было его убѣжденіе, что Ледовитое море не можетъ замерзать на большомъ протяженіи, такъ какъ этому препятствуетъ, будто бы, съ одной стороны, нагрѣваніе снизу, отъ внутренней теплоты земли, а съ другой сверху, отъ солнца, которое въ лѣтнюю половину года, въ теченіе многихъ долгихъ дней, посылаетъ къ нему значительное количество тепла. Но мы знаемъ теперь, что внутренняя теплота земли не препятствуетъ океанамъ, даже подъ тропиками, имѣть у своего дна температуру воды, близкую къ 0°, и что, съ другой стороны, хотя количество солнечной теплоты, получаемое въ полярныхъ странахъ лѣтомъ, и значительно, но оно идетъ, главнымъ образомъ, на таяніе льда и снѣга, и можетъ повысить температуру самой воды только на очень малое число градусовъ выше точки замерзанія, да и то отчасти еще благодаря тому, что сюда доходятъ изъ Атлантическаго океана послѣднія отвѣтвленія теплаго теченія—Гольфстрима.

страны. Въ Германіи попытки къ лучшей постановкѣ картографіи средней Европы долго оставались безуспѣшными. Лучшій тогдашній картографическій нѣмецкій институтъ, Гоманна (Homann) и его наслѣдниковъ въ Нюренбергѣ, напрасно старался въ половинѣ XVIII вѣка, при содѣйствіи профессоровъ Газе, Тобіаса Майера, Бюшинга и другихъ, составить новую, основанную на точныхъ данныхъ, карту Германіи. Имѣвшіяся, напримѣръ, карты Швабіи оказались, при ихъ провѣркѣ, весьма неточными: для значительной части Саксоніи не имѣлось ни одного, астрономически опредѣленнаго пункта: истоки Эльбы помѣщались то въ Богеміи, то въ Силезіи: для Венгріи и даже для Прирейнскихъ областей приходилось обращаться къ старымъ римскимъ картамъ временъ Имперіи (Tabula Peutingeriana): для всей Германіи въ половинѣ XVIII вѣка можно было опереться только на 20 астрономическихъ пунктовъ.

По сравненію съ такимъ состояніемъ картографіи въ Германіи, русская картографія того времени могла считаться стоящею не ниже, а едва ли не выше. Уже при Петрѣ I стали посылаться „геодезисты", ученики морской академіи, „навыкшіе географіи и геометріи", въ разныя губерніи „для сочиненія ландкартъ", были произведены моряками съёмки Каспійскаго моря и Финскаго залива, изданы карты Ингерманландіи, мѣстности между Дономъ и Волгою и др.. Первоначально всѣ картографическіе матеріалы сосредоточивались въ Сенатѣ, секретарь котораго, И. Кириловъ, очень интересовался ими, и подъ его наблюденіемъ была составлена и издана первая генеральная карта Имперіи 1734 года. Позже дѣло „сочиненія ландкартъ" было переда́но въ Академію Наукъ, куда уже Петръ приглашалъ для этой цѣли изъ

Франціи извѣстнаго астронома Делиля (De l'Isle). Въ 1725 г. Делиль подписалъ въ Парижѣ у русскаго посла кн. Куракина контрактъ на поступленіе въ Петербургскую Академію Наукъ, и, прибывъ въ февралѣ 1726 года въ Петербургъ, сталъ заниматься астрономическими наблюденіями. Делилю поручено было и составленіе новой генеральной карты Россіи, но въ этомъ дѣлѣ онъ встрѣтился со многими препятствіями. Ему, повидимому, завидовали и противодѣйствовали его нѣмецкіе коллеги, которые доносили на него, что онъ сообщаетъ свои наблюденія во Францію; съ другой стороны, онъ не могъ получить себѣ въ помощь „геодезистовъ", которые работали сперва на Кирилова, потомъ поступили въ распоряженіе Татищева, а выписанные три иностранца были приняты на службу въ основанный при академіи въ 1739 г. „Географическій Департаментъ". Учрежденіе этого департамента и было вызвано, повидимому, намѣреніемъ отнять картографическое дѣло и всѣ собранные при академіи картографическіе матеріалы изъ рукъ Делиля, изъ недовѣрія къ нему. Делиль боролся, ссорился съ Шумахеромъ и другими академиками, подавалъ записки о томъ, какъ слѣдуетъ поставить дѣло географіи въ Россіи, предлагалъ приступить къ тріангуляціи, доказывалъ необходимость поручить завѣдываніе географическими работами одному лицу (т.-е. ему), но все это кончилось тѣмъ, что въ 1740-хъ годахъ Делиль былъ „отрѣшенъ" отъ Академіи и уѣхалъ въ Парижъ. По отъѣздѣ Делиля дѣло составленія атласа Россіи было поручено Академіей знаменитому ея сочлену, математику профессору Эйлеру и астроному проф. Гейнзіусу, а въ помощь имъ былъ опредѣленъ астрономъ Винцгеймъ. Эйлеръ еще съ 1735 года состоялъ помощникомъ Делиля,

отъ котораго онъ усвоилъ предложенную послѣднимъ для карты Россіи проекцію, примѣняемую иногда еще и теперь въ картографіи подъ названіемъ проекціи Делиля (видоизмѣненіе конической). Эйлеру вообще пришлось не мало поработать надъ картами Россіи, и уже въ 1740 году онъ жаловался, что поплатился за это однимъ глазомъ, и просилъ уволить его отъ такой кропотливой работы, мѣшающей къ тому же его другимъ, математическимъ занятіямъ. Въ слѣдующемъ же 1741 году онъ уволился изъ Академіи и уѣхалъ въ Берлинъ. Дѣло картографіи въ Академіи осталось на Гейнзіусѣ и Винцгеймѣ, которые и довели его до конца, изданіемъ въ 1745 г., на средства академіи, „Атласа Россійскаго изъ девятнадцати спеціальныхъ картъ.... съ приложенною Генеральною картою".

Этотъ первый большой атласъ Россіи былъ, несомнѣнно, изданіемъ выдающимся для своего времени; построенный на основѣ 62 астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, онъ соединялъ съ возможной точностью и внѣшнее изящество: каждая карта была украшена, по тогдашней модѣ, по угламъ, виньетками, отчасти миѳологическаго содержанія, отчасти соотвѣтствующими по содержанію особенностямъ и быту населенія изображенныхъ областей. Эйлеръ писалъ потомъ объ этомъ атласѣ, что „географія россійская черезъ мои и господина профессора Гейнзіуса труды произведена гораздо въ исправнѣйшее состояніе, нежели географія нѣмецкой земли", и что „кромѣ Франціи почти ни одной земли нѣтъ, которая бы лучшія карты имѣла". Онъ признавалъ, что Делиль былъ правъ, говоря, „что ежели бы Россійскую Имперію по треугольникамъ вымѣрить, то несравненно исправнѣйшія карты сдѣлать можно", но—„ежели раз-

судить, что такое дѣло и въ пятьдесятъ лѣтъ исправить нельзя, то каждый разумный человѣкъ уступить принужденъ, что опубликованныя карты несравненно лучше, нежели никакимъ не быть. Сверхъ того, изданіемъ сихъ картъ точнѣйшее измѣреніе не прекращается, но паче еще оно къ тому способствуетъ, понеже легче имѣющіяся уже карты исправить, нежели вновь дѣлать".

Тѣмъ не менѣе, изданный атласъ заключалъ въ себѣ, какъ оказалось, и недостатки. Многое было въ немъ изображено не точно, иное важное пропущено, другое маловажное нанесено, нѣкоторыя обширныя пространства показаны безъ всякихъ поселеній, въ названія также вкрались ошибки и неточности. Ломоносовъ писалъ потомъ, что, „посмотрѣвъ на тогдашнюю Географическую Архиву и на изданный оной атласъ, легко понять можно, какъ много могъ бы онъ быть исправнѣе и достаточнѣе.... Чтобы какъ-нибудь скорѣе издать атласъ, пропущены и безъ употребленія оставлены многія, тогда же имѣвшіяся въ академіи, географическія важныя извѣстія". По выходѣ атласа Географическимъ департаментомъ завѣдывалъ лѣтъ пять Винцгеймъ, а по смерти его, въ 1751 г., во главѣ департамента сталъ секретарь академіи, историкъ Мюллеръ, но за все это время, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, департаментъ ничѣмъ не проявлялъ своей дѣятельности. Въ 1757 г. президентъ академіи графъ Разумовскій поручилъ завѣдываніе Географическимъ Департаментомъ Ломоносову, и немедленно же это назначеніе сказалось въ оживленіи дѣятельности заглохнувшаго учрежденія.

Прежде всего была составлена академической канцеляріей, по приказанію президента и при несомнѣнномъ участіи Ломоносова, обстоятельная инструкція Геогра-

фическому Департаменту, въ которой указывалось, что главнѣйшимъ занятіемъ должно быть „поправленіе россійскаго атласа". Затѣмъ Ломоносовъ обратился къ академической канцеляріи съ предложеніемъ составить списокъ вопросовъ, по которымъ можно было бы требовать данныхъ для изданія „исправнѣйшаго россійскаго атласа" и, по возможности, „вѣрной и обстоятельной россійской географіи", и ходатайствовать передъ Сенатомъ о разсылкѣ этихъ вопросовъ по губерніямъ и областямъ для полученія по нимъ отвѣтовъ. Самъ Ломоносовъ составилъ тринадцать вопросовъ, но Мюллеръ и другіе академики прибавили еще десятка полтора, такъ что получилось всего тридцать вопросовъ, которые и были отпечатаны въ 600 экземплярахъ и затѣмъ доставлены въ Сенатъ съ просьбой разослать при указѣ по городамъ. При этомъ было пояснено, что мѣстныя власти должны опрашивать „обывателей городскихъ и лучшихъ крестьянъ", а гдѣ „опросомъ дознаться не можно", посылать для освѣдомленія нарочныхъ, при чемъ, если какіе вопросы окажутся трудными, то ихъ можно отложить, а на прочіе прислать отвѣты не позже, какъ черезъ три мѣсяца по полученіи указа. Разосланные вопросы касались положенія и состоянія городовъ, какъ городъ огражденъ, на какой рѣкѣ или озерѣ стоитъ, много ли въ немъ церквей каменныхъ и деревянныхъ, какія бываютъ ярмарки и т. п.: затѣмъ шли вопросы о рѣкахъ, ихъ судоходности, пристаняхъ, времени вскрытія и замерзанія, старыхъ руслахъ рѣкъ, переволокахъ и пр.: далѣе—о горахъ, гдѣ есть, ихъ положеніи и простираніи: о дорогахъ, разстояніяхъ между городами, идутъ ли дороги полями, лѣсами, водами, гдѣ есть мосты, какіе встрѣчаются села, монастыри: для каждой губерніи и провинціи требовалось указать по-

граничные города, крѣпости, села, рѣки: о населеніи— въ какомъ уѣздѣ какой народъ живетъ, одинъ или съ другими смѣшанный, въ селахъ и деревняхъ сколько домовъ и душъ, въ каждой провинціи „какихъ родовъ хлѣбы сѣютъ больше и плодовитъ ли выходитъ, разсуждая общую передъ посѣяннымъ прибыль", какого гдѣ больше скота содержатъ, какіе имѣютъ промыслы и ремесла, какіе гдѣ есть фабрики или рудные заводы, солеварни или озерная или морская самосадка; были также вопросы о распространенныхъ звѣряхъ и птицахъ, „вредныхъ гадинахъ", развалинахъ старыхъ городовъ или городищъ, объ островахъ въ Ледовитомъ морѣ и т. д. Затѣмъ требовалось, гдѣ есть какіе въ городахъ чертежи городовъ и окрестныхъ мѣстъ, а также лѣтописцы, то присылать ихъ въ подлинникѣ или точныхъ копіяхъ. Позже, въ 1764 г. Ломоносовъ предлагалъ поручить собираніе такихъ свѣдѣній и офицерамъ, командированнымъ для ревизіи душъ по Россіи, но это его предложеніе не имѣло успѣха. Въ Синодъ были посланы запросы о монастыряхъ и затребованы списки соборнымъ и приходскимъ церквамъ. Въ Камеръ-коллегію было сообщено о доставленіи въ академію извѣстій, „сколько въ каждой губерніи и провинціи уѣздовъ, селъ и деревень, и сколько ихъ въ каждомъ селѣ и деревнѣ мужеска пола душъ, для различія въ атласѣ величности деревень, чтобы не поставить на ландкартѣ весьма малыхъ и не пропустить бы великихъ" [1]). Всѣ эти старанія Ломоносова не оста-

[1]) Камеръ-коллегія отвѣчала, что переписка подобныхъ извѣстій потребуетъ много времени, и для такой работы у ней нѣтъ свободныхъ переписчиковъ. Тогда академическая канцелярія обратилась къ содѣйствію Сената, который приказалъ для переписки означенныхъ извѣстій отрядить въ Камеръ-коллегію десять человѣкъ солдатскихъ дѣтей изъ гарнизонныхъ школъ.

лись безъ результата. Въ 1763 г. онъ докладывалъ президенту академіи графу Разумовскому, что четыре тома отвѣтовъ на вопросы собрано и „уже на половину государства имѣемъ обстоятельную топографію“, что Синодъ, правда, оттоваривался. но по новому доношенію обѣщаетъ, и что изъ Камеръ-коллегіи присылаются реестры.

Одновременно Ломоносовъ вошелъ въ академическую канцелярію съ другимъ важнымъ предложеніемъ (съ которымъ неоднократно обращался ранѣе и Делиль) о снаряженіи трехъ, или хотя бы двухъ экспедицій для опредѣленія въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Европейской Россіи астрономической широты и долготы. Ломоносовъ намѣтилъ маршруты экспедицій. вычислилъ приблизительное количество верстъ, которое должна была сдѣлать каждая. опредѣлилъ стоимость ихъ, указалъ лицъ. которыхъ слѣдовало бы командировать (академика Румовскаго, адъюнктовъ Красильникова и Шмидта, поручика Курганова. и въ помощь имъ студентовъ), предложилъ. чтобы лица. имѣвшія отправиться въ экспедицію. производили метеорологическія наблюденія. отыскивали по городамъ мѣстныя лѣтописи. снимали „проспекты черезъ камеръ-обскуры“, записывали о свойствѣ и положеніи проѣзжихъ мѣстъ. вели бы повседневный журналъ всего приключавшагося съ ними. Но дѣло это оказалось на практикѣ трудно осуществимымъ. Сенатъ. правда. изъявилъ согласіе на отправку двухъ экспедицій и на отпускъ необходимыхъ средствъ. но требовалась еще санкція президента академіи графа Разумовскаго. Представленіе академіи было отправлено къ нему въ Малороссію, но отвѣтъ заставилъ себя ждать долго. Выписку необходимыхъ для экспедицій инструментовъ

принялъ на себя академикъ Тауберть, но онъ медлилъ съ этимъ дѣломъ, а затѣмъ и совсѣмъ отказался; поручили Штелину, но и онъ эту комиссію не выполнилъ. Наконецъ пришелъ отвѣтъ отъ графа Разумовскаго, который передалъ представленіе академической канцеляріи на разсмотрѣніе собранія академиковъ. Здѣсь Румовскій отказался отъ экспедиціи по нездоровью и возражалъ вообще противъ ея посылки [1]). Другой изъ намѣченныхъ участниковъ экспедиціи, поручикъ Курлановъ, также не сталъ дожидаться и занялъ мѣсто въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Между тѣмъ, въ концѣ января 1763 г. секретарь академіи Тауберть объявилъ академической канцеляріи предложеніе президента графа Разумовскаго (подписанное имъ еще 31 августа 1762 г.) о передачѣ управленія Географическимъ Департаментомъ академику Мюллеру. Ломоносовъ былъ глубоко оскорбленъ такимъ къ нему отношеніемъ и не подчинился распоряженію президента. Въ представленіи въ академическую канцелярію и въ письмѣ къ президенту онъ объяснилъ, что „о состояніи Географическаго Департамента донесено его сіятельству ложно“, что „о раченіи его (Ломоносова) о новомъ россійскомъ атласѣ не токмо Географическому Департаменту и академической канцеляріи, но и Правительствующему Сенату довольно извѣстно“, и указалъ затѣмъ, что имъ сдѣлано и дѣлается по составленію атласа, между прочимъ, что по его указаніямъ адъюнктомъ Шмидтомъ „сочинено уже девять россійскихъ ландкартъ“,

---

[1]) „Одного или двухъ знающихъ астрономію людей, доказывалъ Румовскій, для сего предпріятія недовольно, а академія довольнаго числа такихъ людей не имѣетъ. Въ другихъ академіяхъ предлагающія подобныя предпріятія особы сами оныхъ не только отправлять не отрекаются, но и примѣромъ своимъ поощряютъ.... и для лучшаго успѣха дѣлаютъ иногда двухлѣтнія приспособленія“.

которыя можно было бы гравировать и печатать, но дѣло сіе „нарочитымъ сопротивленіемъ остановлено“ [1]). Въ заключеніе, Ломоносовъ жаловался, что „вмѣсто награжденія за неусыпное его о Географическомъ Департаментѣ стараніе и успѣхи“ онъ долженъ испытать „горестное наказаніе“, заявлялъ, что Мюллеръ, какъ историкъ, совершенно непригоденъ для завѣдыванія Геогр. Департаментомъ и доказывалъ необходимость „оставить въ своемъ дѣйствіи прежнее опредѣленіе“ и принять мѣры къ тому, „чтобы сочиненныя и впредь сочиняемыя ландкарты, надлежащія къ новому Россійскому атласу, по довольномъ разсмотрѣніи оныхъ“ печатались „безъ опущенія времени и безъ всякихъ дальныхъ обстоятельствъ“.

Представленія Ломоносова, вѣроятно, не особенно понравились графу Разумовскому, который не обращалъ вниманія и на многія другія его прежнія предложенія, отчасти, дѣйствительно, бывшія очень рѣзкими и направленными противъ его нѣмецкихъ коллегъ по академіи. Какъ бы то ни было, въ маѣ 1763 года, въ Москвѣ, гдѣ тогда находился Дворъ, состоялся указъ Сенату о пожалованіи М. Ломоносова въ статскіе совѣтники и „вѣчною отъ службы отставкою съ половиннымъ по смерть его жалованьемъ“. Впрочемъ, это могло быть и отвѣтомъ на поданное Ломоносовымъ еще годомъ раньше на Высочайшее имя прошеніе объ увольненіи со службы, въ которомъ онъ жаловался на разстройство здоровья и на то, что онъ „обойденъ многими молодшими въ чи-

[1]) Какія были эти девять картъ, о которыхъ писалъ Ломоносовъ, остается неизвѣстнымъ; извѣстно только, что одна изъ нихъ была карта Петербургской губерніи. Въ архивѣ академіи наукъ, повидимому, этихъ картъ не сохранилось, и всѣ розыски, произведенные тамъ недавно по этому вопросу М. С. Боднарскимъ, остались тщетными.

нахъ“ и „тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь его сильно умножаетъ“. Слухъ объ отставкѣ Ломоносова вызвалъ большую радость у его противниковъ по Академіи, но Екатерина II почему-то скоро измѣнила свое рѣшеніе и черезъ 11 дней собственноручной запиской потребовала указъ къ себѣ обратно. Такимъ образомъ, Ломоносовъ оставался до смерти и академикомъ и завѣдующимъ Географическимъ Департаментомъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло атласа не подвигалось, тѣмъ болѣе, что ордеромъ президента отъ 17 апрѣля 1763 г. экспедиціи велѣно было „пріостановить“ [1]).

4 апрѣля 1765 г. Ломоносовъ скончался, а съ его смертью остановилось и все дѣло по составленію новаго Россійскаго атласа. И только по прошествіи 27 лѣтъ, въ 1792 году, Академія Наукъ осуществила, наконецъ, его намѣреніе—изданіемъ новаго, болѣе подробнаго (хотя нельзя сказать, чтобы всюду болѣе точнаго) атласа Имперіи. Послѣ его смерти, въ 1768 и 1769 гг., были осуществлены Академіей, по повелѣнію Екатерины II, и

---

[1]) Въ іюнѣ 1763 г. Екатерина потребовала отъ академіи составленія картъ съ обозначеніемъ на нихъ всѣхъ произведеній, которыми отличаются разныя мѣстности въ Россіи, и съ нанесеніемъ ежегодно на эти карты происходящихъ въ томъ измѣненій. Составленіе такихъ картъ поручено было академикамъ Тэуберту и Мюллеру подъ наблюденіемъ Теплова. Ломоносовъ увидалъ въ этомъ новую для себя обиду и новое препятствіе къ составленію Россійскаго атласа и не побоялся написать примѣчаніе на Высочайшее повелѣніе, въ которомъ доказывалъ всю неосуществимость подобнаго препятствія, а также вошелъ съ „нижайшимъ допошеніемъ“ въ Сенатъ, указывая на несоотвѣтствіе такого предпріятія государственной пользѣ. Въ результатѣ такого смѣлаго шага получилось недѣли черезъ три распоряженіе „поручить сочиненіе повелѣнныхъ россійскихъ картъ Ломоносову“. Какъ скоро это послѣдовало, отношеніе Ломоносова къ тому же предпріятію разомъ измѣнилось. Немедленно по его предложенію было постановлено академіей затребовать изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ необходимыя свѣдѣнія, и кромѣ того Ломоносовъ внесъ проектъ о составленіи „экономическаго лексикона россійскихъ продуктовъ... съ принадлежащими къ тому ландкартами“.

первыя изъ намѣченныхъ имъ экспедицій по Россіи, за которыми послѣдовали потомъ и другія экспедиціи членовъ Академіи Наукъ, значительно обогатившія, какъ извѣстно, новыми данными географію и естественную исторію Европейской и Азіатской Россіи.

Старанія же самого Ломоносова въ этомъ направленіи, какъ мы видѣли, не были успѣшны, и географія Россіи не обогатилась его трудами ничѣмъ существеннымъ и прочнымъ. Но вѣдь то же примѣнимо почти ко всѣмъ другимъ трудамъ Ломоносова, какъ въ области естествознанія, такъ и прочимъ. Какъ не геніальны были, напр., нѣкоторыя физико-химическія теоріи и взгляды Ломоносова, однако они не отразились на исторіи химіи, которая только черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти выступила на новый плодотворный путь благодаря великимъ открытіямъ Лавуазье. Какъ не замѣчательны многія идеи и наблюденія Ломоносова въ области геологіи и минералогіи, но они даже въ Россіи не подвинули этихъ наукъ, которыя начали свое развитіе только послѣ смерти Ломоносова, въ школахъ Вернера и Гаюи, къ которымъ примкнули и первые русскіе дѣятели въ этихъ областяхъ. Подобнымъ же образомъ не отразилась ничѣмъ плодотворнымъ и дѣятельность Ломоносова въ области географіи. О немъ скоро забыли, и ни въ области геофизики, ни въ изслѣдованіи полярныхъ странъ, ни въ географіи и картографіи Россіи дѣятельность Ломоносова не легла въ основу дальнѣйшаго движенія этихъ отраслей и вопросовъ землевѣдѣнія.

Въ этомъ—трагическая судьба нашего Ломоносова. Она обусловливалась отчасти временемъ, когда ему привелось жить, средой, въ которой ему пришлось дѣйствовать, окружавшими его непониманіемъ и интригами.

постоянной борьбой, которую онъ вынужденъ былъ вести съ „непріятелями наукъ россійскихъ“, съ нѣкоторыми изъ своихъ нѣмецкихъ коллегъ, въ этомъ corps fantasque, какъ называлъ тогдашнюю петербургскую Академію Наукъ Делиль, но отчасти также и массою принятыхъ имъ на себя разнообразныхъ обязанностей, отнимавшихъ у него время, не позволявшихъ ему сосредоточиться на любимыхъ занятіяхъ. Недруги Ломоносова обвиняли его въ томъ, что онъ за все брался и ничего не заканчивалъ, былъ высокаго о себѣ мнѣнія и не признавалъ никого лучше себя, и нельзя не признать, что сильно развитыя въ немъ честолюбіе и гордость заставляли его иногда, дѣйствительно, быть несправедливымъ къ мнѣніямъ и заслугамъ другихъ, а чрезмѣрная увѣренность въ своихъ силахъ и исканіе славы побуждали его брать на себя разныя порученія, которыя сильно отвлекали его отъ болѣе близкихъ ему и важныхъ научныхъ занятій, страдавшихъ отъ того въ ихъ производительности. Но въ его положеніи ему часто нельзя было отказываться отъ многихъ такихъ порученій; съ другой стороны, его пытливый умъ не позволялъ ему сосредоточиться на какой либо одной спеціальности, а мысль о просвѣщеніи, благѣ и славѣ Россіи влекла его всюду, гдѣ ему казалось, что онъ можетъ принести пользу своими занятіями, вліяніемъ, критикой, своей энергіей, смѣлостью и настойчивостью. И не мы, конечно, будемъ укорять память Ломоносова за то, что его научная академическая дѣятельность оказалась въ сущности безплодной для тѣхъ наукъ, которыми онъ особенно занимался. Она принесла великую пользу общему дѣлу русскаго просвѣщенія, она выдвинула впервые въ области знаній русскій геній, она доказала способность русскаго простого человѣка не только усваивать

себѣ передовыя идеи своего времени, но и идти своею мыслью впереди его, она осуществила собою первый примѣръ широко научно-образованнаго русскаго дѣятеля на скудной русской нивѣ, она положила начало русской высшей школѣ, она дала идею основанія Московскаго Университета.

И долгъ Россіи, русскаго образованнаго общества— высоко чтить память нашего великаго мыслителя и полигистора, не только достойнымъ признаніемъ его заслугъ, но и возможно болѣе полнымъ осуществленіемъ его завѣтовъ. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, хотя и народъ сѣверный, но напоминаемъ скорѣе народы южные склонностью быстро увлекаться, но такъ же быстро и остывать, чѣмъ нѣкоторыя сѣверныя націи, неуклонно и энергично идущія къ намѣченнымъ цѣлямъ культуры и прогресса. Признаніе высокихъ заслугъ Ломоносова давно уже вызвало мысль объ учрежденіи для пользы наукъ въ Россіи Ломоносовскаго Института, проектъ котораго, хотя, можетъ быть, и нѣсколько узкій, недостаточно соотвѣтствующій широкой научной дѣятельности Ломоносова, былъ недавно выдвинутъ Императорской Академіей Наукъ, однако, повидимому, онъ не встрѣтилъ пока надлежащаго сочувствія и поддержки въ подлежащихъ сферахъ, а въ будущемъ, пожалуй, и совсѣмъ будетъ оставленъ. Между тѣмъ, современное развитіе наукъ, въ частности — естествознанія и землевѣдѣнія, выдвигаетъ вопросъ о такихъ институтахъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ то показываютъ примѣры передовыхъ государствъ—Германіи, Франціи, Англіи, Америки. Академіи и ученыя общества теперь утратили прежнее значеніе и не могутъ замѣнить такихъ институтовъ, высшія учебныя заведенія преслѣдуютъ цѣли, главнымъ

образомъ, учебныя. Современная наука требуетъ много силъ и средствъ, требуетъ возможности для способныхъ людей отдаться ей вполнѣ, и этому могутъ удовлетворить только спеціальные институты, своего рода научные монастыри, гдѣ бы могли работать наши будущіе Ломоносовы, но трудясь безмятежно, не тратя напрасно силъ на повтореніе азовъ и на непрестанную борьбу за достоинство и интересы науки. Основаніе такихъ институтовъ было бы лучшимъ памятникомъ незабвенному Ломоносову: оно бы увѣковѣчило его имя созданіемъ новыхъ мощныхъ способовъ къ плодотворному развитію знаній въ Россіи. Оно бы открыло новые пути къ тому, чтобы усилія нашихъ Ломоносовыхъ не ограничивались только проблесками генія, но могли бы вызывать яркое его пламя, вносить новый свѣтъ въ великую область знанія и превращать потенціальную энергію нашихъ молодыхъ талантовъ въ двигательную силу созидательнаго научнаго творчества.

Д. Анучинъ.

Личность М. В. Ломоносова.

Рѣчь Временнаго Предсѣдателя Общ. Люб. Росс. Словесности.

I.

Шумно на улицахъ славнаго Новагорода. Садко богатый гость бьется о великъ закладъ, грозитъ повыкупить всѣ товары новгородскіе, не оставить „товаровъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку“.—А то проявился въ Новѣгородѣ удалой добрый молодецъ, Василій Буслаевичъ. Надѣлилъ его Господь силушкой немалою, не обидѣлъ и умомъ-разумомъ.

Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.

„А и нѣтъ у насъ такого пѣвца во славномъ Новѣгородѣ“, съ наивной гордостью прибавляетъ былина, „сопротивъ Василья Буслаева“. Неугомонная натура новгородскаго юноши неудержимо толкаетъ его на разныя молодечества. Онъ обиды чинитъ немалыя мужикамъ новгородскимъ и вызываетъ ихъ на смертный бой. „Съ молоду бито много, граблено“, признается Васька во время своего покаяннаго паломничества въ Іерусалимъ—градъ. Но и

подъ старость, когда онъ хотѣлъ „душа спасти“, онъ не можетъ укротить въ себѣ бурныхъ порывовъ и, не задумываясь, переступаетъ черезъ вѣковыя традиціи. Какъ настоящій нигилистъ древней Руси, Васька хвастается: „А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ“.

На легкихъ стругахъ новгородскіе ушкуйники, всѣ эти Васьки Буслаевы, дерзко пускались въ чужедальніе края—повольничать, поразбойничать, а не то поторговать товарами разными, понажиться золотой казны. Имъ ничего не стоило навсегда бросить свою родину и поселиться въ невѣдомой дотолѣ странѣ. Непосѣдливые новгородцы были классическими колонизаторами древней Руси. Колонизовали они и русское Поморье.

Вотъ какія картины изъ далекаго прошлаго приходятъ намъ на память, когда мы хотимъ представить себѣ тѣ историческія и бытовыя условія, среди которыхъ слагалась личность геніальнаго помора, М. В. Ломоносова. Поморье находилось въ родственной связи съ Великимъ Новгородомъ. Въ частности есть основаніе думать, что даже самый родъ Ломоносовыхъ былъ новгородскаго происхожденія.

На небольшомъ пространствѣ русскаго Сѣвера, на родинѣ Ломоносова, въ своеобразной комбинаціи переплелись культурныя традиціи трехъ историческихъ моментовъ. На старую новгородскую основу наслоились московскія вліянія періода, непосредственно предшествовавшаго Петру Вел.. Въ Холмогорахъ, гдѣ вообще было много грамотныхъ людей, существовала даже славяно-латинская школа, на подобіе московской славяно-греко-латинской академіи; здѣсь, какъ это было принято въ то время, устраивались ученые диспуты, ставились мистеріи,

разыгрывались театральныя дѣйства, распѣвались канты во вкусѣ XVII вѣка. Холмогоры были своего рода „Москвы уголокъ". Эти ростки новгородско-московской культуры попадаютъ затѣмъ въ атмосферу новой, преобразовательной эпохи. Чуждый косности, вольный Сѣверъ, уже давно развившій въ себѣ духъ отваги и инициативы, охотно отозвался на призывъ Петра. Въ первой четверти XVIII в. холмогорскій уѣздъ кипѣлъ бойкой, суетливой жизнью. Неумолкающій шумъ стоитъ на кораблестроительной верфи, на знаменитой Вавчужской верфи бр. Бажениныхъ, которыхъ лично зналъ и которымъ покровительствовалъ самъ царь Петръ. (Верфь Бажениныхъ славилась также своей обширной библіотекой). На пристани спастятъ и нагружаютъ торговыя суда, русскія и иностранныя, вооружаютъ военные корабли. Тамъ и сямъ виднѣются лѣсопилки, мельницы и всевозможныя мастерскія. Поморье было однимъ изъ базисовъ реформаторской дѣятельности Петра В., и здѣсь долго хранилась о немъ свѣжая память, ходили настоящія легенды о царѣ-преобразователѣ. Поморье было въ постоянныхъ сношеніяхъ какъ съ Москвой, такъ и съ Петербургомъ. Между прочимъ, одинъ изъ родственниковъ Михаила Васильевича, Никита Ломоносовъ нѣкоторое время прожилъ въ Петербургѣ.

Если ко всему сказанному прибавить величавыя черты сѣверной природы—это суровое море, эти сѣверныя сіянія,—то мы поймемъ, сколько сильныхъ, возбуждающихъ впечатлѣній давала родина Ломоносова каждому воспріимчивому уму.

Ломоносова не понять внѣ культурныхъ условій Поморья начала XVIII вѣка. Когда говоришь о такихъ геніальныхъ представителяхъ народа, какъ Ломоносовъ, всегда является соблазнъ приписывать имъ русскія обще-

національныя черты. Съ Ломоносовымъ нерѣдко такъ и поступаютъ. Но мы воздержимся отъ столь рискованнаго шага, памятуя, какъ часто злоупотребляютъ у насъ именемъ народа, какъ жонглируютъ этимъ понятіемъ безъ малѣйшей попытки вникнуть въ его конкретное содержаніе, какъ поэтому бываютъ діаметрально противоположны взгляды на сущность русской національной психологіи. Россія такъ велика и такъ разносоставна, и въ частности русскій крестьянинъ живетъ въ столь различныхъ физическихъ, экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, что было бы весьма рискованно говорить объ единой русской психологіи.

Не подлежитъ однако ни малѣйшему сомнѣнію, что Ломоносовъ — геніально-типичный представитель значительной части русскаго крестьянства XVIII в., не того крестьянства, которое придавлено властью земли, властью тьмы и властью всяческаго безправія, до крѣпостного права включительно, а той части русскаго народа, которой съ полнымъ основаніемъ можно приписать „*широкій размѣтъ душевной воли*“, употребляя выраженіе Гоголя. Эту характерную черту Гоголь отмѣтилъ у запорожскаго казачества, ее воспѣлъ Кольцовъ у своего Лихача Кудрявича, Никитинъ, а еще ранѣе Радищевъ и Герценъ нашли ее въ удали русскаго бурлака. [1]) Некрасовъ въ мужицкой

[1]) Русскій мужикъ, по наблюденіямъ Радищева, „въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ... Бурлакъ идущей въ кабакъ повѣся голову, и возвращающейся обагренной кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ Исторіи Россійской“ („Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, Глава „Софія“). Герценъ любовался „умными, развязными, бойкими физіономіями“ крестьянъ и удалымъ весельемъ бурлаковъ. „Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья“. „И потомъ въ бурю — какая дерзость, смѣлость, летитъ себѣ, а что будетъ, ни будетъ“ (Дневникъ 25 авг. 1843 г. и 11 іюня 1842 г.). Бѣлинскій „хорошими свойствами русскаго человѣка“ вообще готовъ былъ считать „бодрость, смѣлость, находчивость, сметливость, переимчивость“, „молодечество, разгулъ, удальство, — и въ горѣ и въ радости море по колѣно!“ (Вепг. VI, 185).

оргіи—Пиръ на весь міръ; это—та черта, которую самъ народъ выразилъ въ пословицѣ: „А и въ горѣ жить—некручинну быть"; это, наконецъ та черта, которой народныя старины надѣлили нашихъ богатырей и добрыхъ молодцевъ, въ родѣ упомянутыхъ нами новгородцевъ Васьки Буслаева и Садко, богатаго гостя.

Василій Буслаевъ — несомнѣнный, хотя и далекій предокъ Ломоносова. Ломоносовъ—тотъ же новгородецъ. но въ новой, культурной оправѣ, русскій поморъ въ европейскомъ ученомъ парикѣ. Изъ Поморья вынесъ Ломоносовъ свой физическій закалъ, здѣсь впервые воспиталъ онъ въ себѣ вольнолюбивый, свободный духъ, желѣзную настойчивость и положительный умъ.

Отойдемъ теперь въ сторону и окинемъ фигуру Ломоносова однимъ цѣльнымъ взглядомъ. Постараемся набросать общій портретъ Ломоносова и уловить центральныя свойства его личности.

II.

Героическая эпоха преобразованія нуждалась въ людяхъ исключительной физической и нравственной силы. въ людяхъ, способныхъ совершать настоящіе подвиги. и Россія дала Ломоносова.

Уже въ самой *внѣшности* Ломоносова было нѣчто богатырское. Высокій ростъ. атлетическое сложеніе, огромная физическая сила. „Я, будучи лѣтъ четырнадцати". вспоминалъ самъ Ломоносовъ. „побарывалъ и перетягивалъ тридцатилѣтнихъ сильныхъ лопарей". Его гренадерскимъ ростомъ за границей. какъ извѣстно. прельстился прусскій офицеръ. и завербовалъ его въ королевскіе гусары. Академикъ Ломоносовъ какъ-то разъ вечеромъ на Васильевскомъ островѣ легко справился одинъ съ тремя матросами, которые пытались ограбить его.

Въ крѣпкомъ тѣлѣ Ломоносова жила *мятежная* стихія вольнаго помора. Порою она проявляла себя взрывомъ бурныхъ страстей. За границей русскій студентъ предается неудержимому разгулу, то и дѣло выходя изъ рамокъ опредѣленнаго ему бюджета. Ему кажутся невыносимо стѣснительными всякія начальническія инструкціи и педантическій режимъ какого-нибудь Генкеля. Не думая о послѣдствіяхъ, Ломоносовъ сбрасываетъ съ себя ярмо менторовъ и творитъ собственную волю. Чуждый умѣренности и аккуратности и другихъ мѣщанскихъ добродѣтелей, студентъ Ломоносовъ свободно ввѣряетъ себя превратностямъ судьбы, въ полной увѣренности, что въ концѣ концовъ онъ одержитъ надъ ними побѣду.

Да и позднѣе, въ зрѣломъ возрастѣ, можно даже сказать, всю свою жизнь Ломоносовъ не былъ свободенъ отъ разныхъ „слабостей“ и даже „пороковъ“, не всегда умѣлъ сдерживать рѣзкіе порывы своего темперамента. Въ поведеніи Ломоносова всегда было много некультурнаго, и такъ нетрудно было бы осудить его съ точки зрѣнія нашихъ моральныхъ принциповъ и культурныхъ понятій. Но не забудемъ, что Ломоносова во многомъ оправдываютъ нравы его эпохи, а главное нужно помнить, что страсти и пороки въ психологіи великаго человѣка имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ психологіи рядовой личности. Къ Ломоносову мы можемъ примѣнить то, что когда-то было сказано Бѣлинскимъ по отношенію къ Печорину: „въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него“. И это потому, что, съ одной стороны, страсти и пороки великаго че-

ловѣка очень часто бываютъ показателями глубокой неудовлетворенности его страдающей души (какъ, напр., у Байрона), а, съ другой, за ними, „какъ молнія въ черныхъ тучахъ“, проблескиваетъ нѣчто безконечно цѣнное. Когда представляешь себѣ Ломоносова, особенно въ положеніи нѣмецкаго бурша, нельзя не залюбоваться именно широкимъ разметомъ его души, этимъ кипящимъ избыткомъ силъ. Въ другихъ случаяхъ и въ другихъ сферахъ тѣ же свойства его личности скажутся въ неутомимой активности, въ смѣломъ размахѣ мысли и воли, въ независимости характера. Все сведется къ одному психическому центру—къ глубинѣ и крѣпости духа. „Сила воли“, замѣтилъ еще Бѣлинскій, „есть одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ генія, есть его мѣрка“. *Воля* превалировала въ геніальной психикѣ Ломоносова. Въ немъ была какая-то стальная упругость, какъ въ пружинѣ, которая стремится оттолкнуть препятствія и развернуться до конца.

III.

Жизнь потребовала отъ Ломоносова огромнаго напряженія энергіи. Геніальному холмогорцу пришлось выдержать тяжелую *борьбу за существованіе*.

Прежде, когда мы думали, что Ломоносовъ сынъ бѣднаго рыбака, въ его бѣгствѣ въ Москву мы видѣли огромный подвигъ, для совершенія котораго нужны были выдающаяся энергія и неутомимая жажда знанія. Теперь мы знаемъ, что Ломоносова ожидала на родинѣ привольная жизнь богатаго помора. Онъ былъ единственный наслѣдникъ своего отца, и Василій Дорофеевичъ не безъ основанія соблазнялъ его возможностью выгодной женитьбы („зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые

и въ мою тамъ бытность предлагали", вспоминаетъ Ломоносовъ то, о чемъ писали ему съ родины). Но онъ пренебрегъ этими земными благами: пошелъ искать науки, „физики". Очищенный отъ легенды, поступокъ Ломоносова остается подвигомъ неменьшаго нравственнаго величія. Для духовнаго онъ умѣлъ жертвовать матеріальнымъ. Такъ было въ юности, такъ и впослѣдствіи, когда академикъ Ломоносовъ рѣшительно выражалъ готовность „за благополучіе наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ обстоятельства, не пожалѣть всего временнаго благополучія".

Въ качествѣ человѣка, „положеннаго въ подушной окладъ", Ломоносовъ прежде всего долженъ былъ завоевать себѣ *право на ученіе*. Съ этой цѣлью онъ принужденъ былъ прибѣгать даже къ прямымъ подлогамъ. Чтобы поступить въ московскую славяно-греко-латинскую академію, Ломоносовъ называетъ себя дворянскимъ сыномъ, не состоящимъ въ подушномъ окладѣ. И потомъ еще разъ, задумавъ отправиться въ экспедицію И. К. Кириллова въ качествѣ священника, онъ приписываетъ себѣ духовное происхожденіе. Смѣшно сказать, но и грустно подумать, что, если бы въ первой четверти 18-го вѣка полицейскій механизмъ дѣйствовалъ съ той же всесокрушающей точностью, какъ нынѣ,—истинное сословное положеніе нашего самозванца было бы немедленно раскрыто. Ломоносову не удалось бы попасть въ высшую школу, а намъ сегодня не было бы повода предаваться столь торжественному ликованію.

Рядомъ съ правовыми препонами Ломоносову нужно было преодолѣвать и *матеріальную* нужду. Объ его лишеніяхъ въ годы ученія всѣмъ намъ хорошо извѣстно. Но и потомъ, когда Ломоносовъ былъ уже профессоромъ

и академикомъ, передъ нимъ стоялъ неустранимый вопросъ о матеріальныхъ условіяхъ существованія. Нѣкогда Кантемиръ жаловался, что всѣхъ непріятнѣе тотъ путь, „что босы проклали девять сестръ“, что „наука ободрана, въ лоскутахъ обшита“, „ученыхъ хоть голова полна, пусты руки“, что „кто надъ столомъ гнется, пяля на книгу глаза, большихъ не добьется палатъ, ни разцвѣченна мраморами саду, овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду“. Эти жалобы сохраняли всю свою силу и для Ломоносова. Ему приходилось неоднократно и усиленно хлопотать о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для устройства лабораторіи и веденія научныхъ работъ. Ему приходилось доказывать простую истину, что науку нельзя держать впроголодь, какъ это думали представители власти и меценаты. Однажды въ письмѣ къ Шувалову отъ 10 мая 1753 г. Ломоносовъ высказалъ свой откровенный взглядъ на необходимость для ученаго имѣть извѣстное матеріальное обезпеченіе: „Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Воиля, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ“.

Какъ извѣстно, усилія Ломоносова въ этомъ отношеніи не всегда увѣнчивались успѣхомъ, но онъ многаго достигалъ, и въ частности его собственное матеріальное положеніе въ послѣдніе годы жизни можно назвать хорошимъ.

Ученому необходима не одна матеріальная обезпеченность, но и *нравственныя условія*, благопріятныя для работы. Намъ нечего особенно удивляться тому, что въ ломоносовское время ученый не былъ окруженъ тѣмъ уваженіемъ, на которое онъ въ правѣ разсчитывать. Правда, у науки были высокіе покровители: то вообще былъ вѣкъ меценатства. Но вѣдь Волынскій не постѣснился оскорбить дѣйствіемъ Тредьяковскаго, и самому просвѣщенному и гуманному Шувалову, видимо, доставляло удовольствіе стравливать Ломоносова и Сумарокова. Ученый долженъ былъ защищать свое человѣческое достоинство, понятое даже въ самомъ элементарномъ смыслѣ. Въ вѣкъ лести и униженія Ломоносовъ подавалъ примѣръ благородной независимости характера. Разъ, въ пылу законнаго негодованія, онъ произнесъ свою классическую отповѣдь вельможѣ-меценату: „Не токмо у стола знатныхъ Господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ... Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти—постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте“.

Иногда Ломоносовъ въ офиціальныхъ бумагахъ, какъ, напр., въ прошеніи, поданномъ императрицѣ Екатеринѣ

II въ 1762 г., открыто требовалъ признанія своихъ заслугъ передъ русской наукой и просвѣщеніемъ.

Ломоносовъ бралъ жизнь съ бою и умѣлъ отстаивать свое личное достоинство. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прекрасно сознавалъ, что самая организація ученыхъ учрежденій должна быть проникнута духомъ *свободы*. На самомъ себѣ онъ испыталъ всю острую горечь ненормальной зависимости дѣятелей науки отъ чиновниковъ академической канцеляріи. Главный импульсъ его ожесточенной борьбы въ академіи заключался въ стремленіи избавить „восходящія науки въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія", „отъ гонителей наукъ". Въ новомъ проектѣ академическаго устава Ломоносовъ ратовалъ за возможную самостоятельность ученой корпораціи. Въ проектѣ устава петербурскаго университета онъ также проводитъ мысль: „не худо, чтобы Университетъ и Академія имѣли какія-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были отъ полицейскихъ должностей".

Какъ видимъ, Ломоносовъ весьма трезво оцѣниваетъ окружающія условія и, несклонный ни къ какой идеализаціи, выставлялъ самыя раціональныя требованія, отъ которыхъ не откажется и современный русскій ученый.

IV.

Мужественный борецъ противъ внѣшней дѣйствительности, Ломоносовъ *не зналъ внутренняго разлада*. Мысль, слово и дѣло были у него въ дружномъ союзѣ. Въ психикѣ Ломоносова все было крѣпко спаяно. Одинъ изъ первыхъ русскихъ интеллигентовъ, онъ еще не зналъ тѣхъ интеллектуальныхъ мукъ, тѣхъ тонкихъ переливовъ чувства или страданій встревоженной совѣсти,

которые потомъ станутъ столь типичными не только для дворянской, но и для разночинской нашей интеллигенціи. Правда, есть извѣстіе, что въ юности Ломоносовъ на нѣкоторое время, изъ православія переходилъ въ расколъ и снова вернулся въ лоно православія, но, вообще говоря, Ломоносову были чужды испепеляющія душу сомнѣнія, рефлексія, убивающая волю. Отъ того онъ легче, чѣмъ позднѣйшіе интеллигенты въ томъ же XVIII в., рѣшался на поступки, которыхъ не могло не осуждать чувство гуманности.

Женившись за границей на нѣмкѣ, Ломоносовъ на долгое время бросаетъ жену, предоставляя ей съ помощью властей разыскивать своего мужа. (Хотя рядомъ съ этимъ извѣстно, что Ломоносовъ былъ добрымъ родственникомъ и внимательно заботился о своемъ племянникѣ Мишенькѣ, котораго помѣстилъ въ школу при Академіи Наукъ). Характеренъ для Ломоносова и такой эпизодъ. Служанка лаборанта Биттигера „безчестными словами“ сослала съ крыльца дочь Ломоносова и затѣмъ. „поворотясь задомъ и опершись о перила“, давала грубые отвѣты его женѣ. Нашъ ученый, не долго думая, велѣлъ „ту дѣвчонку посѣчь лозами, чтобы впредь фамилія моя отъ его служанокъ была спокойна“. Обо всемъ этомъ Ломоносовъ самъ сообщалъ въ оффиціальной жалобѣ на Биттигера. Не чувствуя ни малѣйшаго угрызенія совѣсти, Ломоносовъ подъ конецъ своей жизни былъ владѣльцемъ обширнаго помѣстья съ двумя стами крѣпостныхъ.

Вопросы соціальной этики въ ихъ острой постановкѣ были еще чужды Ломоносову. Да и въ процессѣ его мышленія не происходило значительнаго тренія, не

было мучительныхъ кризисовъ. Научное міросозерцаніе какъ-то сразу далось Ломоносову.

V.

Научное мышленіе Ломоносова характеризуется двумя главными чертами: широтой философскаго захвата и строгимъ реализмомъ.

Каковъ былъ Ломоносовъ въ своей личной жизни и практической дѣятельности, такимъ былъ и въ сферѣ научнаго мышленія. Его творческій починъ, крѣпкая настойчивость и независимость проявились въ той смѣлости и самостоятельности, съ какими онъ ставилъ и рѣшалъ проблемы науки. Ломоносовъ брался за самыя трудныя задачи современной ему науки, составлялъ грандіозные планы научныхъ изслѣдованій. Дерзкій, онъ не боялся никакой глубины. Темная пропасть невѣдомаго притягивала его къ себѣ и привлекала больше, чѣмъ ровный, хорошо освѣщенный путь. Если его смѣлыя исканія не всегда доводились до конца, то вина этого лежала не въ недостаткѣ духовныхъ силъ, а въ совокупности тѣхъ условій, которыми была обставлена научная работа Ломоносова.

Ломоносовъ не былъ только ученымъ спеціалистомъ, но и мыслителемъ, философомъ, который стремился на основѣ „вольнаго философствованія“ и „достовѣрнаго искусства“ выработать себѣ законченное научное міровоззрѣніе [1]). Недаромъ Ломоносовъ былъ ученикомъ Вольфа. Какими бы недостатками ни обладало ученіе Вольфа, но оно было законченной системой, подгото-

[1]) Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, мы воспользовались своей юбилейной статейкой „Культурная миссія Ломоносова“ (Р. Вѣд., 1911, № 257).

вившей дальнѣйшія системы великихъ идеалистовъ Германіи (Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля). Русскому ученому первой половины XVIII вѣка Вольфъ открывалъ невѣдомыя дотолѣ перспективы, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Ломоносовъ, какъ мыслитель, многимъ и притомъ весьма существеннымъ обязанъ именно Вольфу (можетъ быть, отчасти и Лейбницу). Еще Радищевъ отмѣтилъ связь Ломоносова съ Вольфомъ и писалъ въ своемъ словѣ о Ломоносовѣ (послѣдняя глава „Путешествія изъ Петербурга въ Москву"): „Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію въ храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика — вѣрныя дѣлать заключенія и убѣждаться одною очевидностью; метафизика преподала ему гадательныя истины, ведущія часто къ заблужденію; физика и химія,—къ коимъ, можетъ-быть, ради изящности силы воображенія прилѣжалъ отлично,—ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металлургія и минералогія, яко послѣдственницы предыдущихъ, привлекли на себя его вниманіе: и дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила въ оныхъ наукахъ руководствующія". Научно-философское міровоззрѣніе Ломоносова было пропикнуто тѣмъ же духомъ, что и философская система знаменитаго въ свое время нѣмецкаго философа, стремившагося примирить логическую дедукцію и эмпиризмъ, вѣру и знаніе, науку и жизнь, сдѣлать науку certam et utilem.

Чрезвычайную важность представляетъ фактъ, что первый русскій ученый обладалъ цѣлостно всѣми доступными тогда знаніями, что онъ былъ энциклопедистомъ и при этомъ не терялся въ дремучемъ лѣсу фактическихъ

знаній, а шелъ увѣренно, руководясь надежнымъ компасомъ философской мысли. Въ высшей степени знаменательно, что Ломоносовъ питалъ серьезное намѣреніе написать „Систему натуральной философіи“. Этой трудной задачи онъ не осуществилъ, но его попытки не забудутъ другіе русскіе натурфилософы, ученики Шеллинга и Окена. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ видныйшихъ представителей нашего философскаго романтизма, кн. В. Ф. Одоевскій, въ началѣ 40-хъ годовъ пригласитъ западныхъ собратьевъ по человѣчеству преклонить колѣна именно предъ Ломоносовымъ, „этимъ самороднымъ представителемъ многосторонней славянской мысли“, который „наравнѣ съ Лейбницемъ, съ Гёте, съ Карусомъ, открылъ въ глубинѣ своего духа ту таинственную методу, которая изучаетъ не разорванные члены природы, но всѣ ея части въ совокупности, и гармонически втягиваетъ въ себя всѣ разнообразныя знанія“. (Русскія ночи. Сочиненія Одоевскаго, ч. I, стр. 389). Въ общемъ характерѣ научныхъ стремленій Ломоносова Одоевскій справедливо видѣлъ нѣчто родственное романтической „многосторонности“. Эта интересная характеристика содержитъ однако существенную ошибку (типичную для Одоевскаго тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ): методъ Ломоносова отожествляется съ „таинственной методой“ романтической философіи. Недавно академикъ П. И. Вальденъ въ своей превосходной рѣчи „Ломоносовъ, какъ химикъ“ (Спб. 1911), также нашелъ возможнымъ примѣнить къ нашему ученому эпитетъ „*романтика*“, на томъ основаніи, что „какъ романтикъ, Ломоносовъ—ученый отличается поразительной скоростью умственныхъ реакцій“, что онъ обладаетъ богатой фантазіей и вдохновеніемъ поэта, и что его влекли къ себѣ общенаучныя,

широкія проблемы, можно сказать, основныя проблемы положительной науки (стр. 15—16). Характеръ научной работы Ломоносова опредѣленъ здѣсь съ поразительной мѣткостью. Но сказанное акад. Вальденомъ далеко не уполномочиваетъ насъ на выводъ, что Ломоносовъ былъ романтикомъ въ своей ученой работѣ. Въ натурѣ и мышленіи Ломоносова не было ничего романтическаго и мистическаго. Свое „вольное философствованіе“ онъ строилъ не на „таинственной методѣ“, а на „достовѣрномъ искуствѣ“.

Въ замѣчательномъ предисловіи къ переведенной имъ „Вольфіанской экспериментальной физикѣ“ Ломоносовъ дѣлаетъ сжатый обзоръ успѣховъ европейской науки, начиная съ эпохи Возрожденія, и опредѣляетъ общія условія, содѣйствующія „приращенію философіи и прочихъ наукъ, которыя отъ ней много зависятъ“. Самостоятельное и плодотворное развитіе науки и философіи стало возможно лишь съ тѣхъ поръ, какъ ученые освободились отъ рабскаго подчиненія авторитетамъ и отдались „вольному философствованію“. Это „вольное философствованіе“ должно находиться въ соотвѣтствіи съ данными научнаго опыта. „Нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искуствѣ“, т.-е.—сказали бы мы—на опытѣ и наблюденіи. Таковъ методъ новой науки, и Ломоносовъ убѣжденный его сторонникъ. Въ своихъ работахъ онъ держится всегда строго положительнаго, математически-точнаго метода. Ученые спеціалисты нашего времени именно въ этомъ видятъ прежде всего заслугу Ломоносова передъ наукой. Ломо-

носовъ говоритъ, напр., Б. Н. Меншуткинъ (Ломоносовскій сборникъ. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1911. Стр. 152) совершенно отрицалъ „таинственныя субтильныя матеріи (матеріи огня, свѣта, теплоты, тяжести и т. п.), столь характерныя для начала XVIII вѣка, которыя признавались и Христіаномъ Вольфомъ". „Отрицаніе этихъ матерій: атомистическая гипотеза, лежащая въ основаніи всѣхъ Ломоносовскихъ теорій; механическая точка зрѣнія, съ которой разсматриваются всѣ явленія,—все это позволяетъ ему выработать стройную систему, проникнутую однимъ общимъ началомъ и составляющую, какъ онъ писалъ Л. Эйлеру, цѣлую корпускулярную философію" (ib.).

Къ такому ученому трудно примѣнить эпитетъ романтика, какъ бы высокъ ни былъ полетъ его научной мысли, къ какимъ бы широкимъ обобщеніямъ ни приходилъ онъ. Логика и положительная наука всегда были на стражѣ всѣхъ процессовъ мышленія Ломоносова. Его богатая фантазія и поэтическій даръ не вступали въ конфликтъ съ его научнымъ мышленіемъ. Вѣдь творческое воображеніе бываетъ разнаго качества и сопутствуетъ каждому значительному акту научной мысли (см., напр., книгу Рибо о „Творческомъ воображеніи"). Само поэтическое вдохновеніе Ломоносова нерѣдко питалось его научными идеями: онъ умѣлъ эмоціонально переживать свои научныя идеи, находить въ нихъ источникъ поэтическаго воодушевленія. Ломоносовъ первый создалъ у насъ ту *ученую поэзію*, о которой такъ много говоритъ Гюйо въ своей книгѣ объ искусствѣ. Нашъ мыслитель сознаніемъ и чувствомъ постигалъ гармонію и телеологическій порядокъ космоса и преклонялся предъ величіемъ Творца вселенной. Это ученаго превращало

въ поэта. Памятниками такого научно-поэтическаго настроенія Ломоносова служатъ, напр., его извѣстныя „Утреннее“ и „Вечернее размышленіе“. Но поэтъ не побѣждалъ въ Ломоносовѣ ученаго. Напротивъ, скорѣе въ поэзіи онъ былъ болѣе ученымъ, чѣмъ поэтомъ. Бѣлинскій былъ правъ, говоря, что въ стихотвореніяхъ Ломоносова „умъ преобладаетъ надъ чувствомъ“, и это— потому, что „жажда къ знанію поглощала все существо его, была его господствующею страстью. Онъ всегда держалъ свою энергическую фантазію въ крѣпкой уздѣ холоднаго ума и не давалъ ей слишкомъ разыгрываться“ („Литер. мечтанія“). Того же въ сущности мнѣнія о поэзіи Ломоносова былъ и Пушкинъ. Геніальный размахъ научной мысли и высокое лирическое паренiе имѣли, конечно, одинъ психическій корень, но не уводили его воображенія за предѣлы реально мыслимаго. Ничто не способно было подавить въ Ломоносовѣ научнаго инстинкта и измѣнить его рѣшительнаго уклона въ сторону реализма.

Была еще одна важная сфера человѣческаго вѣдѣнія, гдѣ научно-реалистическое міровоззрѣніе неизбѣжно подвергается серьезному испытанію. Мы говоримъ о старомъ антагонизмѣ *науки и вѣры*. „Наука“, по выраженію Герцена, „требуетъ всего человѣка, безъ заднихъ мыслей, съ готовностью все отдать и въ награду получить тяжелый крестъ трезваго знанія“. Этотъ крестъ былъ особенно тяжелымъ для Ломоносова, — который видѣлъ вокругъ себя или первобытное невѣжество, или панический страхъ передъ „прелестнымъ“ разумомъ и всѣми „еллинскими борзостями“. Проблема объ антагонизмѣ вѣры и знанія уже трактовалась на Руси, и русскому ученому въ большей степени, чѣмъ Вольфу, при-

ходилось хлопотать о согласованіи двухъ великихъ началъ, чтобы обезпечить наукѣ свободное развитіе. „Правда и вѣра,—горячо доказывалъ Ломоносовъ,—суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя,—никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ". Природа, объектъ науки, это — одна книга, которую Создатель далъ роду человѣческому, а святое писаніе—другая. Въ книгѣ природы ученый открываетъ „красоту многообразныхъ вещей, и удивительную различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ".

Какъ религіозный мыслитель Ломоносовъ былъ, можно сказать, деистомъ типа Ньютона. Поучительны, напр., слѣдующія строки изъ его письма „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа":

Говѣть слѣдуетъ „больше духомъ, нежели брюхомъ" и великій постъ проводить „въ истинныхъ добродѣтеляхъ, трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ". Нужно ученіемъ вкоренить всѣмъ въ мысли, „что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубійства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества: что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему прекло-

няющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на конхъ весь законъ и пророки висятъ: Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго, какъ самъ себя“...

Ученый съ такими научными и религіозными воззрѣніями, какъ Ломоносовъ, не могъ не столкнуться съ представителями русской церкви. Среди тогдашняго духовенства было не мало „хулителей науки“, такихъ невѣждъ, какъ о. Пахомъ, котораго Ломоносовъ урезонивалъ примѣромъ восточныхъ учителей церкви.

Василій, Златоустъ, церковные столпы,
Учились долѣе, какъ нынѣшни попы.
Гомера, Пиндара, Демосѳена читали
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали,
Натуру общую всей протчей твари мать,
Небесъ, земли, морей старались испытать,
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть,
И важностью вещей сердца людски подвигнуть,
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.

Извѣстно, что св. Синодъ времени Ломоносова, отчасти имѣя въ виду и его научную дѣятельность, обнаруживалъ явную тенденцію взять науку подъ свою опеку, превратить ее по старому въ ancillam theologiae. Въ 1757 г., напр., Синодъ ходатайствовалъ о томъ, „дабы никто отнюдь ничего писать и печатать какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жестойчайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался“.

Ломоносовъ не переставалъ отваживаться на это и продолжалъ твердить всѣмъ безчисленнымъ оо. Пахомамъ, что „испытаніе натуры свято“. Ломоносовъ понимаетъ, что нельзя Божескую волю „вымѣрить цирку-

ломъ", но, съ другой стороны, было бы нелѣпо „по псалтырѣ" учиться астрономіи и химіи. „Физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы", смѣло пишетъ онъ, „каковы въ этой книгѣ (т.-е. въ Св. Писаніи) пророки, апостолы и церковные учители". Наука автономна, и Ломоносовъ требуетъ оффиціально, чтобы духовенству не позволяли „привязываться" „къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ", „а особливо не ругать въ проповѣдяхъ". Были моменты, когда рѣшительный конфликтъ между Ломоносовымъ и Синодомъ казался неизбѣжнымъ, когда Синодъ требовалъ для великаго ученаго жестокихъ каръ. Но, къ счастью, притязанія духовенства не имѣли успѣха, и Ломоносова миновалъ крестъ мученичества за науку.

VI.

По общему складу своего научнаго міровоззрѣнія и по характеру своей научной дѣятельности Ломоносовъ былъ ученымъ европейскаго типа. Но въ немъ была еще одна черта, характерная для русскихъ ученыхъ.

Ломоносовъ въ полной мѣрѣ чувствовалъ „пріятность" науки, то духовное наслажденіе, которое можетъ доставлять человѣку научная работа, такъ наз. чистая наука (какъ бываетъ „чистое искусство"). Но наука не заслоняла отъ него жизни. Геніальный ученый прозрѣвалъ далекія научныя перспективы, но видѣлъ и то, что происходило у него передъ глазами. Въ Ломоносовѣ было живо сознаніе гражданской отвѣтственности передъ страной: онъ отчетливо понималъ свою *культурную миссію*.

Исторія возложила на Ломоносова двойную миссію.

Съ одной стороны, нужно было оправдать притязанія, предъявленныя Петромъ Великимъ къ европейской культурѣ отъ имени русскаго народа, — и Ломоносовъ блестяще выполнилъ эту миссію. Съ другой стороны, надлежало науку сдѣлать творческой силой, зиждущей матеріальное и духовное благосостояніе страны. Колоссальная задача для того, кто двѣсти лѣтъ тому назадъ, какъ неустрашимый миссіонеръ, шелъ къ своимъ невѣжественнымъ сородичамъ съ евангеліемъ науки въ рукахъ. Отъ часослова чрезъ схоластику славяно-греко-латинской академіи Ломоносовъ поднялся на вершины тогдашней европейской науки. И оттуда взглянулъ на свою родину. Передъ нимъ раскинулась неоглядная, но невоздѣланная равнина, страна, бѣдная матеріально и нищая духовно. Правда, она уже сознала потребность новой жизни; Петръ Великій пробовалъ сорганизовать и усилить начавшееся броженіе. Но все находилось еще въ хаотическомъ состояніи; нужды страны были неисчислимы; права науки оставались неукрѣпленными въ общенародномъ сознаніи.

Глубоко чувствуя свою кровную связь съ народомъ, Ломоносовъ сквозь толстыя стѣны академіи улавливалъ тревожные голоса жизни и, вѣрный своему историческому призванію, съ лихорадочной поспѣшностью устремлялся туда, откуда раздавались болѣе настойчивыя требованія. Судьба роковымъ образомъ обрекла Ломоносова на разносторонній *энциклопедизмъ*. Какъ у всякаго истиннаго ученаго, у него была своя любимая спеціальность,— естествознаніе,—но онъ не хотѣлъ да и не могъ работать въ сферѣ одной научной дисциплины. Его геніальный умъ стремился охватить всѣ области человѣческаго вѣдѣнія; онъ одинъ хотѣлъ мыслить за многихъ. Это не

могло не ослаблять продуктивности его научнаго творчества, но его интеллектуальная мощь была такова, что вездѣ онъ сказалъ свое цѣнное слово.

Ломоносовъ сдѣлался энциклопедистомъ, какъ видимъ, по разнымъ причинамъ: и потому, что въ немъ была жажда цѣлостнаго знанія, и потому, что онъ торопился одинъ сдѣлать то, что, при другихъ условіяхъ, составило бы достаточное содержаніе ученой жизни нѣсколькихъ лицъ. (Для полноты картины, впрочемъ, слѣдуетъ припомнить и оффиціальныя требованія разнороднаго и случайнаго характера: власть съ легкимъ сердцемъ расточала геніальныя способности Ломоносова).

Ученый-энциклопедистъ. Ломоносовъ далѣе беретъ на себя роль *популяризатора* науки, что тогда было дѣломъ совершенно новымъ и крайне труднымъ, такъ какъ приходилось создавать самому русскій научный языкъ. Ломоносовъ борется съ этими трудностями и читаетъ научные курсы на *русскомъ* языкѣ. Мало того, со свойственной ему послѣдовательностью Ломоносовъ старается самъ первый реализовать идею о *прикладномъ значеніи* науки и примѣнить ее къ разнымъ практическимъ цѣлямъ (выработка стекла, мозаики и пр.). Тѣмъ же характеромъ отличались многочисленные проекты Ломоносова, касающіеся изслѣдованія Россіи и эксплоатаціи ея богатствъ. *Польза науки* была одной изъ самыхъ дорогихъ идей Ломоносова. Онъ весь былъ охваченъ мыслью о необходимости продолжать дѣло Петра Великаго, дѣло культурнаго строительства. Подобно послѣднему, Ломоносовъ видѣлъ въ наукѣ могущественное орудіе, съ помощью котораго можно воздвигнуть „великолѣпный храмъ человѣческаго благополучія“, и считалъ величайшимъ грѣхомъ не воспользоваться этимъ ору-

дѣемъ для Россіи, едва начавшей мѣнять свой культурный обликъ. Съ какимъ энтузіазмомъ говорилъ Ломоносовъ въ стихахъ и прозѣ о пользѣ наукъ, о томъ, что ученый „не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служитъ“! „Пространная и изобильная Россія“ особенно нуждается въ „искусствомъ утвержденныхъ рукахъ“. „О, вы, щастливыя науки!—восклицаетъ Ломоносовъ,—

Прилѣжны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину,
И степи, и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ“.

Ломоносовъ хотѣлъ видѣть Россію просвѣщенной и сильной, но сильной не внѣшнимъ могуществомъ, а правдой гражданскихъ взаимоотношеній. Онъ не выдвигалъ передъ читателемъ какихъ-нибудь острыхъ вопросовъ о соціальномъ равенствѣ: идеи естественнаго права если и были ему извѣстны (какъ предполагаютъ нѣкоторые, имѣя въ виду все то же вліяніе Вольфа), то не были усвоены положительнымъ умомъ Ломоносова, какъ руководящіе принципы. Его идеалъ — просвѣщенное, культурное государство, обезпечивающее своимъ гражданамъ законность и справедливость.

Воинственный задоръ былъ такъ характеренъ для современниковъ Ломоносова, что лирика главнымъ своимъ назначеніемъ считала прославлять кровавыя побѣды героевъ войны. Ломоносова не обольщалъ блескъ этой мишурной славы: въ лучшемъ случаѣ онъ допускалъ войну оборонительную, а, вообще говоря, предпочиталъ

всему скромную, но величавую богиню мира, „возлюбленную тишину“, при которой только и мыслимо культурное развитіе народа. Миръ (въ одной его одѣ) обѣщаетъ мечи и „копья вредны“ перековать въ плуги и серпы; тогда „пребудутъ всѣ поля безбѣдны“, „на мѣстѣ брани и раздора цвѣты свои разсыплетъ флора“. Ломоносовъ молилъ о томъ, „да всѣхъ глубокій миръ питаетъ; желѣзо браней да не знаетъ, служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ“. Императрицѣ Елизаветѣ онъ постоянно приписываетъ намѣреніе „размножить миромъ нашу славу, и выше, какъ военный звукъ, поставить красоту наукъ“.

Отъ „судій земныхъ“ и „державныхъ главъ“ поэтъ ждетъ водворенія законности, правды и гуманности:

Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ *правдою* щедроту,
Народну наблюдайте *лготу*,—
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Вотъ тѣ культурные идеалы, о которыхъ мечталъ великій ученый.

VII.

Въ своихъ гражданскихъ думахъ о родинѣ Ломоносовъ не разъ задавался вопросомъ о томъ, на кого въ концѣ концовъ можетъ возложить свои лучшія надежды истинный патріотъ. Въ первой половинѣ XVIII в. такъ естественно было ждать всего отъ *правительственной власти* и отъ просвѣщенныхъ меценатовъ. Въ то

время господствовалъ обычай, выражаясь языкомъ Радищева, „ласкати царямъ, нерѣдко недостойнымъ не токмо похвалы стройнымъ гласомъ воспѣтой, но ниже гудочнаго бряцанія“. Ломоносовъ слѣдовалъ тому же обычаю, но имѣлъ въ виду не столько личность восхваляемаго, сколько идею верховной власти. Напрасно мы стали бы искать въ одахъ Ломоносова портретовъ русскихъ правителей. Это — образы безъ лица. Изъ всѣхъ воспѣтыхъ Ломоносовымъ государей только одна императрица Елизавета имѣетъ кое-какія индивидуальныя черты. Кто бы ни занималъ престолъ въ данный моментъ, Ломоносовъ одинаково видѣлъ въ немъ лишь „державную главу“, источникъ силы, и стремился своимъ совѣтомъ направить эту силу къ культурнымъ цѣлямъ. Идеаломъ государя, истиннымъ воплощеніемъ просвѣщеннаго абсолютизма былъ для Ломоносова великій Петръ, и въ его устахъ не было высшей похвалы, какъ назвать правителя продолжателемъ дѣла Петра Великаго.

Похвальныя оды Ломоносова были въ сущности публицистикой или гражданской лирикой. Его паѳосъ въ основѣ своей всегда былъ вполнѣ искреннимъ, а вдохновлявшія его идеи (наука, народъ, Россія) столь возвышенны и значительны, что естественными кажутся и пареніе его напыщеныхъ стиховъ, и даже самыя миѳологическія существа: безъ чудесъ не обойтись въ томъ великомъ дѣлѣ, къ которому призывалъ Ломоносовъ своихъ современниковъ. Къ величавому полету ломоносовской мысли такъ шла самая форма торжественной оды.

Но къ кому бы изъ сильныхъ міра сего ни обращался Ломоносовъ, его помыслы больше всего прикованы были *къ русскому народу*. Онъ былъ націоналистомъ, но въ стилѣ Петра Великаго. Онъ старался, по

его словамъ, „защитить трудъ Петра Великаго, чтобы научились Россіяне, чтобы показали свое достоинство". Россія пока учится у Европы и должна учиться, но учится для того, чтобы затѣмъ зажить самостоятельной культурной жизнью. Открыто и послѣдовательно Ломоносовъ защищалъ и выдвигалъ „природныхъ россіянъ", какъ только они оказывались способными на ту культурную работу, для которой призывались иностранцы. Ломоносовъ искренно уважалъ такихъ иноземцевъ, какъ академикъ Рихманъ, и между прочимъ трогательно ходатайствовалъ за его осиротѣвшую семью. Въ письмѣ о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа онъ подавалъ даже идею привлеченія иностранцевъ въ Россію въ качествѣ простыхъ жителей, такъ какъ „нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не токмо одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣсть, отъ военнаго насильства удаленныхъ". Онъ не прочь для цѣлыхъ народовъ приготовить въ Россіи „безопасное нѣдро" и „всякія потребы". Такимъ образомъ, Ломоносовъ былъ далекъ отъ принципіальнаго недоброжелательства къ иноземцамъ или, что то же, отъ узкаго національзма, но ему такъ хотѣлось выдвигать природныхъ россіянъ всюду, гдѣ можно. Ломоносовъ, напр., высказывалъ пожеланіе, чтобы врачи и аптекари были по возможности изъ русскихъ. „Медицинской канцеляріи", писалъ онъ въ томъ же разсужденіи о размноженіи и сохраненіи народа, „подтвердить накрѣпко, чтобы, какъ въ аптекахъ, такъ и при лекаряхъ было довольное число учениковъ россійскихъ, коимъ бы они въ опредѣленное время своему искусству обучали и сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики россійскаго народа, будучи

по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, почти никакихъ лекарствъ составлять не умѣютъ, а ради чего? затѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ нѣмецкихъ, а русскіе при иготи, при рѣшеткѣ и при угольѣ до старости доживаютъ и учениками умираютъ; а нѣмецкими всего государства не наполнить. Сверхъ того недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много препятствуютъ". Таковы истинные мотивы національнзма Ломоносова.

Подобными же побужденіями больше всего руководился Ломоносовъ, добиваясь почета или награды для самого себя. Нерѣдко, въ качествѣ аргумента, онъ прямо указывалъ на то, что ему должно быть отдано предпочтеніе передъ иностранцами, какъ русскому. Награды онъ относилъ не столько къ себѣ лично, сколько къ своему дѣлу и своему положенію. Это, разъ писалъ онъ Шувалову, „больше отечеству, нежели мнѣ, нужно и полезно". Чтобы прославить русское имя, Ломоносовъ настойчиво желалъ избранія въ почетные члены иностранныхъ академій. Пуристы могутъ упрекнуть его за отсутствіе скромности, но его домогательствами двигало далеко не одно честолюбіе и личное самолюбіе, а и чувство національной гордости. Ломоносовъ вѣрилъ, что россійская земля можетъ рождать „собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ", вѣрилъ въ духовныя силы русскаго народа.

По глубокому убѣжденію Ломоносова, именно отъ такъ наз. *простого народа*, отъ степени его просвѣщенія и экономическаго благосостоянія зависитъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, „простирающихся къ приращенію общей пользы". Его геніальную мысль тревожатъ думы о конкретныхъ нуждахъ народной жизни: „о исправленіи зем-

ледѣлія", „о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ", „о лучшихъ пользахъ купечества", „о лучшей государственной экономіи", „о исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи", „о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа".

Ломоносовъ превосходно сознавалъ, сколь трудные вопросы берется онъ дебатировать. Онъ даже извиняется передъ И. И. Шуваловымъ за „дерзость, что, не имѣя къ тому надобной способности", касается „столь тяжкому бремени только изъ усердія", которое ему „не позволяетъ ничего (хотя бы только и повидимому) полезнаго обществу оставить подъ спудомъ". Въ сохраненіи и размноженіи россійскаго народа, по его словамъ, „состоитъ величество, могущество и богатство всего государства, а не въ обширности тщетной—безъ обитателей".

Прекрасное знаніе народной жизни вполнѣ оправдываетъ попытку Ломоносова выступить въ роли государствовѣда, независимо отъ того, былъ бы онъ знакомъ съ теоріями тогдашнихъ европейскихъ ученыхъ или нѣтъ [1]). Ломоносовъ зналъ, что говорилъ, и высказалъ рядъ глубокихъ мыслей по вопросу о размноженіи и сохраненіи народа, попутно набросавъ живыя картины русскаго быта (напр., при изображеніи масленицы и пасхи), порою одушевленныя глубокимъ юморомъ.

Въ качествѣ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ Ло-

---

[1]) И. К. Сухомлиновъ въ статьѣ „Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія" (Ломоносовскій сборникъ. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1911), старается установить связь между воззрѣніями Ломоносова и идеями эвдаймонистической философіи Вольфа. Непосредственнаго вліянія такихъ послѣдователей Вольфа, какъ І. П. Зюссмильхъ и І. Г. Г. фонъ-Юсти, онъ доказать не могъ, но рѣшается выставить гипотезу (стр. 170, прим. 1): „Можетъ быть, Ломоносовъ избралъ темою своего письма вопросъ о сохраненіи и размноженіи населенія, подъ вліяніемъ или труда *Euler'a*: Recherches générales sur la mortalité et la multiplication du genre humain, или труда *Bell'я*: Von den Quellen der Bevölkerung".

моносовъ рекомендуетъ правильную постановку народной медицины, облегченіе экономическаго и правоваго положенія помѣщичьихъ крестьянъ, упорядоченіе солдатскихъ наборовъ, уменьшеніе податнаго бремени и т. п. и, наконецъ, снова—распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Съ чувствомъ горькой обиды за русскій народъ говорилъ Ломоносовъ (въ другомъ мѣстѣ) о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя стояли на пути русскаго мальчика изъ посадской или крестьянской семьи. Европейскія государства,—разсуждаетъ онъ, — открываютъ свободный доступъ всѣмъ даже въ высшія учебныя заведенія, а у насъ въ Россіи, „при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ по 24-му пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушной окладъ въ университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать“.

Ломоносовъ на самомъ себѣ испыталъ всю тяжесть сословнаго неравенства и вытекающихъ отсюда ограниченій въ правѣ учиться. И неудивительно, что онъ съ такой энергіей вступается за интересы природныхъ россіянъ и въ частности „положенныхъ въ подушной окладъ“.

Свое знаменитое „Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“ Ломоносовъ окончилъ 1 ноября 1761 года. Прошло цѣлыхъ сто лѣтъ, пока народъ, освобожденный въ 1861 г. отъ крѣпостной зависимости, сталъ предметомъ болѣе или менѣе серьезныхъ заботъ со стороны земскихъ и другихъ общественныхъ организацій, распространявшихъ въ народѣ грамотность и насаждавшихъ медицину, т.-е. пока программа Ломоносова стала понемногу получать извѣстное осуществленіе. Про-

ходить еще полвѣка, а „конституціонная“ Россія снова стоитъ передъ фатальной задачей о сохраненіи россійскаго народа—отъ голода...

Медленно совершенствуется русская жизнь. Но на праздникѣ Ломоносова не должно быть мѣсто унынію. Онъ—весь энергія и вѣра. Пуще всего онъ вѣрилъ въ творческую мощь самого народа. „Россійскій народъ гибокъ“, говаривалъ Ломоносовъ. Россію, свою „возлюбленную мать“, онъ мыслитъ въ видѣ величавой царицы и проситъ „перваго живописца“ такой начертать ей образъ:

Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу,
И вознесенную главу.

Намъ легко и радостно раздѣлять гордыя надежды Ломоносова на праздникѣ Ломоносова. Именно въ немъ молодой русскій народъ впервые проявилъ геніальный порывъ своихъ творческихъ силъ. Ломоносовъ—первый русскій ученый, который сумѣлъ съ достоинствомъ „бросить нашу сѣверную гривну въ хранилищницу человѣческаго разумѣнія“ (по слову Герцена); онъ — великій избранникъ крестьянской Россіи, черезъ него она торжественно обручилась съ Европой. Ломоносовъ — наша исторически выстраданная слава, наша сбывшаяся надежда и вмѣстѣ повелительный призывъ къ работѣ для просвѣщенія, размноженія и сохраненія россійскаго народа.

П. Сакулинъ.

Ломоносовъ, какъ филологъ и поэтъ [1]).

Ваше преосвященство, милостивыя государыни и государи!

Ломоносовъ [2]), хотя самъ полагалъ, что онъ преимущественно физикъ и химикъ, не даромъ считается прежде всего филологомъ и поэтомъ: именно въ области языка и литературы онъ оказалъ сильное и прочное вліяніе.

Ломоносовъ создалъ русскій литературный языкъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ [3]); хотя, конечно, не творилъ изъ ничего, и у него были предшественники, какъ были и продолжатели.

Онъ написалъ первую обстоятельную русскую грамматику [4]), до сихъ поръ цѣнную: правда, больше практическую, однако подробную и не чуждую научности [5]). Замышлялъ онъ даже прямо язычныя изслѣдованія, собираясь писать, напр., „о сходствѣ и перемѣнѣ языковъ", „о сходныхъ языкахъ россійскому и о нынѣшнихъ діалектахъ" [6]). — Съ другой стороны онъ заботился и о житейскомъ обиходѣ, и о простой грамотности: предлагалъ устранить оиту, отмѣтилъ излишество одного „и" [7]), произвольность нѣкоторыхъ орѳографическихъ правилъ [8]).

Теорія построенія литературной рѣчи развивается у

Ломоносова въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“ [9]). Здѣсь говорится о разграниченьѣ въ литературѣ элементовъ русскихъ и церковнославянскихъ. Ломоносовъ указываетъ три рода россійскихъ словъ: славянорусскія (одинаково употребительныя въ церковныхъ книгахъ и въ просторѣчіи), чисто-славянскія и чисто-русскія. Примѣрами на первый родъ могутъ служить хоть слѣдующія: „братъ“, „слава“, „люблю“; на второй — „сонмъ“, „риза“, „вѣщаю“; на третій — „мужикъ“, „лошадь“, „пахать“ *). На основаньи этихъ разновидностей словъ Ломоносовъ и установилъ свои три стиля: высокій, средній и низкій [10]). Среднему стилю онъ присваивалъ слова русскія, съ незначительною примѣсью славянскихъ. Въ высокомъ стилѣ господствуютъ слова славянорусскія, и допускается сильная примѣсь славянскихъ; при чемъ, однако, разумно исключены слова „неупотребительныя и весьма обветшавшія, въ родѣ „обаваю“ (чарую, колдую), „свѣнѣ“ (кромѣ) [11]). Въ низкомъ стилѣ славянизмы вовсе не терпятся; зато въ немъ полагается примѣсь простонародная. — Особенно Ломоносовъ предостерегаетъ отъ неровности стиля: постановки рядомъ словъ высокихъ и низкихъ [12]).

Мы теперь склонны порицать Ломоносова за распредѣленіе разныхъ видовъ поэзіи по стилямъ, безъ оговорки, что стиль можетъ мѣняться въ одномъ и томъ же произведеніи, съ перемѣной изображаемыхъ предметовъ [13]). Впрочемъ и на это есть намекъ въ указаніи, что должно „разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ *мѣстахъ*“.

---

*) Примѣры эти большею частью принадлежатъ лектору: Ломоносовскіе примѣры недостаточно типичны.

Главный смыслъ Ломоносовскаго разсужденія для его современниковъ заключался въ ограниченіи церковнославянскихъ элементовъ; для насъ же, склонныхъ „перепро́стить“, не излишне подчеркнуть именно „пользу“ книгъ церковныхъ — давнишнюю зависимость нашего литературнаго языка отъ церковнаго и законность нѣкоторыхъ славянизмовъ [14]).

Въ связи со статьей о стиляхъ естественно упомянуть провáжную для своего времени Риторику [15]): это—теорія словесности, ученье о родахъ и видахъ литературы и пріемахъ словеснаго изображенія, съ примѣрами своего сочиненія [16]).

Пространными образцами того, что мы теперь называемъ риторикой, являются у Ломоносова два похвальныхъ слова: Петру Великому [17]) и Елисаветѣ Петровнѣ [18]), личностямъ, изъ которыхъ онъ (это не лишне оговорить) передъ одною благоговѣлъ, а другой былъ искренне преданъ [19]).

Какъ частность изъ теоріи словесности, мы видимъ у Ломоносова отдѣльно теорію стихосложенія: это—его „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“ [20]).

Ломоносовъ, какъ извѣстно, ввелъ въ русское стихотворство настоящій размѣръ, вмѣсто простого счета слоговъ—стихосложенье „тоническое“, взамѣнъ „силлабическаго“ [21]). Въ юности Ломоносовъ и самъ писалъ силлабическіе стихи. Такова его, очень милая для своего времени, басня:

Услышали мухи
Медовыя духи;
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Егда стали ясти,

Попали въ напасти:
Увязли бо ноги.
„Ахъ!“ (плачутъ убоги)
„Меду полизали,
А сами пропали“ [22]).

Тонику, правда, уже нѣсколько ранѣе предложилъ Тредьяковскій [23]), но онъ не былъ въ состояніи дать хорошіе образцы; а Ломоносовъ сразу заговорилъ звучными стихами.

Какъ главное отступленіе Ломоносова отъ Тредьяковскаго, отмѣтимъ, что онъ отвергъ его мнѣніе (потомъ имъ и оставленное), будто надо пользоваться однѣми женскими (двусложными) риѳмами, какъ наши первые стихотворцы въ своихъ виршахъ, да и самъ Ломоносовъ въ процитованной баснѣ. Это было плодомъ польскаго вліянія (прямого, или шедшаго черезъ Русь Югозападную): у Поляковъ, по свойству ихъ языка, съ постояннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ съ конца, очень много женскихъ риѳмъ и крайне мало мужескихъ [24]). Тредьяковскій, увлекаясь мягкостью женской риѳмы, утверждалъ, что чередованье женскихъ и мужескихъ окончаній — по французскому выраженію, „бракъ стиховъ“: „mariage des vers“. — порусски было бы столь же противно, какъ если бы восемнадцатилѣтнюю красавицу выдать за старика-арапа [25]). Ломоносовъ же, понимая, что хороша не только нѣжность, но и сила, основательно вышутилъ Тредьяковскаго, указавъ, что риѳма „востокъ — высокъ“, конечно, не хуже, чѣмъ „красовуляхъ—ходуляхъ“ [26]).

Стихотворныя произведенья Ломоносова, какъ извѣстно, большею частью оды (а именно—похвальныя и духовныя); но есть и другія. Таковы „надписи“—крат-

кія похвальныя стихотворенія на придворныя торжества; онѣ слабѣе, такъ-какъ писались по заказу [27]): по заказу же сочинены двѣ ложноклассическія трагедіи. Первая—„Тамира и Селимъ“, исторической канвой которой служитъ пораженіе и смерть хана Мамая; вторая—„Демофонтъ“, примыкающая къ сказаніямъ о троянской войнѣ [28]). Интрига и здѣсь, и тамъ—любовная.

Начата была Ломоносовымъ, но далеко не окончена героическая поэма „Петръ Великій“ [29]).

Образцомъ дидактики у него является посланіе Шувалову о пользѣ стекла, гдѣ можно усмотрѣть главную мысль, что вещь, на поверхностный взглядъ презрѣнная, можетъ имѣть великое значеніе [30]).

Ломоносовъ былъ преимущественно лирикъ [31]). Даже трагедіи, въ общемъ неудачныя, содержатъ недурныя лирическія мѣста [32]): а въ одахъ (хотя не всегда) слышится искреннее чувство и встрѣчается не мало красотъ.

Вспомнимъ хоть двѣ-три общеизвѣстныя строфы:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина:
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны, корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли [33]).

Или начало оды, выбранной изъ Іова [34]):

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно

Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ
И такъ его на распрю звалъ.

А вотъ начало „Вечерняго размышленія о Божіемъ величіи“ [35]):

Лице [36]) свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна [37]) тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.

Какъ хороши уже и слѣдующіе ранніе стихи:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ—
Ведетъ на верьхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой [38]).

Вообще, полагаю, по справедливости можно повторить слова Бѣлинскаго, что у Ломоносова „языкъ чистъ и благороденъ, слогъ точенъ и силенъ, стихъ исполненъ блеска и паренія“ [39]). Такъ не умѣли писать не только его предшественники, но и ближайшіе послѣдователи [40]). Если же Пушкинъ не признавалъ Ломоносова какъ поэта, то дѣлалъ это потому, что невольно сопоставлялъ его съ самимъ собой и другими отдаленными продолжателями [41]).

Стиховъ Ломоносовъ, очевидно, отнюдь не вымучивалъ изъ себя: дѣлать это, при многочисленности всякихъ научныхъ занятій, ему было бы положительно некогда [42]), и должно признать, что этотъ всеобъемлющій геній былъ и поэтическій геній.

По краткости предоставленнаго сегодняшнимъ ораторамъ времени, мнѣ пришлось ограничиться весьма краткимъ очеркомъ. Утѣшаю себя однако соображеніемъ, что и продолжительную рѣчь все равно было бы естественно закончить словами сонета Микеля Анджела въ честь Данта: „Всего о немъ не скажешь, что́ бы надо“—

Quanto dirne si dee, non si può dire [43]).

Р. Ѳ. Брандтъ.

Примѣчанія.

1) Назову здѣсь изъ литературы по занимающему насъ вопросу нѣкоторыя работы: Примѣчанія къ изданію „Сочиненія М. В. Ломоносова. Съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ". Томы I—IV. Санктпетербургъ, 1891, 1893, 1895, 1898.—Антонъ Будиловичъ. М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. С.-Петербургъ. 1869. Его же. Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Отдѣлъ II. Особенности его языка и стиля. Санктпетербургъ. 1871. Указанная часть Будиловичевыхъ матеріаловъ представляетъ алфавитные перечни: 1) словъ, употребляемыхъ нами въ иномъ смыслѣ, 2) словъ, употребляемыхъ нами въ иномъ видѣ, 3) словъ архаичныхъ, 4) словъ областныхъ, 5) эпитетовъ, 6) словосочетаній, 7) названій бытовыхъ, отвлеченныхъ, научныхъ, 8) словъ пришлыхъ, 9) именъ собственныхъ, историческихъ и географическихъ. Эти списки (отчасти, понятно, дополнивъ и исправивъ) слѣдовало бы развить въ подробное изслѣдованіе Ломоносовскаго языка.—Академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій: 1711—1911. Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка. Рѣчь А. И. Соболевскаго, произнесенная [1]) въ Торжественномъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 8 ноября 1911 года, въ память 200-лѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова. Санктпетербургъ. 1911.—Е(вгеній) Ѳ(едоровичъ) Карскій. Значеніе М. В. Ломоносова въ раз-

[1]) За отсутствіемъ автора, академикомъ Несторомъ Александровичемъ Котляревскимъ.

витіи русскаго литературнаго языка. Рѣчь, произнесенная 13 ноября 1911 года въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Варшавскаго Университета въ память 200-лѣтія со дня рожденія Ломоносова. Варшава. 1912.—1711 — 1911. М. В. Ломоносовъ. Сборникъ статей подъ редакціей В. В. Сиповскаго. С.-Петербургъ. 1911: Вѣра Дороватовская. О заимствованіяхъ Ломоносова изъ Библіи (стран. 33—65). Ольга Покотилова. Предшественники Ломоносова въ русской поэзіи XVII-го и начала XVIII-го столѣтія (стран. 66—92). Е. Грѣшищева. Хвалебная ода въ русской литературѣ XVIII в. (стран. 93—149). Т. Глаголева. Отзывы современниковъ и потомства о литературной дѣятельности М. В. Ломоносова (стран. 150—185).

2) Фамилія Ломоносовъ, всѣмъ намъ привычная, собственно довольно странная. Можно догадываться, что предокъ его, получившій прозвище „ломоноса", былъ большимъ забіякой, въ родѣ Васьки Буслаева, и, дравшись на кулачкахъ, ломалъ противникамъ носы, или что ему носъ сломали. Появилось было извѣстіе, сообщенное недавно скончавшимся потомкомъ сестры Ломоносова Марьи Васильевны, полнымъ сопменникомъ его Михаиломъ Васильевичемъ Ершовымъ (Утро Россіи, 8 ноября 1911 года, стр. 4, стлб. 5), будто тотъ принялъ свою фамилію только въ Москвѣ, а раньше пользовался, какъ фамиліей, отцовскимъ отчествомъ „Дорооеевъ"; замысловатость фамиліи Ломоносовъ въ такомъ случаѣ могла бы быть объяснена, какъ плодъ остроумія какого-нибудь отца-ректора. Однако теперь вполнѣ установлено, что это—родовая фамилія, возникшая гораздо раньше. См. у Б. Л. Модзалевскаго. Родъ и потомство Ломоносова. (Съ родословной таблицей). Ломоносовскій сборникъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. 1911. Ясныя указанья въ такомъ смыслѣ далъ уже въ XVIII столѣтіи академикъ Лепехинъ. Путешествія Академика Ивана Лепехина. Часть IV. Стр. 301. („О родѣ Ломоносова"). Въ ошибочности Ершовскаго показанія можно убѣдиться и своими глазами, по снимку съ подписи на подрядной записи 1726 года: Михайло Ломоносовъ руку приложилъ. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. Жизнеописаніе. Составилъ Б. Н. Меншуткинъ. 3-е изданіе. 1911.

3) Въ частности, какъ литературная рѣчь, выдвигается го-

воръ московскій: „Московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія, какъ А, много пріятнѣе“ (Грамматика, § 115, Сух., т. IV, стран. 52). Та же симпатія аканью выражается и въ стихотвореніи, направленномъ противъ Тредьяковскаго и его окончанія -*и* для мужескаго рода прикладковъ, стихотворенія, начинающемся: „Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся“, гдѣ говорится:

Великая Москва въ языкѣ толь нѣжна,
Что А произносить за О велитъ она.
Сухомл. соч., т. II, № XXV, ст. 7—8.

Замѣчу однако, что Ломоносовъ, несмотря на это, ни разу не позволилъ себѣ акальской риѳмы, въ родѣ „слава—право“, „поваръ—говоръ“: хотя насчетъ Ъ и Е, а также насчетъ согласныхъ онъ совершенно основательно правописаніемъ не стѣснялся, риѳмуя напр. „Елисавета—лѣта“ (т. II, XXIV, 11—12), „ощутитъ—видъ“ (II, XVIII, 103—106). Вопросу произношенія, кромѣ „Искусныхъ пѣвцовъ“, посвящено и другое стихотвореніе: „Бугристы берега, благопріятны влаги“ (томъ II, LXII, стран. 286), гдѣ говорится о трудности—по теперешнему, впрочемъ, небольшой—опредѣлить, какимъ словамъ свойственно г мгновенное (брага, гостинецъ) и какимъ—г проточное (благо, Господь), почему оно и озаглавливалось „О сомнительномъ произношеніи буквы *Г* въ россійскомъ языкѣ“; оно, очевидно, направлено противъ предложенія Тредьяковскаго (весьма, впрочемъ, разумнаго) различать эти два звука на письмѣ, для чего онъ предлагалъ въ смыслѣ перваго г употреблять соотвѣтственную букву съ верхомъ, сдѣланнымъ „въ видѣ молоточка“ (знакъ, вошедшій въ азбуку малорусскую).

4) Первое изданіе: Россійская грамматика Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1775 года. Сух. соч., IV, 5—224. Отмѣтимъ сужденія о Ломоносовской грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева: (Ломоносовъ, какъ грамматикъ. Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4-го апрѣля 1765—1865 г. Императорскимъ Московскимъ Уни-

верситетомъ въ торжественномъ собраніи апрѣля 11-го дня. Москва 1865. Стр. 67—74) [1]) и Якова Карл. Грота (Филологическія разысканія, изд. 2, т. II, Спб. 1876, стран. 48—69). суть которыхъ изложена у Сухомлинова, т. IV, примѣчанія, 43, и у Карскаго, Значеніе М. В. Ломоносова, 16. У Будиловича, въ книгѣ „М. В. Ломоносовъ", имѣется Приложеніе I. Грамматика Ломоносова: разборъ ея со стороны источниковъ и способа ими пользоваться; собраніе грамматическаго матеріала и его обработка, и какъ Приложеніе II: Матеріалы, служащіе къ объясненію „Грамматики" и „Плана филологическихъ изслѣдованій" Ломоносова. Какъ предшественники Ломоносова, должны быть упомянуты Генрихъ Вильгельмъ Лудольфъ, выпустившій въ 1696 году, въ Оксфордѣ, свою „Grammatica Russica" (С. Буличъ. Церковнославянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Ч. I. С.-Петербургъ 1893, стр. 57), впрочемъ Ломоносову, очевидно, неизвѣстную, и Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, краткая русская грамматика котораго, на нѣмецкомъ языкѣ, съ обычною тогда латинскою примѣсью, подъ заглавіемъ Начатки русскаго языка—Anfangs-Gründe der Russischen Sprache, напечатана въ книгѣ „Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, Sammt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и русскій Лексиконъ купно съ первыми началами русскаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи Наукъ печатаніемъ изданъ. St.-Peterburg, Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey. 1731". Въ предисловіи (An den Leser, Къ читателю) издатели говорятъ: „предлагаемъ Вамъ Доброхотный Читателю на Рускій языкъ переведенный Вейсманновъ Нѣмецко-Латинскій Лексиконъ" [2]). Грамматика занимаетъ 48 (собственно 46) страницъ. По словамъ Ломоносова она „весьма несовершенная и во многихъ мѣстахъ неисправная", но приговоръ этотъ слишкомъ строгъ. Предшественникомъ Ломоносова мы, вѣдь за

[1]) Здѣсь-же: О литературной дѣятельности Ломоносова Ц(иколая) С(аввича) Тихонравова. Стран. 75—88.

[2]) Воспроизвожу заглавіе точно, устраняя лишь готическія буквы, къ коимъ кое-гдѣ примѣшаны латинскія (Lexicon), да славянскія кси и зѣло.

Будиловичемъ, признáемъ и Мелетія Смотрицкаго съ его славянской грамматикой, которая у Ломоносова, да и у Ададурова, была „главною подкладкою". Буд., М. В. Л., стр. 68.

5) Ломоносовъ касается и родственныхъ языковъ, и языка вообще. Конечно, за нѣкоторыя частности можно его и упрекнуть. Такъ, нѣсколько странно, что онъ, примыкая къ Ададурову, механически понимаетъ слѣды двойнаго числа, какъ „родительный падежъ единственнаго", тогда какъ современникъ его Шлёцеръ понималъ ихъ вѣрно. (Грамм., § 486: „Два, три, четыре, въ именительномъ требуютъ родительнаго единственнаго". Aug. Schlözer. Ruszische Sprachlehre. I—II. А. Шлёцеръ. Русская грамматика. I—II. Съ предисловіемъ С. К. Булича. Спб. 1904. § 56). Впрочемъ для болѣе ранняго времени онъ не повторяетъ рѣшительнаго, легкомысленнаго утвержденья Тредьяковскаго, а говоритъ: „въ Славянскомъ языкѣ двойственное число его ли есть свойственное, или съ Греческаго насильно введенное, о томъ еще изслѣдовать должно". § 55. Не сумѣлъ, далѣе, Ломоносовъ оцѣнить, усвоить себѣ и развить намѣченное у Смотрицкаго (листъ 183) ученіе о глагольныхъ видахъ: „Види глагола суть два. Первообразный, иже и совершенный, яко чту, стою и прочая, и Производный, овъ убо начинательный, яко каменѣю, трезвѣю и прочая, овъ учащательный, яко читаю, ставаю и прочая".

6) Въ большей или меньшей мѣрѣ языковѣдными вышли бы и другія „филологическія изслѣдованія и показанія, къ дополненію грамматики надлежащія", перечисленныя въ изданьи Сухомлинова, томъ IV, стр. 233: 3. О Славенскомъ церковномъ языкѣ, 4. О простонародныхъ словахъ, 5. О преимуществахъ Россійскаго языка, 6. О чистотѣ Р. Я, 7. О красотѣ Р. Я, 8. О синонимахъ, 9. О новыхъ Россійскихъ реченіяхъ, 10. О чтеніи книгъ старинныхъ и о реченіяхъ Несторовскихъ, новгородскихъ и проч., лексиконамъ незнакомыхъ, 11. О лексиконѣ, 12. О переводахъ. Болѣе практическій характеръ имѣютъ направленныя противъ Тредьяковскаго „Примѣчанія на предложеніе о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ". Сух., IV, 1—4. Въ этомъ вопросѣ однако, въ извѣстномъ смыслѣ, можно стать на сторону Тредьяковскаго. Если ужъ различать, наперекоръ живой рѣчи, роды, то лучше ужъ различать всѣ три, а предложенныя для

того окончанія -ыи, -ые и -ыя довольно хорошо соотвѣтствуютъ старорусскому согласованію: сильніи мужи, красныѣ жены и малая ягнята [1]). Къ только что упомянутымъ „Примѣчаніямъ“ примыкаетъ шуточное стихотворенье о немузыкальности звука „і“: Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся. Т. II, XXV.

7) На дѣлѣ онъ, правда, сохранялъ ихъ, и для „і“ выставлялъ оправданіе, что оно устраняетъ (рѣдкое и представляющее неисправность рѣчи!) стеченіе буквы „и“, напр. „по вознесении Иисусовѣ“.—Здѣсь кстати можно упомянуть о наброскѣ шуточнаго діалога „Судъ россійскихъ письменъ, передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ“, т. IV, третья (болѣе полная) редакія, стран. 241—246. Въ этомъ діалогѣ стóитъ подчеркнуть слова „Ъ нѣмой мѣсто занялъ, подобіе какъ пятое колесо“, 246. Если Ломоносовъ не возставалъ противъ Ѣ, такъ потому, что его тогда въ отчетливомъ произношеніи отличали отъ „дебелаго“ *е*—„тонкостью“ (Грамм. § 104, Сух. IV, 49); даже Тредьяковскій, при чисто звуковомъ правописаніи, отождествлялъ *ѣ* съ *е* только въ началѣ словъ.

8) Таково упомянутое въ 5-омъ примѣчаньѣ различеніе, во множномъ числѣ прикладковъ, -е и -я; таковы у той же части рѣчи окончанія -ыи и -іи, вмѣсто которыхъ онъ чисто по-великороссійски писалъ -ой и -ей, допуская, однако, видно какъ славянизмы, также -ый да -ій—отчасти, для рѳмы: „нивы—счастливый“, II, XI, 23—24, „усерды—твердый“, II, LIV, 291—293, „токи—высокій“, II, X, 3—4, „языки—Петръ Великій“, Поэма П. В., Посвященіе, 39—40.—Сознавая чрезвычайную важность въ русскомъ языкѣ ударенія, Ломоносовъ принялъ за правило писать его на всѣхъ словахъ двоякаго выговора, напр., слóва и слова́, воро́та и ворота́, пото́мъ и по́томъ.

9) О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ. Томъ IV, стран. 225—232.

10) Хотя Ломоносовъ тройственностью стиля (или, какъ онъ произносилъ и писалъ, на нѣмецкій ладъ, „штиля“) примыкалъ,

---

[1]) Ломоносовъ—надо думать, лишь по недостаточному знакомству съ народными говорами, а не потому, что языкъ въ этомъ отношеніи послѣ него измѣнился—отрицаетъ самое существованіе весьма нерѣдкаго окончанія -ы въ великорусской рѣчи.

при посредствѣ учебниковъ московскихъ и кіевскихъ духовныхъ школъ, въ западной теоріи XVI вѣка de tribus dicendi characteribus: sublimi, infimo et medio [1]), разсужденіе его должно быть признано самобытнымъ.

11) Интересно бы опредѣлить, насколько самъ Ломоносовъ сумѣлъ воздержаться отъ словъ, уже слишкомъ устарѣвшихъ, что́, однако, опредѣлить не такъ легко: иной разъ намъ можетъ показаться непозволительнымъ архаизмомъ то́, что́ при немъ было вполнѣ допустимо. Мнѣ въ такомъ смыслѣ весьма подозрительны только два—слова „пробавить“ продлить и „увясти-увясть“ обвить, увѣнчать: „Хотѣлъ Я (Богъ) Россію бѣдъ водою И гнѣвною казнить грозою; Однако для заслугъ Твоихъ Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ“. Т. I, X, 65—68; „Вѣнцемъ зеленымъ увязенной... Владычицѣ Россійскихъ водъ“. I, LIV, 48—50.—Положительно не слѣдуетъ осуждать, хотя изгнанное изъ нашей литературы, несмотря на его преобладанье въ рѣчи малорусской и бѣлорусской, и появленіе даже въ областной великорусской (вятской), не говоря уже о народной поэзіи, безударное окончаніе-ти въ инфинитивѣ, какъ: Хотятъ подмыты го́ры па́сти. I, V, 136; Своей любви тайти древность. I, VII, 16; Не можетъ быти больше лживымъ. Тж., 50; Воздвигнути Петра по смерти, Гордыню сопостатовъ смерти. I, XVII, 5—6 и др. Также мы едва-ли въ правѣ возстать противъ нѣкоторыхъ необычныхъ теперь полныхъ формъ велительнаго наклоненія: Благословенна вѣчно буди. Т. I, X, 51; Рука Господня буди съ Нею. Тж., 346: И буди отъ враговъ ограда. II, LI, 123; Принуди къ миру ихъ. I, IX, 126; Услыши вся словесна плоть. II, XXXIV, 112.

12) Такія неровности попадаются у самого Ломоносова, въ видѣ неумѣстнаго появленія „низкихъ“ словъ, или же придачи славянскому корню русскаго окончанія: Въ *хладу* Балтійскихъ водъ. Т. I, IX, 137; Всевышній дастъ тебѣ въ *талантъ* лучшу часть. Тж., 250; Орлы на *тое* не взираютъ. Т. I. X, 145; Про-

---

[1]) Карскій, Значеніе М. В. Ломоносова, стран. 8—9, со ссылкой на А(ѳанасія) П(етровича) Каблуковскаго: Объ источникахъ Ломоносовскаго ученія о трехъ стиляхъ. Изъ Сборника статей по Славяновѣдѣнію, посвященныхъ профессору Маріану Степановичу Дринову его учениками и почитателями. Харьковъ 1908. Стран. 83—89.

стри свое чрезъ воды око, Коль много обнялъ *Горизонтъ* Тж., 173—174; Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ Предъ Божьимъ гнѣвомъ *гниль* и тлѣнъ. Тж., 207—208; Но тѣ свѣтляе веселятся,... *Которымъ* Вышній Самъ покровъ, I, XII, въ концѣ; Величеству лица геройскаго *чудится*, I, XLIX, 5, 13; Обильные *луга*, прекрасны брега рѣкъ. П. В., Посв. 37; Среди тождественнаго звуку, II, LIV, 21.—Самъ осуждая окончанье -у вм. -а у словъ болѣе высокаго, книжнаго оттѣнка (Грамм., § 172 и 173), Ломоносовъ видимо, любилъ народное -у, и пользовался имъ иногда даже помимо требованія риомы, напр.: Не лучше ли просить отъ вѣрныя совѣту?... Однако ждать могу ль утѣшнаго отвѣту? Там. и Сел., I, 2, строки 77 и 79; Отъ року бѣгая, на явный рокъ дерзаю. Тж., III, 8, строка 936 [1]). Это -у является и въ прозѣ: Отъ геройскаго ли виду и возраста. Похв. слово П. В., т. IV, стран. 367, строка 15; при вратахъ пресвѣтлаго Ея дому. Похв. сл. Ел. П., т. IV, стран. 264, строка 8. Правда, у слова „домъ“ окончаніе -у—древнее.

13) Такъ, напр., басня, будучи написана низкимъ стилемъ, можетъ начинаться съ поэтическаго, высокостильнаго описанія бури.—Допустимо иногда и смѣшеніе стилей въ одной и той же фразѣ; самъ я, по крайней мѣрѣ, позволилъ себѣ сочинить такіе стихи: „Но чваниться ещё тебѣ не слѣдъ: И я, быть можетъ, спесь твою низрину“ (Освожд. Ерус., п. VII, окт. 84), и оправдываю ихъ тѣмъ, что здѣсь говорится о врагѣ съ презрѣніемъ, а о себѣ—съ гордою надеждой.

---

[1]) Ссылаюсь именно на строки, а не на стихи, по счету Сухомлинова—ср. т. I, стр. 227 (д. I, явл. 3):

Тамира.
Любезная моя и вѣрная Клеона,
Коль тяжко мучусь я!
Клеона.
О небо!
Тамира.
Ахъ, Селимъ!
Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можетъ быть, своимъ...
Клеона.
О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать?

14) Иныя славянскія черты до того впитались въ русскій языкъ, что объ устраненіи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ выговоръ „надежда“ пересталъ быть книжнымъ, и чисто-русскій „надёжа“ сталъ простонароднымъ; такъ „осуждённый“ представляетъ выговоръ смѣшанный: славянскій по смягченію, и русскій по ёканью; такъ „глаголъ“, въ качествѣ грамматическаго термина, уже не чувствуется какъ славянизмъ. Нашъ Ломоносовъ училъ (Грамм., § 343, Сух. IV, 127—128), и конечно справедливо, что причастія на -щій — формы церковнославянскія, со *щ* вмѣсто русскаго *ч*—могутъ производиться только отъ тѣхъ русскихъ глаголовъ, кои совпадаютъ со „славенскими“ и по звукамъ, и по значенію, и вовсе не должны употребляться въ просторѣчіи, „ибо причастія имѣютъ въ себѣ нѣкоторую высокость“, а теперь мы ими пользуемся гораздо свободнѣе [1]).

15) Ломоносовъ написалъ *двѣ* риторики—болѣе сжатую и болѣе пространную. Первая, „Краткое руководство къ Риторикѣ“, была готова въ 1744 году, но напечатана только Сухомлиновымъ, томъ III, стр. 13—77; вторая, „Краткое руководство къ краснорѣчію. Книга первая, въ которой содержится Риторика“, вышла въ 1748 году. (У Сухомлинова—т. III же, стран. 79—352).

16) Примѣры, если не собственнаго сочиненія, то собственнаго перевода. Риторика „представляетъ собою замѣчательное собраніе, въ отрывкахъ, произведеній, какъ самого автора, такъ и писателей разныхъ временъ, различныхъ эпохъ и народовъ, отъ Цицерона до Эразма Ротердамскаго, и отъ Виргилія до Камоэнса. Книга Ломоносова знакомила читателей съ разнообразнымъ направленіемъ человѣческой мысли, отъ ученія стоиковъ и отцевъ церкви до философской системы Лейбница и Вольфа“. Сух., т. III, стр. V. „Появленіе въ печати Риторики Ломоносова было своего рода событіемъ въ нашей литературѣ. Трудъ Ломоносова заключалъ въ себѣ всѣ достоинства, удовлетворялъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, о которыхъ могла быть рѣчь при общемъ уровнѣ литературной образованности того времени“. Тж., стран. IV.

---

[1]) Въ употребленіи самого Ломоносова замѣчателенъ одинъ случай, гдѣ изъ-за суффикса -щій корню придана славянская огласовка: „крыющагося внутрь“. Похв. сл. П. В., т. IV, стр. 364, стр. к. 21.

17) Слово похвальное блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государю Императору Петру Великому въ торжественное празднество коронованія Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія [1]) въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Академіи Наукъ говоренное Михайломъ Ломоносовымъ Апрѣля 26 дня 1755 года. Сух., т. IV, стран. 361—391.

18) Слово похвальное Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской, на пресвѣтлый и тождественный день восшествія на престолъ Ея Величества ноября 25 дня, который празднованъ въ Императорской Академіи Наукъ публичнымъ собраніемъ ноября 26 дня 1749 года, говоренное Михайломъ Ломоносовымъ. Сух., т. IV, стран. 249—271.

19) Елисавета для Ломоносова преимущественно есть „Петрова Дщерь“. См. хоть въ Похвальномъ ей словѣ, т. IV, стран. 251, строка 13, 258, 24, 259, 1, 260, 11, 266, 17, 268, 6—7, или въ одѣ 1746 года на праздникъ восшествія ея на престолъ, т. I, № XVI, строки 50, 119, 153, 169.—Про Петра, не говоря уже о похвальномъ ему словѣ и о начатой въ честь его поэмѣ, упоминается при всякомъ подходящемъ случаѣ, напр., въ словѣ, посвященномъ Елисаветѣ, стран. 251, строка 12, 252, 9—10, 255, 10—11, 256, 4, 258, 34, 266, 30, 268, 5, 269, 16, въ одѣ подъ № VII въ I-мъ Сухомлиновскомъ томѣ (и въ ея передѣлкѣ, № VIII), строфа 4, стихи 37—38, въ № X, строфы 34—35, въ № XI, строфы 4, 6, 7, 14, въ № XV, 2, 4, (здѣсь же выраженія: О вѣтвь отъ корене Петрова! и Дражайшее Петрово племя! 15 и 16), въ № XVI, стихи 21—30, 134, 149—150, 190 (здѣсь же, ст. 169, выраженіе „духъ Петровъ“). Особенно сильно сказано про Петра, что Богъ „послалъ въ Россію человѣка, каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка“, Т. I, № XXI, стрф. 7, и еще „Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія“. Т. I, № XI, ст. 125.

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что Ломоносовъ охотно пользуется славянскимъ окончаніемъ -ыя, -ія вмѣсто русскаго -ой, но никогда не употребляетъ сильно устарѣвшаго -ѣй въ дательно-мѣстномъ падежѣ, т.-е. чего-нибудь въ родѣ „добрѣй женѣ“, „о велицѣй славѣ“.

20) Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства. Т. III, стран. 1—11. Оно было прислано въ 1740 году изъ Германіи въ Россійское собраніе, учрежденное, „для исправленія языка русскаго“, при Академіи Наукъ, въ 1735 году; напечатано же было лишь послѣ смерти автора, Дамаскинымъ, въ изданіи Сочиненій 1778 года.

21) Ломоносовъ указываетъ на то, что тоническій размѣръ свойственъ вообще новымъ языкамъ, что и французы, стихи которыхъ онъ сильно порицаетъ, могли бы писать тонически. У Итальянцевъ (издавна приближавшихся къ тоникѣ) и у Поляковъ въ болѣе новое время мы видимъ довольно рѣшительный поворотъ къ тоникѣ.

22) Стихи эти впервые приведены Лепехинымъ, какъ „Сочиненіе Г. Ломоносова въ Московской Академіи за учиненный имъ школьный проступокъ. Calculus dictus“, при чемъ прибавлено также „Надпись Учительская Pulchre“, а затѣмъ „Стихи на туясокъ“ (т. е., должно-быть, берестяной тюрикъ съ медомъ) и еще: „Получены отъ Г. Кочнева 31 Іюля 1788 года“. Путешествія академика Ивана Лепехина, томъ IV, стран. 303.

23) Ломоносовъ могъ бы взять тонику просто у Нѣмцевъ, или, какъ Тредьяковскій, „изъ народныхъ пѣсенъ“; но извѣстно, что онъ примкнулъ къ Тредьяковскому, коего „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“, напечатанный при Академіи въ 1735 году, хорошо былъ знакомъ Ломоносову: „Книгу эту“ онъ „взялъ съ собою при отъѣздѣ въ чужіе края, и внимательно изучалъ ее, что показываетъ рядъ замѣтокъ покрывающихъ ея страницы“. Сух., т. III, примѣч., стран. 6. Если же Ломоносовское „Письмо“ не начинается, что намъ можетъ показаться обязательнымъ, съ прямой ссылки на „Новый способъ“, такъ это можно оправдать тѣмъ, что „Собраніе“ безъ сомнѣнія знало о книгѣ одного изъ своихъ сочленовъ, а кромѣ того Ломоносовъ ясно намекаетъ на руководство своего предшественника не только разсужденьемъ о женскихъ рифмахъ (о коемъ рѣчь впереди), но и упоминаньемъ (т. III, стран. 4, строки 18—19) о „корольпаріи“ (резюме), въ которомъ одно изъ правилъ тоническаго стихосложенія „щастливо предложено“.

24) Это объясненье указано уже самимъ Ломоносовымъ.

Односложную рѳѳму попольски дают только слова односложныя, да и тѣ подъ условіемъ, чтобы ударенье не переходило съ нихъ на предлогъ, или на отрицаніе.

25) Тредьяковскій. Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до его надлежащихъ знаній. Чрезъ Васілья Тредіаковскаго С.-Петербургскія Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Напечатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. MDCCXXXV. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ. Санктпетербургъ 1865. III. Страница 17—74.

26) Въ теоріи Ломоносовъ, какъ общій Русскимъ съ Итальянцами (онъ могъ бы добавить, и съ Нѣмцами), выставляетъ еще третій родъ рѳѳмъ: рѳѳмы, „три литеры гласныя въ себѣ имѣющія“ или, сокращенно, „тригласныя“, но мы у него видимъ на нихъ лишь одинъ примѣръ, въ „тетраметрахъ изъ анапестовъ и ямбовъ сложенныхъ“: „побѣдителю—возбудителю“. Соч., III, 10, то же, I, 22, а также (не сполна) у меня въ Басняхъ, первый рядъ, предисловіе, стран. XIII, примѣчаніе къ XII.

27) Эти надписи иногда сочинялись сперва понѣмецки другими академиками, и Ломоносовымъ только переводились; то же самое относится и къ нѣкоторымъ одамъ. Нѣмецкіе подлинники приводятся у Сухомлинова.

28) Тамира и Селимъ. Трагедія, Михаила Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1750 года. Сух. I, 221. Мы назвали бы эту вещь не трагедіей, а драмой, т. к. развязка счастливая: бракъ Селима съ Тамирой, послѣ убіенія его коварнаго соперника, Мамая.—Демофонтъ. Трагедія, Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при И. А. Н. въ 1752 году. Передъ самыми трагедіями имѣется „Краткое изъясненіе“: изложенье предшествовавшихъ дѣйствію обстоятельствъ.

29) Петръ Великій. Героическая поема Михайла Ломоносова. Сух., II, 181. Всего 2 пѣсни (I-ая въ 632 александрійскихъ стиха, II-я—въ 554) и посвященіе: Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Шувалову, генералу порутчику, генералу адъютанту, дѣйствительному камергеру, Московскаго университета куратору, и орденовъ Бѣлаго орла, Святаго

Александра, Святыя Анны кавалеру,—въ 64 александрійца. (Помѣчено 1 ноября 1760 года).

30) Письмо о пользѣ стекла къ дѣйствительному Ея Императорскаго Величества каммергеру и орденовъ Святаго Александра и Святыя Анны кавалеру его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову отъ коллежскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова. Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1752 года. 440 александрійцевъ. Сух., II, 90.—Отмѣтимъ здѣсь кстати, что Ломоносовъ написалъ и нѣсколько *басенъ*: о ряженомъ волкѣ („Лишь только дневной шумъ умолкъ", I, XXXI, стр. 175), объ утонувшей упрямицѣ („Женитьба хорошо, да много и досады", I, XXXII, стр. 177), о старикѣ съ сыномъ и съ осломъ („Послушайте, прошу, что старому случилось", I, XXXIII, стр. 178), Притчу („Свинья въ лисьей кожѣ", II, XLI, стр. 174). Здѣсь же напомню про *шуточныя стихотворенія* „Гимнъ Бородѣ" (II, XXIX, стр. 137) и остроумную защиту новаромъ Коперниковой системы („Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру", II, XLVIII, стр. 225).

31) Однако любовная лирика, столь обычная у большинства поэтовъ, у Ломоносова почти вполнѣ отсутствуетъ; таковы лишь двѣ маленькія, такъ сказать, „образечныя" пьески VIII, 10 (онѣ же, I, 22), да переводы изъ Анакреона.

32) В. Мочульскій. М. В. Ломоносовъ, какъ драматургъ. Рус. Филолог. Вѣстн., томъ LXVI, 1911 г., стр. 312.

33) Ода 1747 года на праздникъ восшествія на престолъ Елисаветы Петровны. Т. I, № XXI, стран. 144. Приведу и полное заглавіе, очень длинное, но не безынтересное, т. к. въ немъ сквозитъ мысль, что воспѣвается не столько правленіе Елизаветы, сколько благость просвѣщенія: Радостныя и благодарственныя восклицанія Музъ Россійскихъ, прозорливостью Петра Великаго основанныхъ, тщаніемъ щедрыя Екатерины утвержденныхъ и несказаннымъ великодушіемъ Ея Императорскаго Величества Пресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія обогащенныхъ, оживленныхъ и возстановленныхъ, которыя на пресвѣтлый и всерадостный праздникъ восшествія на всероссійскій престолъ Ея Величества ноября 25 дня 1747 года приноситъ всеподданнѣйшая Академія Наукъ.

34) Ода, выбранная изъ Іова, глава 38, 39, 40 и 41. Сух., т. I, № LXIV, стран. 310.

35) Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія. Т. I, № XIII, стран. 109.

36) Сохраняю странно-архаичное написанье слова „лицо" черезъ *е*, не только потому, что оно до сихъ поръ не вполнѣ вывелось, но и потому, что Ломоносовъ д. б. въ такомъ высокостильномъ мѣстѣ дѣйствительно произносилъ „лицä своjä". Ср. въ Грамматикѣ (§ 104, Сух. IV, 49) оговорку къ указанію русскаго произношенія: „Сіе произношеніе больше употребительно въ обыкновенныхъ разговорахъ; а въ чтеніи книгъ и въ предложенія рѣчей изустныхъ къ точному выговору буквъ склоняется". Согласно этому литературному „эканью", Ломоносовъ и риѳмуетъ обыкновенно: свѣтъ—цвѣтетъ I, № V, 194—195, кипѣла—видитъ житель се́ла, I, V, 118—119, ледъ—слѣдъ, I, VII, 57—59, орелъ—стрѣлъ I, X, 12—14, вошелъ—усмотрѣлъ Дем., 669—670 и т. д., и т. д.; даже лицемъ—всѣмъ I, VII, 72—74, въ тишинѣ—лице I, VI, 49—51. Риѳмы „ёкальскія" въ значительномъ меньшинствѣ: долъ—ушолъ I, II, 131—133, ведіôтъ—ліôдъ—бьіôтъ I, III, г., безъ счота—воро́та Там. и Сел., 25—27 и нѣк. др. Изъ экальскихъ риѳмъ иныя м. б. на особомъ положеніи: человѣкъ—извлекъ, Дем., I, 5, стрк. 283—284, рѣки—страны далеки, I, XI, 111—113, за Нею—душею, II, LI, 118—119, мужей—солнечной зарей, II, XLIX, 128—130 и т. п. Ср. мои замѣчанія насчетъ подобныхъ риѳмъ у Тютчева (Матеріалы для изслѣдованія „Ф. И. Тютчевъ и его поэзіи". Изв. Отд. Р. яз. и слов. И. А. Н. 1911 г., т. XVI-го кн. 3-я, стр. 47—48, въ оттискахъ 143—144).

37) Ломоносовъ здѣсь, да и часто (однако не постоянно), пишетъ *о* послѣ шипящей, напримѣръ еще: чорной понтъ I, IX, 133, шолкъ II, XLIX, 137, обшолъ II, VIII, 156, прошолъ I, LXIV, 42, пришолъ Дем., 992.

38) Ода, блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года. I, № II, стран. 12.—Поэтскій талантъ явно сказывается, при всѣхъ неровностяхъ, уже въ первой одѣ, присланной Ломоносовымъ изъ Германіи, въ 1738 году, какъ доказательство ознакомленія съ французскимъ языкомъ: Ode composée par Mes-

sire François de Salignac, de la Motte Fénélon, Archevêque-Duc de Cambray Prince du st. Empire. Ода, которую сочинилъ господинъ Францискъ де Саліньякъ деля Мотта Фенелонъ, Архіепископъ Дюкъ Камбрейскій, Священныя Рімскія Имперіи Прінцъ. Впервые напечатана, вмѣстѣ съ подлинникомъ, въ какомъ видѣ и прислалъ ее Ломоносовъ, Академіей Наукъ въ 1855 году, на пергаментѣ, и поднесена (въ качествѣ юбилейнаго дара Московскому университету, въ библіотекѣ котораго это изданіе (единственный экземпляръ) и хранится. Ср. у Сух., I, примѣч., 18—19. Вотъ ея начальная строфа:

Горы, толь что̀ дерзновенно
Взносите верьхи къ звѣздамъ,
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками,
Чѣмъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящи
Слышу, и дожди шумящи,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

Сличенье этой 1-ой оды (Сух. I, № I, стран. 3) со 2-ою вполнѣ убѣждаетъ въ вѣрности замѣчанія Аристъ Аристовича Куника, что Ломоносовъ между 1738 и 39 годомъ сдѣлалъ громадные успѣхи. Сух., т. I, примѣч., стр. 98—99.

39) У Бѣлинскаго впрочемъ есть нѣсколько, далеко не одинаковыхъ отзывовъ о Ломоносовѣ. См. у Глаголевой, страницы 181—182. (Ср. выше, примѣч. 1, стран. 163).

40) Мѣря Ломоносова на позднѣйшую мѣрку, мы, конечно, найдемъ у него много неисправностей. Такъ размѣръ у него довольно однообразный: почти постоянно ямбъ, притомъ четырехстопный или шестистопный (александрійскій стихъ) [1]), иногда хорей четырехстопный. Иные размѣры совсѣмъ рѣдки. Распо-

[1]) Оригинальны, но не то, чтобъ особенно красивы, александрійцы безпременные, напр. I, XXVI.

ложенье риѳмъ тоже довольно однообразное; усложненной риѳмовки, въ родѣ октавы или сонета, не встрѣчается; разъ только, въ баснѣ, „Притчѣ“, II, XLI, является весьма сложная риѳма, но это *восьмикратное* окончаніе есть глагольное „ала“. Риѳмы не разъ бываютъ нечистыми, какъ: прекрасный—ясны I, XVI, 1—3, нѣжной—прежней II, LIX, 13—15, слухъ—вдругъ II, XVIII, 88—90, или бѣдными, какъ: востро—плечо I, IX, 153—154, всю—войну Тж., 125—126. Сюда, конечно, не слѣдуетъ включать вышеупомянутыя „экальскія“ риѳмы (примѣч. 35), нижѣ, полагаю, такія, какъ, потеперешнему, на мой слухъ нестерпимыя, вѣтръ—нѣдръ I, XXI, 47—50, Петръ—щедръ II, XLIX, конецъ, Петръ Великій, 113—114, т. к. Ломоносовъ, видно, произносилъ: вѣтъ, нѣтъ, пѣтъ, щѣтъ: ср. указываемый въ § 101 грамматики выговоръ „донъ“ вм. добръ.—Стихи иногда бываютъ плоховаты—или тяжелы, съ толкотней ударяемыхъ слоговъ, или (изрѣдка) жидковаты („малоударны“), напр.: Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонитъ, I, X, 105, Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ I, XVI, 90, Врученную тебѣ люби вѣкъ дочь цареву, Дем., 369, Великому внушилъ слухъ граду, II, XVIII, 72; Всплескиваючи руками I, III, в. Люблю ли я его, или я ненавижу, Дем., 1129. Попадается нестерпимое стеченіе согласныхъ, напр.: Ахъ, если бъ то былъ сонъ, то *бъ съ мр*акомъ разрушился! Там. и Сел., 113, Отъ тихи*хъ вст*очныхъ водъ, I, LXVI, Б, 5, Вѣне*цъ взл*агаетъ на Россію, II, XLIX, 154, Слыхалъ ли кто *изъ въ св*ѣтъ рожденныхъ, II, LI, 51. Попадается крайне насильственная разстановка словъ: „Четыре родъ вѣнца Елисаветѣ далъ“, I, LVI, стр. 292, „Натуры хитрыя возможныхъ опытъ силъ“, II, XXXVI, стр. 153.—Еще менѣе, чѣмъ стихами Ломоносова, мы теперь можемъ безусловно восхищаться его прозой, съ длинными латино-нѣмецкими періодами, съ глаголомъ на концѣ.

41) Ср. у Глаголевой, стран. 178—179; однако также у Карскаго, въ началѣ его рѣчи.

42) Ломоносовъ, впрочемъ, иногда передѣлывалъ свои произведенія, и нѣкоторыя его оды, напр. VII—VIII-ая I-го тома являются въ двухъ редакціяхъ; также самоцитаты въ Риторикѣ не разъ содержатъ разночтенія, напр. 15 строфа оды на взятіе Хотина (I, II) въ Краткой риторикѣ, § 54. Не думаю однако,

чтобы эти перемѣны всегда представляли сознательныя поправки: онѣ могутъ быть и ошибками при цитированіи на память. Въ виду этого я привожу начало Вечерняго размышленія не совсѣмъ такъ, какъ оно звучитъ въ текстѣ у Сухомлинова.

43) Это начальный стихъ; остальные къ Ломоносову непримѣнимы. Вспомнить по поводу Ломоносова о Дантѣ вполнѣ естественно, т. к. оба были основателями литературы на родномъ языкѣ.

2007060453